

АН СССР

**ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПРОБЛЕМЫ
ЭТНОГЕНЕЗА
И ЭТНИЧЕСКОЙ
ИСТОРИИ
НАРОДОВ
СРЕДНЕЙ АЗИИ
И КАЗАХСТАНА

Выпуск III

ЭТНОГРАФИЯ

МОСКВА 1991

Ответственные редакторы:

Б.А.Литвинский

Т.А.Жданко

Ответственный секретарь С.В.Чешко

Редакционная коллегия: С.Г.Агаджанов, В.Н.Басилов,
Е.Е.Неразик, Г.Л.Хить,
О.М.Машкина

II. ЭТНОГРАФИЯ

Б.В.Андрианов

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Исторические судьбы народов, их этногенез, этническая история самым тесным образом связаны как с общественными, историческими процессами, так и с конкретной этнической территорией, на которой эти процессы развиваются. Поэтому необходим комплексный, междисциплинарный, историко-географический подход, когда мы пытаемся моделировать прошлое народов, приводя в определенную систему известные из различных источников исторические факты. Моделируя прошлое, мы находим ключи и к объяснению многих современных сложных этногеографических ситуаций. В Советском Союзе, как мы хорошо знаем, особой сложностью и мозаичностью этнических территорий отличается Средняя Азия и Казахстан – эта крупная историко-культурная область.

Ряд проблем современной этнической географии Средней Азии и Казахстана может найти свое решение только при обращении к древней и средневековой истории населения. Среди таких проблем особое место занимает проблема исторического взаимодействия ираноязычных и тюркоязычных этносов. Известно, что их соотношение менялось от эпохи к эпохе. Но нет полной ясности в определении времени появления тюркоязычных групп и механизмов их взаимодействия с ираноязычным населением. В 1940-х гг. известный археолог А.Н.Ернштам выделил на территории Средней Азии и Казахстана две культурно-исторические зоны, в одной – иранской – преобладало оседлое земледельческое население, а в "местах обитания скотоводческого хозяйства – тюркское". По его мнению – "там, начиная с эпохи бронзы, шел процесс формирования кочевого общества, там конечным результатом процесса являлся тюркский этногенез¹.

Впоследствии выяснилось, что эта жесткая схема взаимозависимости развития хозяйственно-культурного типа кочевников-скотоводов и этнических процессов формирования тюркоязычных этносов в методологическом отношении ошибочна. Она противоречит конкретным фактам древней истории края, которые могут быть освещены с позиции концепции, разработанной советскими этнографами "хозяйственно-культурных типов" (ХКТ) и "историко-культурных областей" (ИКО). Как известно, они часто не совпадают с этническими структурами отдельных этносов. Различия между ними в том, что группа этносов, образующих одну ИКО, может быть носителем нескольких ХКТ и, напротив, один и тот же ХКТ может быть характерным для самых различных этносов, далеко удаленных друг от друга, но обладающих сходными комплексами культуры, которые возникли конвергентно или дивергентно в процессах взаимодействия данных обществ с географической средой².

Население Среднеазиатско-Казахстанской историко-культурной провинции в каждый период истории представляло собой определенную историко-культурную общность, внешние границы которой, однако, менялись: в эпоху раннего железа они соединяли сакоскифский мир от Причерноморья до Центральноазиатских нагорий, то в период среднеазиатской античности (при ахеменидах и кушанах) продвигались далеко на юг, то связывали в тесный узел торговые коммуникации "шелкового пути" от Китая до Европы, то вновь заходили далеко на север и северо-запад, объединяя в средние века торговыми путями земледельческие оазисы Средней Азии с Поволжьем, Причерноморьем и Западной Сибирью.

На протяжении тысячелетий здесь формировались различные хозяйственно-культурные типы (ХКТ): 1 - в неолите - полуседлых охотников-рыболовов; 2 - в эпоху бронзы - полуседлых скотоводов-земледельцев дельтовых областей и речных долин; 3 - в период древних государственных образований - оседлых земледельцев с плужным земледелием на орошаемых и неорошаемых землях) и скотоводством; 4 - кочевников и полукочевников аридной зоны с очагами земледелия.

Формирование хозяйственно-культурных типов было сложным историческим процессом. Исследованиями археологов раскрыт путь продвижения навыков орошаемого земледелия и разведения скота из древнего юго-западного (Прикаспийского) очага на восток и северо-восток на берега равнинных рек и в зону предгорий Средней Азии, где позднеолитических охотников-рыболовов сменили земледельцы и скотоводы³. Продвижение навыков производящего хозяйства на территории Казахстана началось из Приуралья, где этому способствовало распространение подвижных форм скотоводства в широкой зоне евразийских степей⁴. Исследователи связывают это движение с миграциями древних индоевропейских племен, владевших колесными повозками⁵. Древний очаг распространения колесного транспорта - Передняя Азия (не позднее начала III тыс. до н. э.), где Т.М.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов и размещают возможную территорию первоначального распространения индоевропейского праязыка. По их мнению, наиболее древней миграционной волной в северо-восточном направлении были тохарские племена, их потомки в Восточном Туркестане (в I тыс. н. э.) сохранили древние общеиндоевропейские названия "колеса" и "колесницы". В начале II тыс. до н. э. носители тохарских языков, по данным Т.В.Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванова, обитали к югу от Урала и северной Аральского моря⁶. В Южном Зауралье археологи обнаружили на р.Синташта погребение с колесницей этого времени⁷. Наскальные изображения колесных повозок, запряженных лошадьми, зафиксированы и далее на восток на широкой территории, на востоке и юге Средней Азии (Саймалы-Таш, Памир), в северной Индии, Южной Сибири, вплоть до Монголии⁸.

В западной части Европейских степей подвижные скотоводы сформировали в III тыс. до н. э. "древнейшую" историко-культурную общность, с которой как лингвисты, так и археологи, связывают формирование индоиранских языков и этносов⁹. Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс.Иванов рассматривают эту область в качестве "вторичной" прародины индоевропейцев¹⁰. Обитатели Причерноморских степей, судя по археологическим данным, были

знакомы с подвижным скотоводством и земледелием. Их культура характеризуется наличием колесных повозок, развитой металлургией меди, а затем бронзы, использованием домашней лошади как тягловой силы, наличием значительного числа религиозных символов ("Колесница Солнца").

Формирование индоиранских языков прошло несколько этапов. До своего продвижения в Казахстанско-Среднеазиатский регион в первой половине II тыс. до н.э., по мнению лингвиста В.И.Абаева, индоари жили по соседству с предками славян, балтов и германцев, а на северо-востоке по соседству с угрофинскими племенами II. В.И.Абаев выделил три основных этапа формирования индоиранских языков: I - период арийской общности (вторая половина III тыс. до н.э.); 2 - период ее разделения на протоиранскую и протоиндоарийскую (первая половина II тыс. до н.э.); 3 - период обособления североиранской (скифско-сарматской) группы от южноиранской группы (первая половина I тыс. до н.э.)¹². Это способствовало широкому распространению восточноиранских языков и этносов на всей территории Среднеазиатско-Казахстанской ИКО.

С появлением железа на рубеже II и I тыс. до н.э., когда по крылатому выражению Ф.Энгельса началась "эпоха железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора", подвижность скотоводов увеличилась и наметилось формирование более развитых форм полукочевого и кочевого скотоводства. Передвижение кочевников увеличивало и этнические контакты оседлых земледельцев юга и скотоводов севера, укрепляло и усложняло их культурное взаимодействие. Наметились и довольно существенные хозяйственно-культурные различия между отдельными группами. Для населения каждой из трех основных природных зон - гор, предгорий и равнин - были характерны свои особенности хозяйственной деятельности, соотношения земледелия (орошаемого и неорошаемого) со скотоводством¹³.

В зоне предгорий и на берегах небольших рек начало орошаемого земледелия связано с лиманным и подпрудным регулированием паводковых вод, что не требовало широкой кооперации населения. В долинах и дельтах более крупных рек навыки орошения развивались более сложным путем - от болотного или ли-

манного земледелия через регулирование паводков с помощью обваловки, сооружения защитных дамб и более сложных оросительных систем к регулированию сезонных разливов рек в масштабе крупных водных бассейнов; организация водно-ирригационного хозяйства в оазисах сопровождалась оформлением первых государственных образований на юге Средней Азии¹⁴.

К этому времени относятся древние тексты Авесты-Гаты и Яшты, в которых, по мнению исследователей (С.П.Толстова, В.В.Струве, В.И.Абаева) раскрывается картина борьбы между носителями двух хозяйственно-культурных укладов - между "ариями" - оседлыми земледельцами-скотоводами земледельческих оазисов (Бактрии, Маргианы, Согда, Хорезма и др.) и "тура" - скотоводческими полукочевыми и кочевыми племенами в дельтах среднеазиатских рек¹⁵. (Это был и процесс нарастающего кризиса первобытнообщинных отношений, развития классовой дифференциации, утверждения сильной власти, без которой невозможна организация крупного водно-ирригационного хозяйства, ставшего основой среднеазиатских государственных объединений¹⁶. Началось формирование ХКТ оседлых земледельцев с плужным земледелием (на орошаемых и неорошаемых землях). Становление государственности, сопровождаемое военными вторжениями, миграциями и этническим смешением, способствовало формированию крупных среднеазиатских, преимущественно ираноязычных этносов: бактрийцев в бассейне верхней и средней Амударьи, согдийцев в бассейне Зеравшана и Кашкадарьи, парфян вдоль Северного Копетдага, маргианцев - на Мургабе, хорезмийцев в низовьях Амударьи, парканцев - в Фергане, сако-массагетских племен - в горах Средней Азии и Арало-Каспийских степях; усуней - в Семиречье. На периферии древнеземледельческих государств активно развивался процесс изменения хозяйства, образа жизни и форм культуры - процесс, который сопровождался формированием ХКТ кочевников и социальной стратификацией, получившей вещественное выражение в монументальных захоронениях с богатейшим инвентарем. Находка "золотого человека" в кургане Иссык на юге Казахстана показала, что детали его высокого головного убора находят соответствие в древнеиранской мифологии и, следовательно,

местные жители (саки) – восточные иранцы. Судя по материалам К.Акишева, позднее у них развивались как кочевно-скотоводческие, так и оседло-земледельческие формы хозяйства, городская культура ¹⁷.

Появление военно-миграционных форм кочевничества усилило роль кочевников в этнических процессах Древнего мира ¹⁸. В I тыс. до н.э. следует миграция киммерийцев, сарматов, сарматов на юг – в Малую Азию, Иран, Афганистан. В III в. до н.э. в Центральной Азии был создан крупный племенной союз хунну, военные миграции которого дали толчок движению кочевников на запад (племена юэчи, гунны). Еще много спорного в идентификации этнонимов, встречающихся в исторических источниках древних авторов Запада и Востока. Кто такие, например, юэчи? Существует множество точек зрения. С.П. Толстов связывает юэчи с массагетами ¹⁹. Он помещает даже юэчи (по его мнению – восточных массагетов) в Восточном Туркестане. Другую часть он помещает в низовье Сырдарьи и рассматривает тахаров, населявших, как он считал, берега Кувандарьи (Джотьсарский оазис), как одно из племен массагетско-юэчийской конфедерации. Г.Е. Пугаченкова рассматривает в одном ряду этнонимы "юэчи", "тохары" и "кушаны". Кушаны, по ее мнению, сильнейшее из племен юэчи ²⁰. Обитавшие в Монголии и Восточном Туркестане да-юэчи были в конце III и начале II века до н.э. изгнаны хуннами. Юэчи отступили на запад, где в 133–129 гг. до н.э. достигли Самарканды и разгромили Греко-Бактрийское царство, основали Кушанскую империю ²¹. Хунны из Приаралья начали военный поход в Европу, который вызвал "великое переселение народов". К VI в. значительная часть Средней Азии и Казахстана вошла в Тюркский каганат, границы которого сомкнулись на востоке с Китаем, а на западе – с Византией. На протяжении довольно длительного времени (почти тысячи лет) происходил процесс смены тюркскими языками иранских на территории Казахстана и значительной части Средней Азии ²². Особенно интенсивно эти процессы развивались в скотоводческой зоне, в периферийных районах оседло-земледельческих оазисов Средней Азии, когда два различных по своей сущности процесса

хозяйственно-культурного развития и этногенеза среднеазиатских народов как бы наложились друг на друга.

Давние связи оседло-земледельческого населения с кочевно-скотоводческим миром, а также существование переходных форм хозяйственной жизни способствовали формированию в новое время многих общих черт материальной и духовной культуры народов Средней Азии и Казахстана при сохранении существенных различий (например, в конструкции жилищ, домашней утвари, пищи и т.п.) между оседлыми земледельцами и полуседлыми земледельцами-скотоводами или кочевниками-скотоводами. Обитатели земледельческих оазисов нового времени – узбеки, таджики, туркмены, каракалпаки и др. – унаследовали от своих древних и средневековых предков богатый опыт орошаемого земледелия и скотоводства, строительства крупных оросительных систем и различных гидротехнических сооружений. В горах были разработаны разнообразные методы и приемы полеводства на склонах и искусственных террасах, на конусах выноса горных галек, сложные методы полива полей. Наряду с поливным земледелием существовало и богарное на атмосферных осадках. На окраинах земледельческих оазисов вплоть до XX в. сохранились древние традиции примитивного кавирного и лиманного земледелия, в сочетании со скотоводством и рыболовством. Кочевники-скотоводы занимали обширные пространства пустынь и гор. Почти все они вели и земледельческое хозяйство в той или иной форме. Соотношение земледелия и скотоводства было различным и в разных районах Средней Азии, и у разных этносов. Поэтому каждый крупный этнос подразделялся на этнографические и территориально-хозяйственные группы, соответствующие разным ХКТ и их многочисленным подразделениям. В древности процессы развития хозяйственно-культурных типов на территории Средней Азии и Казахстана развивались преимущественно конвергентно в разных этнических средах, но, начиная с раннего средневековья, стали преобладать дивергентные процессы, в которых особая роль принадлежала тюркоязычным этносам, их военным и хозяйственным миграциям. Именно в тюркской среде полностью завершилось в середине I тыс. н.э. формирование ХКТ кочевников-скотоводов, когда сходные

формы упряжки, жесткое седло со стременем, орудия труда и оружие, решетчатая разборная войлочная юрта, специфические кочевнические формы одежды и пищи широко распространились в степной зоне всей Евразии ²³.

В Среднеазиатско-Казахстанской ИИС на протяжении истории складывались процессы взаимодействия не только двух ХКТ - оседлых плужных земледельцев с ирригацией и скотоводов-кочевников, но и целого ряда переходных форм, в частности, ХКТ с полуседлым комплексным скотоводческо-земледельческо-рыболовным хозяйством. На протяжении древней и средневековой истории между всеми этими ХКТ, связанными с ними массивами населения, устанавливались своеобразные формы взаимного экономического приспособления, разделения труда, торгового обмена, общественно-политического и культурного взаимодействия, в прямой зависимости от исторических событий, взаимодействие господствующих политических и этнических группировок. Все это и определило ход этнических процессов на общем фоне средневековой феодальной раздробленности населения.

История народов Средней Азии и Казахстана богата бурными политическими событиями, переселениями и смешением древних и раннесредневековых народностей, положивших начало их трансформации в рамках новых государственных образований. Так, по мнению С.П.Толстова, узловым моментом формирования таджикской народности явилось государство саманидов (875-999 гг.). В XI-XII вв. в границах Караханидского и Хорезмшахского государства сложилось основное ядро узбекской народности. Завершающий этап связан с переселением в начале XVI в. узбеков Дешт-и-Кипчака в оазисы. Они смешались с местным тюркским и туркизированным населением, передав ему свое имя. К IX-X вв. относится сложение ядра туркменской народности. Процесс формирования казахской, каракалпакской и киргизской народностей завершился в XV-XVI вв. ²⁴ В этих сложных этнических процессах одни и те же древние и средневековые племена и группы входили в состав разных формирующихся этносов: бактрийцы и согдийцы вошли в состав таджиков и узбеков, древние парфяне и маргианцы, а также позже огу-

вы - в состав туркмен, древние обитатели степей (саки, усунь) и средневековые кипчаки послужили компонентами в формировании этносов казахов, каракалпаков и отчасти киргизов. Поэтому феодальные государства позднего средневековья - Еухара, Хорезм и Коканд - представляли собой в XIX в. сложные полиэтнические образования.

1. Бернштам А.Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии // Советская этнография. У1-УП. 1947. С.148.

2. Андрианов Е.В., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования // Советская этнография, 1972, № 2. С. 8-10; Андрианов Е.В. Этнос и историко-этнографические области // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (язык и этнос). Ленинград, 1983. С.5-14.

3. Лисицына Г.Н. Становление и развитие орошаемого земледелия в Южной Туркмении. Спыт исторического анализа материалов комплексных исследований на юге СССР и Елижнем Востоке. М., 1978. С.14-23; Андрианов Е.В. Опыт типологизации орошаемого земледелия и ирригации в Средней Азии и Казахстане (конец XIX - начало XX в.) // Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984. С.75-76.

4. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С.147-153.

5. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть вторая. Тбилиси, 1984. С.733-737.

6. Там же. С.938.

7. Генинг Г.В. Могильник Синташта и проблема ранних индоиранских племен. // Советская археология, 1977. № 4. С.53-73.

8. Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980. С.194.

9. Мерперт Н.Я. Этнокультурные изменения на Балканах

на рубеже энеолита и раннего бронзового века // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, археология. М., 1984. С.243.

10. Гамкрелидзе Т.В., Ианов Вяч.Вс. Указ. раб. С. 947-948.

11. Абаев В.И. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.

12. Абаев В.И. Миф и история в Гатах Зороастра // Историко-филологические исследования. Памяти Н.И.Конрада. М., 1974.

13. Андрианов Е.В. Спыт типологизации ... С.77,88.

14. Андрианов Е.В. Роль ирригации в становлении древних государств (на примере Средней Азии). // Ст доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 77, 80-81.

15. Абаев В.И. Скифский быт и реформа Зороастра // Archiv Orientalni. 1956. т.24. n.1. s.41.

16. Толстов С.П. Древний Хорезм. Спыт историко-археологического исследования. М., 1948. С. 48-54.

17. Акишев К.А. Саки и усунь // Казахская ССР. Алмата, 1979.

18. Марков Г.Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 312.

19. Толстов С.П. Древний Хорезм. С. 244.

20. Пугаченкова Г.А. В поисках памятников культуры древнего Узбекистана // Сквозь века. М., 1986. С. 45-60.

21. Гафуров Б.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С. 131-133.

22. Баскаков Н.А. Основные исторические этапы формирования тюркских языков народов Средней Азии и Казахстана // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988 г.). М., 1988. С.37-38.

23. Вайнштейн С.И. Проблемы истории жилища степных кочевников Евразии // Советская этнография. 1976. № 4. С.57.

24. Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // Советская этнография. У1-УП. 1947. С.304.

Л.А. Чвырь

ЭТНОГЕНЕЗ - АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Большинство прослушанных здесь докладов об этногенезе отдельных народов Средней Азии и Казахстана чрезвычайно важны, новы, многие интересны. Но невольно возникает вопрос - исчерпывают ли они всю этногенетическую проблематику региона? Разве "этногенез Средней Азии и Казахстана" - это сумма чуть лучше или чуть хуже "подогнанных" друг к другу данных по отдельным народам? Разумеется, нет. Однако в работах коллег-этнографов (за редким исключением) примеры регионального, широкого подхода нечасты (в то время, как археологи и антропологи давно и успешно работают и в этом направлении). Может быть, именно по этой причине постепенно складывается (а теперь иногда уже и высказывается) мнение о принципиальной ограниченности традиционной этнографии, ее возможностей при изучении этногенеза. Такое суждение приходится отчасти признать верным: достаточно напомнить, что обобщающие доклады по этногенезу отдельных народов на нынешней сессии делали преимущественно археологи, антропологи и востоковеды. Поэтому в сложившейся ситуации вполне уместен триумф: сложный исторический феномен требует и сложного, комплексного анализа, при котором каждая наука (на определенном этапе разрешения изучаемой проблематики) должна четко осознавать и вставшие перед ней новые задачи (кстати, возникшие в контексте общих достижений), и свои нынешние возможности, и способы их реализации.

Одной из таких актуальных проблем, стоящих сейчас перед исследователями традиционной этнографии Средней Азии и Казахстана, и посвящена первая часть этой статьи. Но в конце ее несколько слов все же следует добавить и по поводу другой, уже дискутировавшейся здесь проблемы, также тесно связанной с затрагиваемой мной темой - о самоназвании народов.

Уровень наших знаний о традиционной культуре Средней

Азии и Казахстана в настоящий момент довольно высок, хотя есть еще пробелы и отставания по отдельным вопросам, о чем ясно свидетельствуют результаты работы над историко-этнографическим Атласом народов Средней Азии и Казахстана. Но по-прежнему остаются вне активного внимания ученых многие общерегиональные феномены и реалии. На первый взгляд, это кажется необъяснимым, ведь сам принцип регионального подхода к традиционной народной культуре Средней Азии и Казахстана (и соответственно - множество больших и малых частных исследований, построенных на нем) очевидно способен серьезно содействовать исследованиям именно этногенетического профиля.

Общезвестны разнообразие и сложная структура человеческих общностей - хозяйственно-экономических, культурных, политических, социальных, государственных, религиозных, национальных и др. Развитие, взлеты, падения, ареалы, этапы существования разного рода культурно-социальных сообществ людей на протяжении истории также обычно не совпадали, но всегда в той или иной мере коррелировали, тем самым разнообразно влияли на направленность, темпы и характер этногенетических процессов - конечный предмет нашего изучения. Этот тезис всеми давно принят как аксиома, но разностороннего, глубокого раскрытия на среднеазиатском материале он еще не получил. Впрочем, одни группы проблем, например, влияние государственных объединений, политических взаимоотношений на этнографические процессы в Средней Азии, рассматривались неоднократно и это направление анализа успешно продолжает развиваться (достаточно упомянуть работы С.Г. Агаджанова, К.А. Пищулиной, Г.А. Федорова-Давыдова и многих других). В то же время такой важный для Средней Азии вопрос, как роль ислама в местной этнической истории, исследован пока явно недостаточно. Еще безотраднее отсутствие даже самой общей постановки вопроса о влиянии на этнические процессы некоторых других важнейших исторических факторов. Например, до сих пор не ясно, как в разные периоды наличие историко-культурных областей на изучаемой территории влияло (и влияло ли?) на формирование и развитие отдельных на-

родов и всего среднеазиатского этногенетического процесса в целом. Насколько слабо разработана у нас эта тематика, показывает один пример. Итогом среднеазиатского этногенеза являются несколько всем известных современных народов; параллельно протекавший многовековой глоттогенез на той территории в итоге породил современные среднеазиатские языки, также всем известные; а каковы результаты развития традиционной культуры в этом же регионе, какова структура историко-этнографической Среднеазиатско-Казахстанской провинции? Сразу дать точный и бесспорный ответ на этот вопрос, пожалуй, будет затруднительно.

Широко известно и, кажется, всеми принято положение о двух параллельно развивающихся и взаимосвязанных иерархиях историко-культурных общностей: этнических и этнографических². Взаимодействие этих двух феноменов (и синхронное, и диахронное) крайне сложно, изменчиво и мало изучено. Сейчас мы фактически знаем лишь, что общности двух указанных категорий могут либо во многом совпадать, либо чаще, как бы отеснять одна другую, и попеременно выходить на первый план (в сознании народа-носителя). Но конкретных локальных примеров подобного рода все еще очень мало, а в региональном масштабе пока еще не определена даже сама иерархия, структура историко-этнографической провинции, сложившейся на территории Средней Азии и Казахстана (то есть членение ее на разных уровнях), не говоря уже о взаимовлиянии этой иерархии с этническими общностями разной таксономии. Рассмотрение именно этих вопросов, как кажется, не только актуально, поскольку способно заметно продвинуть вперед исследования среднеазиатского этногенеза, но и, что не менее важно, полезно для традиционной этнографии уже сейчас. В указанном направлении этнографы-"среднеазиаты" работают давно и достигли немалых успехов (которые особенно заметны, например, в сравнении с результатами изучения тюркоязычных народов Восточного Туркестана, ныне Синьцзян-Уйгурского автономного района на территории КНР). Успехи эти воплощены во множестве монографий и статей, в материалах Историко-этнографического Атласа народов Средней Азии и Казахстана.

К настоящему времени внутри каждой народной культуры Средней Азии и Казахстана выделены или намечены так называемые локальные варианты и, соответственно, локально-этнографические группы внутри этносов. У киргизов и таджиков — это северная и южная группы, у казахов — западная, южная и северо-восточная, у туркмен — юго-западная, северо-восточная и, возможно, юго-восточная, у узбеков — группы чаще называют по географическим наименованиям — хорезмские, сурхандарьинские, фергано-ташкентские узбеки и т.п. Эти локальные варианты этнических культур Средней Азии и Казахстана выделены, но изучены пока все же неравномерно. В одних случаях выявление локально-этнографических групп пока основывается лишь на разрозненных данных отдельных элементов материальной культуры изучаемого народа. Традиционная культура других народов анализируется в целой серии статей и монографий, где она представляется как единое, взаимосвязанное целое, хотя и имеющее несколько равноценных вариантов; здесь же, как правило, указаны частные, подмеченные сходства с соседними или родственными группами населения региона. И лишь в совсем редких случаях внимание исследователей преимущественно посвящается анализу многочисленных фактов сходства с другими народами. Из авторов, целиком сосредоточившихся на рассмотрении всего спектра культурных связей одного этноса (в пределах Среднеазиатско-Казахстанского региона и даже всей Центральной Азии), прежде всего, пожалуй, можно назвать С.М. Абрамзона с его книгой о киргизах³.

Очевидно, исторически сложилось так, что разностороннее изучение традиционной культуры всех крупных среднеазиатских народов протекало параллельно, почти не касаясь друг друга. Констатируя эту ситуацию, приходится напомнить банальное положение: если не все, то многое познается в сравнении. Взгляд на любую отдельную этническую культуру без учета общекультурного контекста всего региона, конечно, уменьшает, схематизирует, упрощает наше видение и понимание ее специфики, "особости" и отнюдь не способствует глубине научной разработки "внутриэтнической" проблематики. Диалектическое сочетание общерегиональных и "внутриэтнических"

штудий безусловно эффективнее. Но почти все работы по историко-культурному районированию в Средней Азии объединяет одна удивительная особенность: дойдя до определенного рубежа — границ расселения изучаемого этноса, — исследователи внезапно останавливались, попытки обобщить накопленные и проанализированные этнографические материалы, взглянуть на них с региональной точки зрения до сих пор единичны⁴. Возможно, это диктовалось задачами конкретного этапа исследований, но тогда следует заметить, что он уже явно близок к завершению. Если же именно с того момента, когда уже выделены основные локальные варианты культур всех народов на территории Средней Азии и Казахстана, работу продолжить в аспекте сопоставления и группировки многочисленных данных подобного рода, то в итоге получаем здесь несколько историко-этнографических областей уже более крупного таксономического уровня. Эти последние отличаются от "локальных вариантов культуры этноса" своей принципиальной полиэтничностью и отсутствием единого самоназвания (и, видимо, самосознания). Отдавая себе отчет в гипотетичности и приближительности предлагаемого членения, полагаю, что все же вполне четко уже сейчас можно выделить четыре историко-культурные области. 1 — центр Средней Азии (территория Северного Таджикистана и Центрального Узбекистана, от Бухары, Самарканда до Ферганы и Ташкента). Создателями традиционной культуры этой области являются представители двух этнических групп — так называемые оседлые местные узбеки и северные группы таджиков. Другие ныне проживающие здесь же этнические и этнографические группы среднеазиатского населения (например, в прошлом кочевые и полукочевые узбеки) тоже, безусловно, внесли свою лепту в облик местной культуры, но все же фундаментальные, определяющие черты этого локального варианта среднеазиатской культуры создали именно местные оседлые узбеки и северные таджики. 2 — Семиречье (и, возможно, прилегающие районы). Многие черты культурного сходства, как известно, объединяют северных киргизов и южных, а отчасти и северо-восточных казахов. 3 — Хорезмская историко-культурная область. Создателями ее, как известно, были местные оседлые узбеки, ко-

чевые в прошлом дашкипчакские узбеки, издавна связанные с оазисами западные казахи, северо-восточные туркмены и каракалпаки. 4 - Юго-восток Средней Азии. Объединяет территории Южного Таджикистана и Южного Узбекистана, главным образом, нынешней Сурхандарьинской области, населенные чересполосно группами южных таджиков и узбеков преимущественно кочевых и полукочевых в прошлом. После дополнительных исследований в Туркмении, видимо, прояснятся возможности выделения еще и пятой историко-культурной среднеазиатской области на территории юго-запада этой республики.

Степень консолидации внутри каждой из намеченных локальных историко-этнографических областей конца XIX - начала XX вв., конечно, была разной. Но также очевидна и закономерность, неслучайность этих образований: поскольку везде мы имеем дело с определенным сочетанием сегментов традиционных культур, которые явно сложились давно. Это именно историко-культурные общности XIX - начала XX в., и они-то и являются составляющими структуру всей Среднеазиатско-Казахстанской культурной провинции этого периода.

Для выделения историко-культурных или этнографических областей и районов любого уровня в идеале необходимо тщательное рассмотрение всех сторон традиционной культуры (и материальной, и духовной), но до этого состояния нам еще далеко. В то же время, по наблюдениям ряда исследователей, в частности, Н.Н.Чебоксарова (как известно, совместно с М.Г.Левиным введшего в нашу науку сами понятия ХКТ (хозяйственно-культурный тип) и ИЭС (историко-этнографическая область) и позднее много занимавшегося этой проблематикой), наиболее "чуткими" к выявлению разного рода культурных ареалов на территориях расселения этносов являются как раз те формы народной культуры, которые в наибольшей степени связаны с художественным творчеством (т.е. орнамент, украшения, танцы, музыка и т.п.)⁵. Имея в виду это замечание, я и предприняла попытку на материале ювелирных женских украшений выделить на уровне всего региона историко-этнографические области.

Изучение пространственных закономерностей распростране-

ния среднеазиатских украшений в последнее десятилетие ведется особенно интенсивно, но пока тоже исключительно в рамках отдельных этнических культур. Именно с этим обстоятельством, видимо, и связан основной итог подобных работ - в Средней Азии и Казахстане в XIX - начале XX в. именно традиционные ювелирные женские украшения были одним из наиболее показательных этнических признаков. Это положение, естественно, остается в силе и теперь. Каждый этнический комплекс ювелирных украшений обладает целым набором характерных черт (в части металлических изделий это форма вещей, техника изготовления, орнаментика, названия-термины и проч.). При этом одни из них признавались этноспецифичными, а некоторые другие были похожи или даже идентичны свойствам украшений у соседних народов, что походя объяснялось влиянием, заимствованием и т.п. Вот эти влияния и, якобы, заимствования и были мною рассмотрены особо. Не останавливаясь на конкретном материале (он будет опубликован в специальной работе), обратимся к результатам сравнения этнических комплексов среднеазиатских украшений. В итоге сравнительного анализа удалось выделить несколько областей, населению которых присущи весьма похожие по стилю традиционные наборы украшений⁶. Итог этой попытки знаменателен: предварительно выделено пять групп украшений: I) украшения оседлого, в основном, населения центра Средней Азии (т.н. северных таджиков и оседлых узбеков Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Ходжента, Коканда, Ташкента). Проживающие в этих же районах полукочевые и кочевые группы узбеков либо частично сохраняют "свои" украшения, либо покупают их в городах у местных ювелиров-заргаров. То же в значительной мере относится и к южным киргизам и ферганским оседлым узбекам. II) украшения северных киргизов и южных казахов (отчасти и восточных). III) украшения совершенно разноэтнического населения Хорезма и прилегающих к нему областей (то есть южно-хорезмских узбеков, каракалпаков, западных казахов, северо-восточных туркмен) обнаруживают несомненную "похожесть" друг на друга. Южнохорезмские оседлые узбеки несколько больше других выделяются из этого

объединения (ряд черт "связывает" их украшения с "центрально-среднеазиатскими" изделиями первой группы), но несомненная общность с изделиями остальных "хазермийцев" тоже довольно явственна. IV) украшения юго-востока Средней Азии (южных таджиков и южных узбеков, в основном, кочевых и полукочевых в прошлом; много сходных черт отмечено и в комплексах украшений амударьинских туркмен). V) по-видимому, глубоко своеобразную группу украшений образуют изделия туркменских мастеров, особенно на юго-западе республики (но правомерность выделения этой группы пока остается проблематичной).

Хочется еще раз подчеркнуть, что в пределах каждого выделенного ареала украшения каждой из обитавших в нем этнических групп — одновременно и специфичны (по одним признакам), и имеют ряд объединяющих их черт, некий "налет", который условно можно обозначить термином "локальный стиль".

Нетрудно заметить, что при наложении ареалов пяти своеобразных групп украшений на упомянутые выше полиэтнические среднеазиатские локально-этнографические области ясно видно, что они в основном совпадают (определение более точных границ пока преждевременно).

Из всего изложенного явно вытекает не только вывод, но и целый комплекс вопросов — когда могли сложиться подобные образования (или их "ядра")? Какова их историческая подоснова и этапы формирования? И т.д. "Сталкиваясь" от внутренней структуры означенной большой культурной провинции XIX — нач. XX в. и выясняя происхождение ее составных частей, в свое время, возможно, удастся восстановить и более ранние ее состояния и тем самым уже на региональном уровне рассмотреть те этнические процессы, которые немислимо глубоко понять и интерпретировать без учета протекавших здесь широких культурных метаморфоз (об этом, в частности, упоминали в своих сообщениях К.И.Петров и Е.И.Маршак).

И в заключение — относительно дискутировавшегося на этой сессии вопроса о самоназвании народов. Письменные памятники периода древности и средневековья, даже нового времени нередко содержат некие названия — народов, племен или

групп населения — причем, часто без четкого конкретно-исторического определения содержания этих терминов. С подобными названиями (которые часто кажутся нам этнонимами и используются как аргументы в этногенетических построениях) следует все же обходиться осторожно. Работы этнографов в этом направлении методически очень важны, так как только они в состоянии фиксировать все разнообразие и иерархию живущих в народе "самоназваний", которые в действительности часто присущи разнообразным микрогруппам, этнографическим и этническим общностям внутри этноса. В качестве примера назову лишь книгу Б.Х.Кармышевой⁷; доклад на эту же тему по Еухарскому оазису мы услышали сегодня от Ф.Д.Лышкевич. С чем свидетельствуют подобные разработки? Во-первых, о том, что самоназвания образуют не только иерархическую структуру, но еще и разнятся по содержанию. Кроме того, все эти названия обычно смешаны (часто, кстати, и в сознании самих носителей культуры), поэтому насущная задача этнографии — в их систематизации. Коллективные усилия в этом направлении уже привели к важнейшему выводу: некоторые самоназвания, являвшиеся этнонимами в начале XX в., отнюдь не обязательно являлись таковыми еще в XIX в., когда они могли отражать принадлежность к иным культурно-социальным общностям (тоже разного ранга, масштаба, направленности, например, культурно-хозяйственным, конфессиональным, социальным, даже к группам людей, живших в определенных ландшафтно-климатических нишах и тп.).

Востоковеды и историки (правда, пока преимущественно вне среднеазиатского региона) тоже все чаще уже наталкиваются на подобные ситуации. Например, тщательное и широкое изучение культурной жизни позднеантичного общества в Египте позволило А.Е.Ковельману проследить парадоксальный, на наш нынешний взгляд, процесс "превращения" египтянина в ромея (= грека) и обратно (если толковать эти названия как этнонимы, к чему мы привыкли, но чем они в ту пору не были)⁸. Можно привести и другие аналогичные факты⁹. Но если все же возвратиться в Среднюю Азию, то выявленные востоковедами названия древних народов или групп племен часто как раз

не являются безусловно доказанными этнонимами, а для выяснения этого вопроса, для воссоздания общего историко-культурного контекста соответствующей эпохи приходится нередко обращаться к данным археологии. Но именно при таком раскладе проблемы археологи и историки безусловно должны знать, к какого рода и масштаба общностям людей приложим в принципе найденный в источниках термин-название. А на этот вопрос яснее этнографов вряд ли кто сможет ответить. Впрочем, одними этнографическо-типологическими параллелями в такой ситуации все же трудно обойтись; главное заключается, разумеется, в глубоком и широком изучении контекста истории (что возможно лишь при синтезе данных смежных наук). Но непосредственная функция традиционной этнографии в данном случае - вооружить исследователей методически и может быть даже акцентировать особенно присущие данному району или периоду варианты разного рода культурно-исторических общностей людей.

Проанализировав среднеазиатские данные, сейчас уже с некоторой долей уверенности можно говорить о двух уровнях историко-культурных (этнографических) локальных общностей: один "внутриэтнический", другой, более высокий - "межэтнический". И эти последние историко-культурные общности следует тщательно изучать совместными усилиями этнографов, археологов и историков.

1. См., например : Алексеев В.П. Этногенез. М., 1966. С.31.
2. Ермлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981. С.46-51.
3. Абрамзон С.М. Киргирзы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
4. Жданко Т.А. К вопросу о внутрирегиональных этнокультурных связях народов Средней Азии и Казахстана в позднефеодальный период // Проблемы современной тюркологии: материалы II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1980. С.303-308; Несколько работ о хозяйственно-культурных типах

на изучаемой территории опубликовал Е.В. Андрианов (см., например: Хозяйственно-культурный тип Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1967. С.32-37); Первым рассмотрением элементов традиционного костюма (в региональном плане) стали статьи О.А. Сухаревой: Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. Т. М., 1954; она же. Спыт анализа покровов традиционной "туникообразной" одежды ... // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. Семейные обряды в региональном аспекте рассматривали Н.А. Кисляков (Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969) и особенно плодотворно - Н.П. Лобачева (см. ее статьи в сборниках "Домусульманские верования и обряды в Средней Азии". М., 1975; "Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана". М., 1978).

5. Чебоксаров Н.Н., Андрианов Е.В. Историко-этнографические общности // СЭ, 1975. № 3. С.19; Ермлей Ю.В. Указ. соч. С.49; Иванов С.В. Киргизский орнамент как этногенетический источник // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.3. Фрунзе, 1959.

6. Заметим попутно, что общие признаки таких групп украшений не совпадают с теми, по которым выделяют обычно этническую специфику вещей. Эти признаки менее привычны: традиционный набор украшений; способ или манера ношения; общий силуэт формы отдельных изделий, съемные они или нашивные; наконец, общий стиль их орнаментики. Подробнее эти признаки рассмотрены в рукописи автора "Выявление этнокультурных признаков для историко-культурного районирования Средней Азии и Казахстана".

7. Кармышева Е.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.

8. Ковельман А.Е. Риторика в тени пирамид. М., 1988. С.5-6.

9. Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир, 1988. № 7. С.219. Кстати, подобного рода отдельные замечания неоднократно высказывались и по

Средней Азии (см., например, Гартольд В.В. Сочинения. Т.П. Ч.І. М., 1963. С.461 и др.).

Ф.Д.Люшкович

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СРЕДНЕАЗИАТСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Современная проблема национальных и межнациональных отношений у народов Средней Азии требует особого внимания к дальнейшей разработке этнической истории этого региона. За годы советской власти были созданы фундаментальные исследования по истории всех народов Средней Азии. Дальнейшие изыскания расширили проблему этногенетических связей на весь среднеазиатско-казахстанский регион. Предложенный В.Г.Гафуровым и Г.А.Литвинским системный подход к анализу среднеазиатско-казахстанского этногенетического и историко-культурного процесса позволил авторам сформулировать тезис о том, что "этнические и культурные границы между этническими образованиями были не жесткими, а подвижными, и имели характер двухсторонне проницаемых мембран, причем этнокультурная "проницаемость" не была константной, а изменявшейся (по-разному в каждом направлении) величиной". В результате, как подчеркивают далее авторы, "даже такие устоявшиеся понятия этнической истории, как консолидация и интеграция, на многих этапах этнической истории Средней Азии теряют свою противопоставленность и переплетаются в едином процессе" ¹. Дальше необходимы были конкретные исследования своеобразия этого процесса в разных этнокультурных районах Средней Азии.

В отношении Среднеазиатского Междуречья в литературе получила освещение главным образом одна из сторон происшедшего здесь в течение многих веков этнического процесса: трудами археологов, этнографов, антропологов, историков и лингвистов установлено, что современное его население — узбеки и таджики — формировалось в результате многовекового

и многоступенчатого взаимодействия ираноязычных и тюркоязычных племен и народов — носителей оседлой и кочевой культуры. Достаточно детально исследованы формы взаимоусвоения элементов культуры и хозяйства, метисация населения, появление частичного или полного двуязычия и протекавшие параллельно с этим двусторонние процессы языковой ассимиляции ². Вместе с тем, выявление дифференцирующего фактора в происходившем процессе этнической интеграции, внешне выражавшегося в сохранении двух языков и двух этнонимов, еще не было предметом специального изучения. В последних исследованиях истории узбеков и таджиков все большее признание получает тезис о том, что "язык не является в данном случае единственным индикатором пределов этнической истории народа". Эту точку зрения в значительной мере подкрепляют данные демографии и этнографические материалы, убедительно свидетельствующие, что связь между языком этноса и этнонимом не абсолютна. В этнографической литературе, начиная с конца прошлого века, отмечается близость культуры таджиков и узбеков в районах древней оседлости ⁴.

Одним из важных показателей внутренней структуры формировавшихся на общей территории и в рамках единых государственных образований двух народностей является развитие этнического самосознания и самоназвания ⁵. Ключом к решению этой задачи послужило исследование семантического развития терминов таджик и узбек.

Общезвестен факт, что история народов, известных под названиями таджик и узбек, гораздо древнее самих этнонимов. Известно также, что обе народности — узбекская и таджикская — были связаны в различные периоды своей истории с различными терминами.

В отношении термина "узбек" впервые это было сформулировано А.Ю.Якубовским, подчеркивавшим, что "кочевники-узбеки (XVI в.) застали если не на всей территории современного Узбекистана, то во всяком случае на огромной ее части густое тюркоязычное, т.е. тюркское и тюркизированное население, которое долго жило здесь культурной жизнью и складывалось в процессе слияния с другими, более древними народами, жившими

здесь со времен глубокой древности. Кочевники-узбеки вошли в тюркоязычное население лишь как "последнее слагаемое, передав ему своё имя"⁶. Еще до прихода даштикипчакских узбеков для обозначения оседлого, в том числе тюркоязычного, населения, утратившего родоплеменное деление, начинает употребляться термин сарт. В.В.Бартольд, проследив значение слова "сарт" в разные периоды его распространения на территории Средней Азии, отметил, что в источниках XI в. (Махмуд Кашгарский, Юсуф Баласагунский) это слово означало "купец" и применялось к среднеазиатским иранцам. Уже в источниках XIV в. слово "сарт" употребляется по отношению к торговому, ремесленному и земледельческому населению, как ираноязычному, так и тюркоязычному, часто как синоним слова "таджик". В труде Абу-л-Гази (XII в.) термины "сарт" и "таджик" различаются: сарт употребляется для тюркоязычного населения Хорезма, а ираноязычное население автор называет таджик⁷.

Этнографическими исследованиями XIX - начала XX в. был выявлен ареал названия сарт, охватывающий Ташкентский, Хорезмский оазисы и Ферганскую долину. В бассейнах Зеравшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи термин сарт не был распространен: оседлое население, в том числе и тюркоязычное, в этих районах называли таджик⁸. "В новейшее время, - как отмечал В. В. Бартольд, - слово сарт было признано оскорбительным для туземцев и исключено из употребления, хотя в его первоначальном значении ничего оскорбительного не было; представление о его оскорбительности возникло только потому, что кочевник вносил в него оттенок презрения к земледельцу и горожанину"⁹. Таким образом, термин сарт в районах его распространения с преимущественным тюркоязычным населением постепенно поглотился этнонимом "узбек", а термин "таджик" продолжал сохраняться в самых различных сочетаниях.

Вопрос об исторической динамике термина "таджик" уже рассматривался нами в связи с его возможной этимологией¹⁰. Как известно, происхождение этнонима может и не быть связано с его последующим значением. Однако закономерность развития термина "таджик" устанавливается через ряд взаимосвязанных названий, в том числе, видимо, и исходного. Сбратим-

ся к этим материалам для того, чтобы на этот раз проследить своеобразие протекавшего на этой территории этнического процесса.

Беря термин "таджик" отмечен в древнетюркских рунических текстах УШ в. по отношению к арабам. В этих же текстах согдийское население называется словом "тат". В словаре Махмуда Кашгарского (XI в.) дано четкое определение: таты - это говорящие на фарси. Стремясь далее, что татами в его время стали называть и уйгуров, и китайцев, он считает такое употребление слова "тат" не естественным (разрядка наша - Ф.Л.)¹¹. Сбываясь это явление, В.В.Бартольд писал, что "признак принадлежности к определенному культурному типу был в глазах кочевников важнее, чем признак национальности и языка"¹². Это наблюдение В.В.Бартольда является определяющим для понимания развития этноназваний, как отражения характера складывавшихся этнокультурных связей.

Исследование эволюции термина "тат" на территории Средней Азии показало, что в тюркских источниках с УШ до XI в. это слово означает "ираноязычный", а в дальнейшем оно получает здесь более широкое содержание.

Многозначность термина "тат" в Средней Азии, о которой писал уже Махмуд Кашгарский, объясняется, видимо, более интенсивной туркизацией, в результате которой "тат" в глазах тюркоязычных кочевников стал обозначать, главным образом, тот культурный тип, к которому принадлежала основная часть местного ираноязычного населения. В этом своем значении термин сохраняется в районах, население которых было почти полностью ассимилировано тюрками, по крайней мере, в языковом отношении (Туркмения, Узбекистан). Но там, где преобладающим осталось ираноязычное население, в частности, в районе бывшего Согда, название "тат" вытесняется его синонимом, встречающимся в источниках одновременно с тат сначала в форме тажик//тазик, а позднее таджик. В словаре Махмуда Кашгарского приведены даже два совершенно одинаковых предположения, в которых тат и таджик употреблены в одном и том же значении. Так, в дважды встречающемся выражении "он считает его иранцем" один раз употреблен термин тат, а другой

Этнонимическая, территориальная и хронологическая связь терминов тат, тажик//тазик и таджик позволяет рассматривать их как формы одного и того же названия. Связь терминов тат и таджик объясняет и исчезновение в Средней Азии названия тат применительно к ираноязычному населению. Произошло на определенных этапах как бы разделение значений: название тат сохранилось за некоторыми группами оседлого тюркоязычного населения, воспринявшего культуру местного дотюркского населения, а название таджик закрепилось, главным образом, за населением ираноязычным.

Судьба термина таджик в дальнейшем определяется этническим окружением. На территории Таджикистана, в сравнительно однородной этнической среде, слово таджик закрепляется как этноним. В смешанной же среде при том, что много веков правящие здесь династии были тюркского происхождения, в названии таджик продолжает действовать мотивированная характеристика, т.е. термин функционирует, главным образом, не в этническом, а в культурном и социальном аспектах. В.В.Гартольд по этому поводу приводит поговорку Махмуда Кашгарского: "Нет турка без тата, нет шапки без головы", и, поясняя ее, пишет: "Таджики нужны были туркам, как представители иранской промышленности, торговли и вообще культуры. Персидский язык оставался и при турецких властителях языком государственного делопроизводства и литературы". Характерно, что и распространение фарси в качестве международного языка торговых и культурных связей пришло на смену согдийскому уже в рамках тюркского каганата, которому, по заключению А.Ю. Якубовского, "суждено было сыграть большую роль в качестве своего рода толчка, вызвавшего более быстрый рост феодализации общественного строя" 15.

В источниках, начиная с XI в., наряду с обозначением складывавшейся общности как "турк ва тозик" - "турк и таджик" часто встречается замена каждого из названий совершенно определенным названием сословия. Яркие примеры такой замены содержатся в труде XI в. "История Масуда". Автор его, Абу-л-Фазл Гайхаки, около 25 лет провел на службе в государствен-

ной канцелярии и, будучи хорошо знаком с сословной иерархией, особенно часто пользуется соответствующей заменой терминов. Это и позволило одному из первых переводчиков труда Гайхаки, А.А.Ромаскевичу, дать следующие комментарии. Так, для текста "эмир погнал войско и порядок нарушился: дворцовые гулямы попрыгали с верблюдов вниз и принялись отнимать лошадей у тазиков и у всех, кто был послабее", А.А.Ромаскевич к слову "тазик" дает следующее пояснение: речь идет о чиновниках эмира. В другом месте рассказывается, как государь призвал к себе на совет "нужных лиц из людей оружия и тазиков". Люди оружия, - поясняет переводчик, - вожди тюркского войска и гвардии эмира; тазики (таджики) - чиновники гражданской администрации иранского происхождения" 16.

Другой пример из памятника таджикской литературы XVII в. Махмуда Зайн-ад-дина Васафи "Удивительные события". Издатель памятника А.Н.Болдырев приводит сообщение другого автора того же времени, Хондемира, который в рассказе о завоевании Шейбани-ханом Хорасана и Герата сообщает, что после бесчинств и грабежей узбеков наступило, наконец, затишье, в город стали возвращаться скрывавшиеся в окрестных горах приближенные бывших правителей Хорасана. В тексте о них сказано: "вузаро ва мардуми тазик". А.Н.Болдырев, исходя из контекста, предлагает понимать это выражение как "чиновная верхушка и купечество" 17.

Характерно, что и в литературе, начиная с XIX века, также отчетливо выделяется социальное значение термина таджик. Так, автор описания Бухары, изданного в 1825 г., считает таджиками всех бухарцев, живших в городах 18. Венгерский востоковед А.Вамбери прямо указывает: "Таджики - обитатели городов. Но Бухара - единственное место, где они еще хвастают своим происхождением" 19.

Счень тонкие наблюдения о населении долины Зеравшана сообщает А.Д.Гребенкин: "Таджики долины не выражают собой какой-нибудь установившийся тип. В целом они могут быть отнесены к двум весьма характерным группам: в одной из них преобладает кровь узбекская, в другой - кровь остальных

народностей Средней Азии. Кроме того, одна группа отличается от другой языком и местом жительства, т.е. первая группа живет по преимуществу в деревнях и говорит преимущественно на узбекском, вторая же имеет местом своего жительства преимущественно города и говорит преимущественно на таджикском наречии". "Город и таджик", — подчеркивает далее автор, — так тесно связаны в понятии среднеазиатца, что узбеки, например, считают всех живущих в городах не иначе, как таджиками. Кем населен Яны-Курган? Таджиками, отвечает узбек, и если усомниться в таджикском происхождении Яныкурганцев, то узбек обидно-снижительно заметит: почему же они не таджики? Ведь они живут в городе и занимаются торговлей. Яснее этого аргумента для узбека ничего быть не может. Город есть настоящее местожительство таджиков, и только в городе таджик в своей среде" ²⁰.

Сохранение за термином таджик в районах таджико-узбекского населения, главным образом, не этнической, а культурной и социальной характеристики было отмечено и более поздними исследователями. Так, в материалах переписей 1920-1925 гг. зафиксированы, например, случаи, когда узбекоязычные жители одного из селений Самаркандской области считались у соседей таджиками, хотя по-таджикски не говорили и не отличались от окружающих узбеков ни по быту, ни по языку. Поначалу это явление считалось единичным ²¹. Однако при современном обследовании южных и западных районов Узбекистана, проведенном Е.Х.Кармышевой, было отмечено значительное количество тюркоязычных групп, которые окружающее население, тоже тюркоязычное, называет таджиками. В исследовании Е.Х.Кармышевой подчеркнуто, что эти термины в понимании местного населения означали "не столько этническую группу, сколько историко-культурный комплекс", независимо от языка его носителей ²².

Е.М.Пещерева также обратила внимание на то, что "население Карши и Гахрисябза говорит по-узбекски и считает себя узбеками, но живущие в степи и предгорьях узбеки называют их тазик — таджиками. В действительности часть городского населения относится к узбекам, помнящим еще родовые подраз-

деления, а часть, по-видимому, принадлежит и потомкам более раннего местного таджикского населения" ²³.

О.А.Сухарева при сплошном этническом обследовании в конце 1950-х гг. 220 кварталов г.Бухары, отметив крайнюю неопределенность употребления терминов таджик и узбек, пришла к выводу, что "за терминами "таджик" и "узбек" в г.Бухаре вплоть до революции еще не успело закрепиться прочной семантики" ²⁴.

Как показало проведенное нами в 1970-х гг. специальное изучение прежних самоназваний среди таджикоязычного населения Бухарского оазиса, термин таджик не только не был еще в начале XX века общим этнонимом среди одинакового по языку и культуре населения, но употреблялся, как правило, в одном ряду с названиями, связанными с сословной, профессиональной принадлежностью, местом происхождения и другими характерными для той или иной группы признаками.

Сределяющим моментом в становлении этнического самосознания и самоназвания в смешанной среде оказалось национально-государственное размежевание. Создание в числе других республик Узбекской и Таджикской ССР постепенно закрепило за терминами таджик и узбек значение этнонимов. Для таджикского населения Узбекской ССР на процессе самоопределения на разных этапах и в разных слоях населения влияли разные факторы. На первых порах отчасти продолжала действовать традиция называть себя по месту жительства: узбек — уроженец Узбекистана, носитель сложившейся здесь культуры. Нам при этом, как правило, пояснили, что таджики — это жители Таджикистана. Но главное значение имело, конечно, государственное значение термина. С ним связаны и конъюнктурные соображения в распространении этнонима узбек среди части таджикоязычного населения. Все это привело к созданию некоторых противоречий в развитии национальных отношений.

Исследование исторической динамики терминов таджик и узбек на территории Среднеазиатского Междуречья показало, что в многовековом взаимодействии двух культур (оседлой и

кочевой) каждый из этих терминов был связан не столько с этнической принадлежностью, сколько с культурной, социальной и политической характеристикой их носителей. Выявленное на материале этнонимии своеобразие этнического развития Среднеазиатского Междуречья в качестве первого вывода определило подход к изучению сложившейся здесь этнографической культуры, где особенное следовало искать не в этнических (узбекских и таджикских), а в этнолокальных вариантах²⁵. Но этот вывод — часть проблемы этнической истории современных таджиков и узбеков. Изучение истории развития этнического самосознания и различных форм этнонимических названий как бы изнутри раскрывает характер происходившего здесь в течение веков взаимосвязанного процесса. В результате в написании истории этих народов следует исходить не из образованных в советское время республик, а из особенностей их формирования на общей с первых веков нашей эры территории, в рамках единых государственных образований, общем с эпохи средневековья этноантропологическом субстрате, при органичном взаимодействии культур.

Этот поворот в исследовании проблемы имеет не только теоретическое, но в современной ситуации развития национальных и межнациональных отношений и исключительно важное практическое значение.

1. Гафуров Е.Г., Литвинский Е.А. Узловые проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана (теоретический аспект). Тезисы. М., Наука, 1976. С.4.

2. См., например, Народы Средней Азии и Казахстана. Т. I. М., 1962. С.38-114; Ошанин Л.В., Зезенкова В.Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. М., 1972; Горюнов А.К. Таджикско-узбекское двуязычие. Уч. записки Ин-та востоковедения. IV. М., 1952. С.165-200.

3. Гафуров Г.Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Ств.ред. Е.А.Литвинский. М., 1972. С.544.

4. См., например: Наливкин В.П., Наливкина М.В. Сторк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886; Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. Вып. II. М., 1872; Там же статья этого автора Узбеки; Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С.6.

5. Подробную историографию изучения роли этнического самосознания и его (фиксированной) формы — самоназвания в разработке теории этноса с-м.: Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в советской этнографической науке (основные аспекты проблемы) // СЭ, 1967. № 4. С.9-22.

6. Якубовский А.Ю. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941. С.3.

7. Бартольд В.В. Соч. Т.П. Ч.2. М., 1964. С.310-315.

8. Народы Средней Азии. Т. I. С.170.

9. Бартольд В.В. Соч. Т.П. Ч. I. М., 1963. С.162.

10. Лошкевич Ф.Д. Термин тат как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // СЭ, 1971, № 3. С.25-33.

11. Кляшторный С.Г. Древнетуркские рунические памятники. М., 1964. С. 133, 144.

12. Бартольд В.В. Соч. Т.П. Ч. I. С.461.

13. Schaeder H.H. Turkische Namen der Iranier // Die Welt des Islams. 1941. Sonderband. S.3.

14. Бартольд В.В. Там же. С.460.

15. История Узбекской ССР. Ташкент, 1967. Т. I. С.189.

16. Извлечения из "Тарихи Мас'уди" Абу-л-Ғазля Гай-хаки по изданию Марлея. Перевод под ред. А.А.Ромаскевича // Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., 1939. Ч. I. С.247. Прим.2.

17. Голдырев А.Н. Зайн-ад-дин Васифи — таджикский писатель XVI в. (Спыт творческой биографии). Сталинабад, 1957. С.221, прим.96.

18. Спасский Г. Новейшее описание Великой Еухарии // Азиатский вестник. 1825. № 5. С.304.

19. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. М., 1865. С.18.

20. Гребенкин А.Д. Таджики // Русский Туркестан. М., 1872. Вып.П. С.3-4.

21. Зарубин И.И. Список народностей Туркестанского края. Л., 1925. С.6.

22. Кармышева Е.Х. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана // Кр.сообщ. Ин-та этнографии. XXII. 1957. С.14, 15, 17.

23. Пощерова Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX - начале XX в. // Кр.сообщ. Ин-та этнографии. XXIII. М., 1960. С.39.

24. Сухарева С.А. Бухара XIX - нач. XX в. М., 1966.

25. Ложкевич Ф.Д. Особенности этнической истории и этнографических черт культуры таджикского населения Бухарского оазиса (конец XIX - нач. XX в.). Автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. ист. наук. Л., 1976.

А.С.Давыдов

АРЕАЛ РАССЕЛЕНИЯ ТАДЖИКОВ В НОВОЕ ВРЕМЯ И ВСПРОС ОБ ИХ ЭТНИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

О происхождении и формировании любого народа можно говорить, лишь установив где, на какой территории он сложился. Территория, как пространство, на котором обитают люди, в первую очередь создает условия для их общения, без чего не может возникнуть ни одна форма исторической общности, в том числе этническая. Территория, на которой происходит формирование народа, называется этнической территорией. Чтобы определить этническую территорию народа, предлагается сперва установить территорию, на которой он обитает в наше время.

Ареал расселения таджикского народа в новое время был объектом внимания ряда исследователей, особенно Н.В.Ханыкова, И.Е.Деникера, М.С.Андреева.

Известный русский востоковед Н.В.Ханыков (1819-1878), еще в 22-летнем возрасте, в 1841 году в качестве переводчика миссии Еутенева, посещает Бухарское ханство, составляет и издает прекрасное описание этого ханства¹, получившее высокую оценку ученых и принесшее широкое признание автору. Н.В.Ханыков в 1858-1859 годах предпринимает специальную экспедицию в Иран, уделяя особое внимание вопросам этнографии и этнической принадлежности населения. Н.В.Ханыков пишет: "Жителей персидского корня, проживающих в восточных провинциях Персии, именуют в настоящее время обычно таджиками. Термин этот, совершенно отсутствующий на западе Персии, начинает входить в употребление в качестве обозначения определенной категории населения в Восточном Хорасане, в Систеране, Герате и в Афганистане. Сбщенпринятым он становится применительно к каждому человеку, персу по крови лишь на берегах Оксуса и за этой рекой"².

Антрополог и этнограф И.Е.Деникер об ареале расселения таджиков писал: "Если провести черту от Астарбада к Иезду и от последнего к Кирману, то на восток от нее мы будем иметь пространство, населенное таджиками ... Таджики встречаются также за пределами Персии, в Западном Афганистане, на северо-западе Елуджистана, в Афганском и Русском Туркестане, вплоть до Памиров и даже может быть далее"³.

М.С.Андреев, прекрасный знаток этнографии и этнического состава населения Средней Азии и сопредельных стран, цитируя это положение И.Е.Деникера, отметил, что он прав, пишет, что таджики являются самыми древними засельниками Средней Азии, что они живут также в Хорасане и в значительной части Афганистана, что самые восточные селения таджиков ему встречались на восточных склонах Гималаев, в верховьях реки Раскем-дарья⁴. Стиснительно Восточного Туркестана М.С.Андреев пишет как об области, где таджики раньше всего, на большей части его территории были отуречены⁵.

Таким образом, территория расселения таджикского народа в новое время - в конце XIX - начале XX веков, охватывала северо-восток Ирана - Хорасан, север и частично - юг (Кабул и некоторые другие районы) Афганистана, Среднюю Азию и Восточный Туркестан. Однако эту территорию таджики заселяют не сплошь. Кроме таджиков здесь живут еще несколько тюрко-язычных народов, а таджики представляют собой большие и малые массивы среди этих народов. Это связано с тем, что в ЭТН (этническую территорию таджикского народа) еще до завершения процесса формирования таджикского народа проникали многочисленными волнами кочевые тюркские племена. В результате взаимодействия таджиков и пришлых тюрков, в определенных частях ЭТН сложились и обитают теперь ряд тюрко-язычных народов. Они сложились под влиянием и при непосредственном участии таджиков. В традиционной культуре тюрко-язычных народов соотношение культуры таджиков и пришлых кочевников разное. Больше всего наблюдается таджикская основа в традиционной культуре узбеков, особенно не знавших родоплеменного деления, вплоть до единства их культуры с таджикской.

С территории расселения таджиков в новое время, в основном, совпадают пределы государства Саманидов, в период существования которого, как считают многие ученые⁶, завершился процесс формирования таджикского народа.

Факт совпадения, в основном, территории расселения таджиков с пределами государства Саманидов, позволяет рассматривать ее как этническую территорию таджикского народа (ЭТН). Хотя Восточный Туркестан не входил в состав государства Саманидов, но имеются факты, позволяющие и эту область включить в ЭТН⁷.

Географические пределы ЭТН - это область, ограниченная на юге - горами Гималаями и Гиндукушем, на севере - Евразийскими степями, на востоке пустыней Гоби, на западе - пустынями Дашти Кевир и Дашти Лут и знаменитым горным проходом, известным под названием Каспийских ворот.

Область, выделенная нами как ЭТН, с глубокой древности воспринимается как единое целое. В наше время, в науке

она известна как Восточный Иран. Обычно название этой области связывают с тем, что она была заселена населением, говорящим на восточноиранских языках. Однако это не совсем так. Действительно, до распространения таджикского, язык населения большей части этой территории был восточноиранским, но язык населения Парфии-Хорасана был западноиранским. Так что, общность Восточного Ирана весьма древняя и глубокая.

Как известно, общепринятой стала точка зрения, согласно которой родиной Авесты является Восточный Иран. При этом вопрос о том, где обитали сами носители авестийского языка, в литературе обходится молчанием. В этой связи представляется плодотворным предположение И.В. Пьянкова о том, что первым иранским языком, распространившимся на ЭТН (по его формулировке "на территории исторически зафиксированного ареала расселения таджиков") был авестийский. Носители авестийского языка, считает он, представляли собой этническую общность с самоназванием арья, которое в Авесте зафиксировано как самоназвание "народа Авесты". Эта общность обладала определенным культурным единством, ярким проявлением чего представляется сама Авеста, зафиксированная в ней своеобразная религиозная система, а также "авестийские варианты" общеиранской генеалогической легенды и исторического эпоса, ставших основой "Шахнаме". О единстве этой общности в области материальной культуры свидетельствуют археологические культуры, распространенные на этой территории в XI-VI вв. до н.э. (Яз I-II, Чустская)⁸.

На территории расселения авестийских арийцев существовало политическое объединение, называемое "Арьяшайана" или "Арьянам Вайдж". Позже, но до образования ахеменидской державы, оно было завоевано ираноязычными же племенами тура⁹.

Память о турах сохраняется надолго. Ахеменидские цари территорию к востоку от Каспийских ворот и пустынь Дашти Кевир и Дашти Лут называют Тураном¹⁰. В "Шахнаме", созданном Фирдоуси, несомненно, на основе древних легенд, восточные владения общеиранского легендарного царя Фарид-

дуна достаются его сыну Туру. Владения Тура получают название Туран. Даже таджикский поэт начала XX века Туграл, родом из селения в верховьях Зеравшана, знал, что он родился в Туране ¹¹.

В "Шахнаме" имя предводителя туров - Франгарасьяны становится Афрасиабом, которое широко известно среди населения ЭТН. Даже на его восточном конце, в Восточном Туркестане, спустя два тысячелетия, представители тюркской династии, названной в науке караханидской, называли себя домом Афрасиаба ¹².

Историки эпохи Александра Македонского записали легенду о братьях Гистаспе и Зариадре, первый из которых владел Мидией и Нижней страной, т.е. Западным Ираном, а второй - "Областью, лежащей выше каспийских ворот до Танаиса (Сыр-Дарья)", т.е. Восточным Ираном ¹³. В древности легенды о едином царе отражали представление населения, создавшего их, о своем единстве. Авторы, записавшие эту легенду, отмечают, что она была популярна среди населения к востоку от Каспийских ворот, т.е. на ЭТН, следовательно, легенда эта отражала представление населения именно этой территории о своем единстве.

Таким образом, приведенные данные позволяют заключить, что население ЭТН с глубокой древности - с начала I тысячелетия до н.э. имело определенное представление о своем единстве. Однако этнические процессы на ЭТН не всегда шли по восходящей линии. Единую авестийскую этническую общность с самоназванием арья со временем сменил ряд этнических общностей - на ее базе сложились согдийская, бактрийская, парфянская и другие народности. Все же объединительные этнические процессы в целом здесь преобладали и образование государства Саманидов послужило окончательным звеном в завершении процесса формирования таджикского народа.

Одним из важных объективных показателей формирования единого народа, следовательно и единой этнической территории, является сложение у населения этой территории определенной культурной общности. Относительно сложения определенной культурной общности на ЭТН получены некоторые ре-

зультаты на основе этнографических данных. Известно, что объект этнографии - традиционная культура - отличается значительной стабильностью. Черты традиционной культуры, характерные народу в эпоху его сложения, могут сохраниться до нового времени, перейти к народам, возникшим на его базе. Поэтому, не только можно, но и нужно исследовать традиционную культуру всего населения ЭТН, независимо от его современной этнической принадлежности, как единое целое. Исследования с таким подходом и позволили выявить ряд факторов единства традиционной культуры населения ЭТН.

На всей ЭТН распространена однотипная соха - так называемый однорукоятный прямоугольный рал с коротким горизонтальным полозом. Родиной этого орудия считается Южная Туркмения ¹⁴. Но ареал его широк - до Индии, Южной Сибири, Монголии ¹⁵. Однако ЭТН объединяет еще применение собственных терминов - один - омоч, другой - слово, основу которого составляют три буквы - спр. Сно в Кулябе и Каратегине звучит - сипор, в Дарвазе - съпор, Шугнана - сипорн, Бахана - сипундр ¹⁶, в Восточном Туркестане - сапан ¹⁷. В западном Иране отличается устройство сохи и термин применяется там другой - хиш ¹⁸.

Подземные оросительные каналы в Восточном Иране называются корез (кяряз), в Западном Иране - канат ¹⁹.

ЭТН проявляет единство также в традиционном способе производства растительного масла. Специальное исследование этого производства от Китая, Индии до Передней Азии и Закавказья показало, что на всей ЭТН применяется единая установка. При этом, эта единая установка для производства растительного масла, характерная для всей ЭТН, у всех современных народов, проживающих на этой территории, называется одним и тем же термином - джувоз. Только в некоторых тюркских языках он имеет специфическую огласовку. Например, в уйгурском - джавоз ²⁰.

Таким образом, для всей ЭТН выявляется ряд приспособлений, установок, связанных с сельским хозяйством, обработкой продуктов земледелия, имеющих общность не только по форме, функциям и устройству, но и по названию. Общность терми-

нов, связанных с важными отраслями производства ²¹, проявляемая несмотря на разную языковую принадлежность современного населения ЭТН, имеет важное значение.

Единство населения ЭТН установлено также по обычаю, связанному с поминками. Известно, что похоронные и поминальные обряды и обычаи являются как бы этнической лакмусовой бумажкой. Для ЭТН оказался характерным обычай, согласно которому в доме, в котором умер человек, первые три дня пищу не готовят, а приносят ее туда из других домов. Этот обычай характерен не только для таджиков ²², но и значительной части тюркоязычного населения ЭТН: туркмен ²³, узбеков не знавших родо-племенного деления ²⁴, уйгур ²⁵.

В отличие от населения ЭТН, население Западного Ирана ²⁶, а также потомки узбекских племен даштикипчакского происхождения такого запрета не знают. Потомки узбекских племен даштикипчакского происхождения в день похорон, еще перед выносом покойного, в его же доме режут одного или несколько животных, обычно овец, и тут же варят суп, который поедается пришедшими на похороны и членами семьи успешного ²⁷.

Однако обычай запрета в первые 3 дня не разжигать огонь в доме покойного сохранился не у всего населения ЭТН, даже не у всех таджиков. Например, многие таджики Куляба поступают также как даштикипчакские узбеки. В северных районах Хорезма этот запрет распространяется только лишь на комнату, где лежал умерший ²⁸.

Рассматриваемый обычай и связанные с ним представления имеет глубокие, очень древние местные корни. Согласно зороастрийским обычаям, поминки в честь умершего продолжаются три дня, ибо считалось, что проходит три дня, прежде чем душа умершего совершенно отделяется от земной сферы и путь ее в далекий мир загробной жизни будет окончен. В эти три дня ближайшие родственники должны воздержаться от употребления мясной пищи и вообще не готовить в доме пищу ²⁹. Примечательно, что у уйгур этнографам удалось записать объяснения этого обычая, соответствующее зороастрийским представлениям: "После похорон поминки справляют-

ся в доме какого-нибудь родственника, так как в доме покойного еще нельзя разводить огня (душа покойного витает в доме и может обжечься)" ³⁰.

Отмеченные факты общности традиционной культуры населения ЭТН, независимо от его современной этнической принадлежности, хотя и единичны, их наличие вселяет надежду, что эта общность реальная и что будущие исследования несомненно подтвердят это. Считая реальным предположение о сложении на всей территории от Восточного Ирана до Восточного Туркестана в течение веков определенной этнокультурной общности, послужившей базой формирования таджикского народа, следует отметить - нет пока у нас данных о том, что на всей этой территории образовалась этническая общность с самоназванием таджик. В частности, относительно Восточного Туркестана известно, что оседлое население этой области как в средние века, так и в новое время соседи называли так же, как и оседлое население Средней Азии - тат, таджик ³¹. Но называло ли оно себя таджиками, не установлено.

Автор приглашает коллег к исследованию поднятых в данной статье вопросов.

1. Ханьков Н.В. Описание Бухарского ханства. СПб, 1843.

2. Ханьков Н.В. Записки по этнографии Персии. М., 1977. С.82.

3. Цит. по Андреев М.С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С.56.

4. Андреев М.С. О таджикском языке настоящего времени // Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945. С.56.

5. Андреев М.С. Там же. С.68.

6. Мандельштам А.М. Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье. Автореферат канд.дис. М.-Л., 1951; он же. С некоторых вопросах сложения таджикской на-

родности в Среднеазиатском междуречье // Советская археология. № 20. 1954. С.57-93; Гафуров Б.И. История таджикского народа в кратком изложении. М., 1949; он же. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.370-376; Якубовский А.Ю. Феодальный строй // История Узбекской ССР. Т.1. Кн.1. Ташкент, 1955. С.188; Толстов С.П. Основные этапы этнической истории народов Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана. Этнографические очерки. Т.1. М., 1962. С.81-82.

7. См. Давыдов А.С. О восточных пределах этнической территории таджикского народа // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1988. С.160-172.

8. Пьянков И.В. Некоторые вопросы этнической предыстории таджикского народа. // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной конференции (20-23 ноября 1988 г.). М., 1988. С.102-103.

9. Дьяконов И.М. "Авеста" и Зороастризм. // История Древнего мира. Ранняя древность. М., 1982. С.349-350.

10. Бартольд В.В. Иран. Исторический очерк // Сочинения. Т.УП. М., 1974. С.130-131.

11. Туграл Гиехи мехр (Дерево любви). Душанбе, 1986. С.126.

12. Бартольд В.В. Сочинения. Т.У. М., 1968. С.461.

13. Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 3. С.252.

14. Краснов Ю.А. Древнейшие пахотные орудия. М., 1975. С.78.

15. Там же. С.78, 86.

16. Андреев М.С. Таджики долины Хуф. Вып.П. Сталинабад, 1958. С.35.

17. Русско-уйгурский словарь. М., 1956. С.546.

18. Краснов Ю.А. Древнейшие пахотные орудия. М., 1975. С.136; Русско-персидский словарь. М., 1965. С.875.

19. Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972. С.28.

20. Davydov A.S. Traditional Oil Extraction in Soviet Central Asia and Adjacent Areas. General problems of

Antropology and Ethnography of the South Asia Papers by Soviet Researchers // X International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences (Delhi, India, December 10-21, 1978). Moscow, 1978. P.72-90.

21. О ряде других подобных фактов см.: Давыдов А.С. Ареалы таджикской производственной терминологии и изучение этногенеза таджиков // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Краткие сообщения. Л., 1978. С.55-56.

22. Кисляков Н.А. Таджики // Народы Средней Азии и Казахстана. Т.1. М., 1962. С.624. Материалы автора по разным районам Средней Азии.

23. Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып.1. М., 1954. С.207-208. Она же. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969. С.319.

24. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С.132, 137-138. Материалы автора по разным районам Средней Азии.

25. Катанов Н.Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894. С.28-32; Захарова И.В., Тихонов Д.И. Уйгуры // Народы Восточной Азии. М.-Л., 1965. С.627.

26. Сведения собраны у выходцев из Ирана, проживающих в Душанбе.

27. Полевые материалы автора, собранные в южных районах Таджикистана и Узбекистана.

28. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С.137-138.

29. Леман Э. Персы // История религий. Составитель П.Д.Шантепи де-ля Сосей. СПб. (без года издания). Т.П. С.163; Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1987. С.21.

30. Захарова И.В., Тихонов Д.И. Уйгуры // Народы Восточной Азии. С.627.

31. Давыдов А.С. О восточных пределах этнической территории таджикского народа // Этнография в Таджикистане. Душанбе, 1988. С.160-172.

К ВОПРОСУ О ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ КОМПОНЕНТАХ
В СЛОЖЕНИИ УЗБЕКСКОЙ НАРОДНОСТИ

Изучение этногенеза и этнической истории является одной из сложных, но в то же время актуальных задач исторической науки. Несмотря на некоторые сдвиги в разработке этих проблем, многие вопросы остаются еще неисследованными. В частности, недостаточно изучены такие вопросы, как формирование узбекского этноса, выявление его основных компонентов, степени их участия в этногенетическом процессе и пр. Подробное изучение этих вопросов имеет большое значение для исследования этногенеза и этнической истории не только узбекского, но и других народов Средней Азии.

Бесспорно, что узбекская народность на раннем этапе этногенеза формировалась на местной этнической основе. Историческими предками узбеков, как и других народов региона, были древние обитатели оазисов и степей Средней Азии и Казахстана — саки, массагеты, кангуйцы, тохары, согдийцы, хорезмийцы и др., говорившие на восточно-иранских языках¹. Непосредственное участие в этногенезе узбеков принимало и тюркоязычное население, часть которого образовалась в результате смешения местных ираноязычных групп с тюркоязычными племенами, селившимися в среднеазиатских оазисах небольшими группами уже с середины первого тысячелетия н.э.

Помимо древних, в основном, аборигенных племен и народов, в этногенетическом процессе узбеков участвовали многочисленные тюркоязычные племена раннесредневекового периода (тюркеши, аргу, тухси, узы, карлуки, кангли, кипчаки и др.). В рамках данного сообщения речь пойдет лишь об отдельных, наиболее крупных объединениях, а именно, о канглийском, огузском, карлукском и кипчакском, сыгравших существенную роль в сложении узбекской народности. Каждое из указанных этнических и этнополитических образований включало в свой состав ряд племен (или их частицы), принадлежавших в прошлом к различным этнокультурным средам

и племенным союзам.

Этническая история кангли была довольно сложной. Не углубляясь в нее, отметим, что древнейшие ираноязычные предки канглийцев — кангуйцы², слившись с кочевыми тюркоязычными племенами, составили ранний тюркоязычный пласт оседлого населения Согда и районов средней Сырдарьи. Он стал той этнической базой, на которой начинала формироваться узбекская народность.

В середине V в. н.э. под ударом эфталитов государство Кангуй распалось. Основная масса кочевых и полукочевых племен была вытеснена из Ташкентского оазиса и степных районов Согда. Они поселились в области, расположенной к северо-западу от р.Арысь, бывшей до этого их летним кочевьем. Здесь они образовали крупный племенной союз с центром в г.Отраре. В это объединение, помимо канглийцев и печенегов, входил ряд других тюркоязычных племен. Все они носили собирательное наименование кангар или кангли (в орхонских надписях — кенгересс)³.

В 70-х годах VIII в., под натиском двух крупных племенных союзов — огузов, карлуков и отчасти арабов — самостоятельное объединение кангли было разрушено. Часть их, оставив обжитые места, двинулась в степные просторы, лежащие к северо-западу от Аральского моря⁴, а другая была вытеснена на северо-восток. Последние поселились в долине рек Талас и Чу. Значительная масса канглийцев осталась в своих присырдарьинских кочевьях и попала в зависимость от огузов. Те их группы, которые не захотели подчиниться власти огузских племенных вождей, поселились в разных районах Мавераннахра и в Ташкентском оазисе и принимали непосредственное участие в формировании узбекской народности в IX-X вв.

Канглийцы, оставшиеся в своих кочевьях, в течение XI-XII вв. принимали активное участие в общественно-политической жизни Мавераннахра и Хорезма⁵ на завершающем этапе формирования узбекской народности. В последующие века они ассимилировались с местным оседлым населением. Однако некоторое их число вплоть до начала XX в. сохранило свое племенное наименование и родовое деление.

Значительная часть средневековых канглийцев вошла также в состав казахского, туркменского, каракалпакского, башкирского и других народов, в родоплеменных наименованиях которых в прошлом имелся этноним кангли⁶. Таким образом, изучение канглийского этноса представляет интерес не только в связи с исследованиями этногенеза и этнической истории узбекского народа, но и с точки зрения проблемы взаимоотношений и этнокультурных связей целого ряда родственных по языку тюркских народов.

Карлуки — племя алтайского происхождения. На территории Средней Азии они появились еще в VI в. н.э.

Постепенно усилившись, карлуки одержали победу над тургешами и в 766 г. овладели бывшими землями "десяти родов", т.е. землями, принадлежавшими ранее Западно-тюркскому каганату и занимавшими обширную территорию — от района оз. Балхаш и Джунгарского Алатау до Сырдарьи, включая некоторые районы Восточного Туркестана. Карлуки жили также в Тохаристане, куда они проникли еще в VI—VII вв.

Под владениями карлуков в данном случае подразумеваются не только земли, на которых жили сами карлуки и родственные им племена (чигиль, халадж, ягма, лабан и др.), но и местное оседлое население оазисов, а также остатки племенных объединений дулу, нушиби и др.

Основная масса карлуков в VIII—IX вв. жила в бассейнах Таласа и Чу, к юго-западу от Иссык-Куля и к северу от этого озера, до среднего течения р. Или включительно. Они жили также к югу от Иссык-Куля, по обоим склонам Тянь-Шаня, в Фергане, в области Исфиджаба (нынешней Чимкентской области), и в Ташкентском оазисе. Значительная группа карлуков и других тюркских племен прошла на левый берег Сырдарьи до бассейна Зарафшана, где уже в середине VIII в. некоторая часть их вела оседлый образ жизни⁷.

Автор сочинения "Худуд ал-алем", говоря о районах расселения карлуков, отмечал: "Эта область (халлухов) — заселенная и самая богатая среди всех тюркских областей. В ней есть проточные воды, а климат умеренный. Из нее вывозят различные меха. Они люди общительные, добронравные и при-

ятные ... В этой (области) есть города и деревни. И халлухи частью охотники, частью земледельцы и частью пастухи (кочевники). Доход их от овец, лошадей, (а также) от различных мехов. Люди они воинственные ..." ⁸. Далее приводятся названия более 20 городов и крупных населенных пунктов, принадлежавших карлукам.

Из сведений "Худуд ал-алем" видно, что значительная часть карлуков под влиянием местного оседлого населения перешла к оседлости и занималась земледелием. Среди них было немало ремесленников и торговцев.

Карлуки, находясь длительный период в окружении оседлого населения Мавераннахра и Семиречья, не только восприняли его культуру, но и оказали определенное влияние на культурную жизнь как оседлого и полуседлого, так и кочевго населения центральных районов Средней Азии. Во-первых, под влиянием оседлой, более культурной части карлуков, многие кочевые и полукочевые группы племен постепенно переходили к оседлости, воспринимая традиционную культуру местного населения; во-вторых, карлукский "йекающий" диалект получил широкое распространение как среди местного оседлого населения, так и среди определенного круга кочевых и полукочевых племен. В результате уже к середине IX в. в некоторых областях Мавераннахра и Семиречья сложился единый для этого региона разговорный тюркский язык.

Середина IX в. явилась переломным моментом в жизни тюркских племен Средней Азии. К этому времени у тюрков-карлуков и подвластных им племен, населявших Семиречье, Восточный Туркестан, Ферганскую долину, усилился процесс развития феодальных отношений. Главы крупных родов и племен стремились стать независимыми от верховного вождя-джабу (ябгу), что послужило причиной бесконечных междоусобных войн и раздоров. Для их прекращения необходима была крепкая государственная власть, т.е. "сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах "порядка" ⁹. Для тюркских племен середины IX в. такой силой явилось, несомненно, карлукское государство, образовавшееся в 840 г. Оно объединяло как оседлое, так и кочевое население областей по обе

стороны главного хребта Тянь-Шаня, включая северные районы Ферганской долины ¹⁰.

В рамках карлукского владения, как отмечалось выше, происходил переход значительной части тюркоязычных племен к оседлости, а также слияние с ними некоторых не тюркских по языку этнических элементов (согдийцев и др.). В то же время шел и обратный процесс - слияние некоторых групп тюркоязычных племен с местным ираноязычным населением, с соответственным изменением их языка. Вместе с тем, в условиях дальнейшего развития и упрочения экономической и культурной жизни усиливалась этническая консолидация тюркских племен. В этом большую роль играли оседлые тюркоязычные группы населения Семиречья, западной части Восточного Туркестана, Ферганской долины и Ташкентского оазиса. В IX-X вв. (в рамках владения карлуков, а затем в пределах начальных границ государства Караханидов) продолжало формироваться основное ядро этноса, который впоследствии стал именоваться узбеками, и, видимо, в тот же период начал формироваться т.наз. "староузбекский" язык, который некоторые лингвисты называют карлукским ¹¹. Этот язык получил широкое распространение уже в период Караханидов.

Одним из наиболее существенных компонентов, участвовавших в сложении узбекского этноса, были также огузы, этнические, историко-культурные контакты которых с предками узбекского народа установились еще в VIII-IX вв., когда складывалась огузская конфедерация племен, а затем государство сырдарьинских ябгу (в конце IX - нач. X вв.) ¹². В этногенезе узбеков участвовала часть некоторых племен, вошедших в огузо-туркменские объединения или находившихся в подчинении у государства сырдарьинских ябгу. К их числу относятся печенеги, кангли, сарыки, абдал, муки и др. племена или их частицы.

Огузы, проживая длительный период (VIII-XI вв.) по соседству с Мавераннахром, Хорезмом и Шашем, находились в постоянных экономических, этнических и культурных взаимосвязях с населением этих оазисов. Стдельные группы огузов жили в Келесской степи, в долинах Ангрена, Чирчика, в пред-

горьях Чаткальского и Угамского хребтов ¹³. Часть этих огузов, особенно принявших мусульманство, жила в городах и селениях области Шаша; например, они совместно с карлуками жили в Бискенте (современный Пскент Ташкентской области), а некоторая часть огузов-туркмен в VIII-X в. была поселена в долину р.Зарафшана, в районы Нуратинских гор. Они, видимо, вели здесь смешанное скотоводческо-земледельческое (оседлое и полусоседное) хозяйство. В исторических источниках говорится, что зимой местом их стоянки был Нур Бухарский (так назывался район Нуратинских гор), а летом Самаркандский Согд ¹⁴ (средняя часть долины р.Зарафшана), т.е. они пользовались пахотными и пастбищными землями Среднего Зарафшана.

Из-за усилившихся межплеменных конфликтов и междоусобиц, происходивших в степях Средней Азии и Казахстана в XI-XII вв., значительная часть огузов постепенно ушла из присырдарьинских степей. Причина ухода была также обусловлена и ухудшением их экономического положения в связи с проникновением в присырдарьинские степи кочевников-кипчаков, которые поселились здесь, имея многочисленные стада. Огузы также были крупными скотоводами. Ахмед ибн Фадлан, проезжавший через владения огузов (гузов) в начале X в., писал: "... я видел среди гузов таких, которые владели десятью тысячами лошадей и ста тысячами овец" ¹⁵. Видимо, цифры здесь несколько преувеличены, но безусловно, что среди огузов были крупные феодалы, владевшие огромным количеством скота. Когда кипчаки овладели лучшими пастбищными землями приаральских и присырдарьинских степей, то, естественно, огузы вынуждены были искать для содержания своих стад другие земли, и они стали передвигаться на запад ¹⁶.

В этногенезе узбекского народа принимали участие и кипчаки. Некоторая часть кипчаков, выделившаяся из состава кимаков ¹⁷, продвинулась к югу и в начале XI в. расселилась к северу от среднего течения Сырдарьи, т.е. на северо-востоке территории нынешней Кызыл-Ординской и на юго-западе Джамбульской областей Казахской ССР. Основным районом их расселения были горы Каратау, что подтверждается данными Махмуда Кашгарского. На карте, приложенной к сочинению этого автора

(XI в.), ясно выделяются две области кочевий кипчаков. Одна из них расположена на приволжских и приуральских землях, а другая — к северу от среднего течения Сырдарьи у горы Карачук¹⁸, что соответствует современному названию Каратау.

В первой четверти XI в. область, которую занимали ранее огузы, в том числе средняя часть бассейна Сырдарьи, окончательно перешла во власть кипчаков. Столицей их стал г.Сыгнак¹⁹.

В объединение присырдарьинских кипчаков влились племена или частицы их, входившие прежде в западнотюркский и тюркешский союз, а также некоторые группы огузов, оставшиеся в районах средней Сырдарьи. В кипчакский союз вошла и значительная часть канглийских племен, обитавшая в присырдарьинских степях и долинах рек Чу и Или. Став непосредственными соседями областей Мавераннахра и Ташкентского оазиса, кипчаки вступили в этнические и культурные контакты с оседлым населением оазисов; под влиянием последнего многие из них переходили к оседлости или вели полусоседное хозяйство, сочетая земледелие с традиционным животноводством. Приток кипчаков в земледельческие оазисы усиливался с XI в., когда они начали принимать непосредственное участие в политической жизни Хорезма и Мавераннахра.

В XI — первой половине XII в. кипчакские элементы составляли уже существенную часть населения среднеазиатских оазисов, с чем было связано распространение кипчакского языка.

Степень участия вышеназванных этнических компонентов в этногенезе узбеков была неодинаковой. Велико было значение в этом процессе карлуков, а также родственных им племен (чигили, халаджи и др.), сыгравших большую роль в образовании карлукского государства (840 г.). В рамках этого государства происходили этнические процессы объединительного характера, в результате чего постепенно складывалось, как отмечалось выше, основное этническое ядро узбекской народности.

В середине X в. образовалось государство Карахани-

дов²⁰, в котором главенствующую роль играли карлуки и родственные им племена.

Караханидский период истории тюркских народов Средней Азии включает два этапа. Первый этап охватывает середину и конец X в. Тогда территория Караханидского государства ограничивалась северными областями Средней Азии: Семиречьем, западными районами Восточного Туркестана и северо-восточными районами Ферганской долины, т.е. теми областями, которые находились под властью предыдущей династии — Карлуков. Вторым этапом определяется с начала XI в., когда Караханиды окончательно одержали победу над Саманидами и возникло огромное государство Караханидов от Кашгара до Амударьи, включая часть Восточного Туркестана, Семиречье, Шаш, Фергану, территорию древнего Согда и районы нынешней Сухрандарьинской области. Однако это феодальное государство караханидов не было цельным и прочным. Оно состояло из уделов, управляемых членами караханидского дома. Самым крупным уделом был Мавераннахр со столицей в Самарканде.

В течение XI в. из Семиречья в Мавераннахр переселились многочисленные группы карлуков, чигилей, халаджей, ягма, аргу, тухсы и других тюркских племен. Они разместились в оазисах и степях Среднеазиатского междуречья. Но часть их все еще оставалась в Семиречье. После завоевания государства Караханидов каракиданами (первая половина XII в.) карлукам и некоторым группам родственных им племен, вытесненным к северу от р.Или, удалось образовать свое государство со столицей в Каялыке. Оставшиеся в Семиречье карлуки и другие тюркоязычные племена впоследствии вошли в состав различных этно-политических объединений, участвовавших в формировании казахской и киргизской народностей.

В Мавераннахре жили значительные группы сородичей упомянутых племен, большая часть которых давно перешла к оседлости, тогда как некоторые из них все еще вели здесь кочевое и полусоседное хозяйство. Карлуки, чигили, халаджи, аргу, тухсы и другие, мигрировав в Среднеазиатское междуречье и переходя к оседлости, вошли в состав близкого им по культуре и быту местного тюркоязычного населения²¹.

В результате этнических взаимосвязей, продолжавшихся в течение второй половины X – первой половины XII в., в основном завершается процесс формирования узбекской народности. Следует отметить, что на территории Караханидского государства жили также таджики, арабы и ряд тюркских племен и племенных объединений, не вошедших в состав узбекской народности.

Канглийские, карлукские, огузские и кипчакские компоненты, входившие в их состав племена или их частицы в той или иной мере участвовали также в этногенезе туркменского, казахского, киргизского, каракалпакского и других народов. Несмотря на то, что эти этносы сформировались в народности в разное время, их история и этногенез непосредственно связаны с теми этнокультурными процессами, которые проходили в обширном среднеазиатско-казахстанском регионе. Поэтому неудивительно, что одни и те же древние и средневековые этносы принимали большее или меньшее участие в сложении почти всех тюркоязычных народов региона, чем объясняется и бытование многих сходных черт в хозяйственной, материальной и духовной культуре этих народов.

Из вышесказанного вытекает важный, уже прочно утвердившийся в исторической науке вывод о том, что в формировании узбекской народности участвовали как древние и средневековые родственные и не родственные между собой автохтонные этносы, так и переселенцы (мигранты) из других, главным образом, из соседних районов, областей и регионов. На основе нашего материала можно проследить также, что этногенетические процессы, приведшие к сложению узбекской народности, происходили не изолированно, а в тесном контакте с оседлыми народами и племенами среднеазиатско-казахстанского региона.

I. Вопрос о языке древних кангюйцев спорный. Преобладает мнение об их ираноязычности, другие исследователи видят в них либо носителей тохарских языков, либо потомков сьрдарьинских саков, тюркизированных позднее, в раннем средневековье; однако существует и точка зрения об их принад-

лежности к тюркам (см. Б.Г.Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972. С.137).

2. Ряд исследователей отождествляет кангли с кангюйцами, упомянутыми в китайских династийных хрониках (III–I вв. до н.э. – I в. н.э.). См. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. "Живая старина". Вып. III–IV. Спб., 1896. С.18, 218, 213 и след.; Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С.69–72; Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники. М., 1964. С.171–179 и др.

3. Малов С.М. Памятники древнетюркской письменности. М.–Л., 1951. С.41; Кляшторный С.Г. Указ.соч. С.171–179.

4. Константин Багрянородный. Об управлении государством. – Известия Государственной Академии истории материальной культуры, вып.91. М.–Л., 1934. С.15–16; Бартольд В.В. "Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар". Приложение к "Стчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг.". Сочинения. Т.УШ. М., 1978. С.56–57; Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.–Л., 1958. С.67–72.

5. Шаниязов К.Ш. К вопросу расселения и родовых делений Канглы // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С.6–7.

6. Жданко Т.А. Счерки исторической этнографии каракалпаков. М.–Л., 1950. С.36 (таблица 6), III, II2; Востров В.В., Муканов М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968. С.32–36 и др; Кузеев Р.Г. Счерки исторической этнографии башкир. Уфа, 1957. С.52; Он же. Происхождение башкирского народа. М., 1974. С.69, II3, 231–259 и др.

7. Подробно об этнической истории и расселении карлуков в раннесредневековый период (см. Шаниязов К.Ш. Узбеки-карлуки. Ташкент, 1974. С.13–31).

8. Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. I. М., 1973. С.42.

9. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собствен-

ности и государства // К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т.21. М., 1961. С.170.

10. Шаниязов К.Ш. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа // Общественные науки в Узбекистане. 1981. № 6. С.32, 33.

11. Баскаков Н.А. Тюркские языки народов Средней Азии и Казахстана // Народы Средней Азии и Казахстана (Серия "Народы мира"). Т.1. М., 1962. С.117, 118; Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. М.-Л., 1961. С.24, 26.

12. Агаджанов С.Г. Счерки истории огузов и туркмен Средней Азии. IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С.128.

13. Агаджанов С.Г. Указ, соч. С.75, 76.

14. Якубовский А.Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в. // Известия АН СССР. Отделение общественных наук. 1937. № 4.

15. Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С.130.

16. Бартольд В.В. Очерки истории туркменского народа. Сочинения. Т.П. Ч.1. С.559-579; Якубовский А.Ю. Сельджукское движение и туркмены в XI в.; Агаджанов С.Г. Указ. М.соч. С.175-179.

17. Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата, 1972. С.53-87; Шаниязов К.Ш. К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974. С.49, 52.

18. Махмуд Кашгарский. Диван Лугат ат турк (на узбекском языке). Ташкент, 1980. С.64 (см. карту).

19. Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т.1. М., 1963. С.236; Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака). // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. Т.П. 1929. С.125, 126.

20. Pritsak O. Karachenidische Streitfragen // Oriente.v.3.Leiden,1950.N 2.S.210-212.;Pritsak O. Die Karacheniden (Mit einer genealogischen Tabel) // Der Islam. Bd.31. 1953. S.23-24.

Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1988. С.351.

21. Шаниязов К.Ш. О роли карлукского компонента в этногенезе узбекского народа. // Общественные науки в Узбекистане. 1981. № 6. С.35.

Б.Н.Басилов

ДВА ВАРИАНТА СРЕДНЕАЗИАТСКОГО ШАМАНСТВА (К ИЗУЧЕНИЮ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕГИОНА)

В изучении этногенеза и этнической истории первостепенная роль принадлежит этнографическому материалу, ибо его связь с этносом несомненна. Именно он содержит в себе этническую характеристику. Этот материал отнюдь не ограничивается генеалогическими преданиями и данными о родоплеменной структуре. Источником здесь выступают сведения о традиционной культуре во всем ее объеме. Сособенности жилища, одежды, утвари, пищи, обрядов, поверий, эпоса, музыки, игр - все выступает как историческое свидетельство былых родственных или соседских связей разных народов. Традиционная культура в комплексе дает возможность проследить пути и этапы формирования народа, и чем полнее сведения о культуре народа, тем больше говорят они о его этнической истории. Для этнографии исследование этнической истории фактически основывается на исследовании традиционных культур.

Задача этой публикации - показать на конкретном примере, какими возможностями обладает этнографический материал как источник для изучения этнической истории. В качестве примера взят шаманский культ, известный всем народам среднеазиатско-казахстанского региона. Имеющиеся сведения, при всей их неполноте, дают достаточно цельную картину. Сказываются преимущества массового, количественно представительного материала. При систематизации накопленных данных становится ясным, что шаманство у разных народов Средней Азии

и Казахстана имеет много общих черт, которые позволяют рассматривать шаманство в рамках всего региона как одно этнографическое явление. При этом выясняется также, что некоторые особенности верований или обрядов типичны для шаманской практики одних народов, но неизвестны или мало известны традициям других народов (или их отдельных групп). Могут быть установлены, хотя бы предварительно и в общих чертах, границы распространения многих обрядовых элементов.

Сегодня можно выявить два комплекса, которые правомерно назвать, в соответствии с кругом охваченных народов, "туркским" (скотоводческим) и "таджикским" (земледельческим) I.

"Туркский" или "скотоводческий" комплекс

1. Шаманами были преимущественно мужчины.
2. Сеанс сопровождался игрой на струнном инструменте (кобыз, реже домбра, у казахов: дутар, реже скрипка, у туркмен; кобыз у каракалпаков; комуз у киргизов (главным образом, северных).
3. Сеанс лечения проводился, как правило, с наступлением темноты (казахи, туркмены, киргизы, полукочевые в прошлом узбеки).
4. Шаман гадал, играя на музыкальном инструменте (казахи). Для гадания также широко применялись катышки овечьего помета (кумалек) или камешки в количестве 41 штуки (казахи, туркмены, некоторые группы узбеков), а также баранья лопатка (казахи, узбеки, туркмены, киргизы).
5. В шаманской обрядности в качестве жертвы, предписанной духами, выступает животное. Из его мяса готовится угощение, которое едят участники обряда; запах кушанья достается духам. Сохранились и пережитки обычая не употреблять в пищу животное, предназначенное в жертву духам.
6. Во время камлания пришедший в экстаз шаман демонстрировал различные трюки, целью которых было показать окружающим, что шаман не подвержен телесным повреждениям, когда при нем его духи-помощники. Шаман вскакивал босыми ногами

на сабли, укрепленные остриями вверх, ходил по лезвию сабли или ножа (туркмены, казахи, каракалпаки, узбеки Хорезма) ². Шаман вонзал в себя саблю или кинжал, оставаясь невредимым (туркмены, казахи, киргизы). Шаман колал саблей или ножом больного без всякого для него вреда (туркмены, казахи, киргизы). Один киргизский шаман якобы отрезал голову больного от туловища, а затем присоединял ее к телу ³.

При камлании применялись раскаленные докрасна железные предметы. Чтобы показать силу, которую придала им помощь духов, шаманы брали лежащие в огне серп или кетмень в руки, в рот, лизали их, наступали на них босыми ногами (казахи, туркмены, каракалпаки, разные группы узбеков, киргизы, уйгуры). Некоторые казахские шаманы били себя в грудь кувшином, наполненным кипятком ⁴.

Во время камлания казахские шаманы с разгона ударялись лбами, приходя при этом в настоящую ярость. Некоторые казахские шаманы ударяли головой в толстую доску. Каракалпакские шаманы бились головой о дверь. В Западной Туркмении некоторые шаманы во время сеанса ударяли головой в дверь с такой силой, что сотрясалась вся юрта. Казахские (и как будто каракалпакские) шаманы били себя обухом топора по голове и груди ⁵.

7. Во время камлания шаман по веревке или купольному шесту забирался на купол юрты (туркмены, киргизы, казахи, полукочевые в прошлом узбеки) ⁶.

8. Во время камлания шаман ударял больного легкими жертвенного животного, которые затем выбрасывал через дымовое отверстие юрты или окно дома (казахи, киргизы, полукочевые в прошлом узбеки) ⁷.

9. В некоторых случаях шаманы переселяли духов, вызвавших болезнь, в череп лошади или собаки (казахи, киргизы; редко - туркмены западных районов и уйгуры) ⁸.

"Таджикский" или "земледельческий" комплекс

1. Шаманами были преимущественно женщины (таджики и узбеки Зеравшанской долины, таджики Ура-Тюбе, узбеки Ташкентского оазиса, Южного Казахстана и Ферганской долины).
2. Шаманский сеанс сопровождался игрой на бубне (все

группы узбеков, таджики, каракалпаки Ферганской долины).

3. Шаманский сеанс совершался преимущественно днем.

4. Основная форма шаманского гадания в сопровождении бубна. Для гадания также широко применялись зеркало и чаша с водой; в воду обычно бросали кусочек ваты.

5. В шаманском действе в качестве ритуального угощения (достающегося и духам) употреблялись мука и кушанья из муки (таджики и узбеки Зеравшанской долины; таджики Ура-Тюбе; киргизы Южной Киргизии)⁹. В качестве жертвенного животного, наряду с мелким рогатым скотом, в ряде мест преимущественно употреблялась курица (петух).

6. Шаманские трюки не были характерны.

7. При лечении больного применялись пучки древесных ветвей, обычно ивовых (узбеки Зеравшанской и Ферганской долин, Хорезмского и Ташкентского оазисов; уйгуры). Ветками шаманы несильно хлестали больного, чтобы изгнать навредивших ему духов¹⁰.

8. В конце сеанса шаманы показывали обнаруженный их духами-помощниками заколдованный предмет, при помощи которого будто бы был нанесен вред пациенту¹¹. Этот шаманский прием отмечен среди узбеков Ферганской долины, Ташкентского и Хорезмского оазисов; он употреблялся и отдельными шаманами-узбеками, живущими в бассейне р. Сурхандарьи, был известен туркменам, живущим в Хорезмском оазисе.

9. На время обряда лечения шаманы накрывали голову или верхнюю часть тела (реже - всего больного) материей (узбеки и таджики Зеравшанской долины; таджики Ура-Тюбе; узбеки Ферганской долины, Хорезмского оазиса, Южного Казахстана; уйгуры; южные киргизы). Чаще всего материя была белого цвета¹².

10. Шаман окроплял (или мазал) больного кровью жертвенного животного (узбеки и таджики Зеравшанской долины; таджики Ура-Тюбе; узбеки и каракалпаки Ферганской долины; узбеки Хорезма и Южного Казахстана; туркмены-човдуры Хорезма).

11. Во время лечебного сеанса шаман завязывал узелки на нитках, лишая таким образом злых духов способности на-

нести вред, "связывая" их (таджики и узбеки Зеравшанской долины, таджики Ура-Тюбе, узбеки Ферганской долины, Южного Казахстана)¹³.

12. Прочно сохранялось представление о сексуальном общении шамана (женщины и мужчины) с покровительствующим духом противоположного пола (таджики и узбеки Зеравшанской долины, таджики Ура-Тюбе и бассейна р. Сурхандарьи, узбеки Хорезма)¹⁴. В тюркском комплексе прослеживаются лишь слабые отголоски этих воззрений, причем в ряде случаев (например, в Южной Киргизии)¹⁵ они могли появиться, как результат таджикского влияния.

Таким образом, вырисовываются две области, характеризующиеся разными особенностями шаманского ритуала. В рамках одного ареала оказываются казахи, туркмены, каракалпаки Хорезмского оазиса и ряд групп полукочевых в прошлом узбеков, а также северные киргизы. В другой входят равнинные таджики и узбеки, преимущественно оседлые. Резкой границы между двумя очерченными ареалами нет. При общности этнических компонентов у народов региона и их длительном культурном взаимодействии естественно, что в районах преимущественного распространения признаков одного комплекса обнаруживаются и некоторые черты, характерные для другого. Так, смешанные традиции существовали в Хорезме¹⁶. В Южной Киргизии сказалось узбекско-таджикское влияние¹⁷. Шаманство уйгуров, по своим основным признакам, относится к "таджикскому" типу, однако ему свойственны и отдельные признаки "тюркского" типа (например, применение в лечебном сеансе раскаленных в огне железных предметов)¹⁸. В Зеравшанской и Ферганской долинах встречались отдельные шаманы, камлавшие под аккомпанемент дутара. Известен уйгурский шаман, аккомпанировавший себе на скрипке¹⁹.

Границы распространения этих типов шаманства в общем совпадают с границами расселения народов региона. Есть основания предположить, что своеобразные местные черты шаманства связаны с разными этническими традициями, что различия между двумя типами во многом объясняются особенностями этнической истории края. Конечно, картина не столь проста. Тра-

диции ираноязычного населения присущи обоим комплексам (например, духи категории пари или пери считаются духами-помощниками шаманов не только у таджиков и узбеков, но и у казахов, туркмен, каракалпаков). Традиции, сформировавшиеся в тюркоязычной среде, усвоены и шаманством "таджикского" типа. Следовательно, правильнее говорить о неординарном соотношении "тюркских" и "таджикских" элементов в выделенных комплексах. В одном больше "тюркских", в другом - "таджикских".

Вместе с тем, интерпретация материала в ряде случаев затруднительна, что объясняется особенностями развития культуры. В культуре любого общества, наряду с изменениями, в которых проявляется развитие, сохраняется стойкая преемственность традиций. Однако преемственное развитие нередко прерывается своего рода катаклизмами. Такого рода катастрофой может быть вторжение чужого народа с иной культурой. Но разрушение прежней культуры может происходить и при неизменной в целом этнической картине. Коренные преобразования в культуре могут происходить при смене идеологии, т.е. религии. Новая религия может возникнуть в той же самой этнической среде, когда нужды общественного развития требуют перемен; тогда пророки формулируют, ссылаясь на волю богов, те идеи, которые созрели в недрах общества (видимо, примером такого рода - с оговорками - может служить распространение зороастризма). Новая религия может быть и привнесена извне; для Средней Азии рожденные за ее пределами религии - буддизм, ислам.

В рамках среднеазиатского ислама убедительно прослеживается разрушительный эффект утверждения новой идеологии, которая оставила почти неизменной экономику, но существенно видоизменила некоторые черты материальной культуры и основательно преобразила духовную культуру, прежде всего религиозную жизнь. Глубина этих преобразований хорошо видна на примере шаманства. Шаманство в Средней Азии и Казахстане продолжало жить и в условиях ислама, однако оно стало совсем не тем, каким было столетия назад, до утверждения мусульманской веры. Фактически возникло новое явление, культ

иной категории - исламизированное шаманство. Здесь свои представления о функциях духов-помощников, другой ритуал, другие взгляды на устройство вселенной, новое мировоззрение в целом. По некоторым пережиточным обрядам и поверьям, по скудным сведениям средневековых источников мы можем понять, какой огромный пласт культурных традиций в сфере шаманства был уничтожен исламом. Возможно, то же самое сделал в доисламское время и буддизм, слабые следы которого можно распознать в шаманской обрядности народов региона. Вероятно, не без насилия над шаманством утверждался и зороастризм, объявивший о своей неприязни к "служителям дэвов". При этом уничтожались, предавались забвению многие традиции, имевшие яркую этническую окраску.

Таким образом, традиционная культура, которая служит нашим источником для исследования этнической истории, в течение веков и тысячелетий неоднократно подвергалась разрушительным преобразованиям, усваивая чуждые прежним нормам нововведения. При этом появление новых форм культуры далеко не всегда было вызвано притоком других этнических групп. Не редки, произведенные новой религией, обычно были вдохновлены политическими задачами, поскольку принятие другой религии - прежде всего политический акт. Иначе говоря, смена культурных стереотипов далеко не всегда сопровождалась существенными изменениями в этническом составе населения.

Поэтому констатация изменений, наличия инородных элементов в культуре, возможность установить, откуда пришли нововведения не дадут еще нам ответа на вопрос, означают ли эти новшества, что в данную этническую среду влился новый компонент. Приведу пример. Из среднеазиатского шаманства исчезла древняя концепция ираноязычного шаманства - танец (танец духов и участие в нем шамана). След ее сохранился в термине "ойнамак" (играть, танцевать), обозначающим действия шамана во время шаманского сеанса у узбеков, казахов, туркмен, каракалпаков. Реконструировать эту концепцию нетрудно, она удержалась в шаманстве уйгуров²⁰. Идея танца шамана и духов лежит в основе шаманства дардских народностей Гиндукуша²¹. Почему концепция танца утрачена шаманством Средней

Азии и Казахстана? Ясного ответа сегодня нет. Быть может, танец был чужд воззрениям, свойственным шаманству тюркоязычных народов. Быть может, ритуальный шаманский танец оказался неприемлемым для норм мусульманства. Подобная неопределенность сохранится в оценке многих элементов духовной культуры, даже если их рассматривать в широком контексте особенностей культуры в целом. Так, некоторые особенности "тюркского" комплекса находят параллели в шаманстве народов Сибири (например, пережитки представления о кобызе как о коне²²). Однако такие же или близкие традиции могли существовать некогда и в "таджикском" комплексе.

В силу этого остается заключить, что многие наши представления о конкретных путях этнической истории (включая этногенез) останутся гипотетическими даже при значительном количественном увеличении материала. Возможности науки позволяют сделать лишь бесспорные выводы общего характера - что, очевидно, и должно нас удовлетворить.

1. Басилов В.Н. Среднеазиатское шаманство (Доклад на IX МКАЭН). М., 1973; *Basilov V.N. Shamanism in Central Asia. // The Realm of the Extra-Human. Agents and Audiences.* (Ed. by A.Bharati). The Hague. Paris. 1976.

2. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хоразма. М., 1969. С.51-52; А.Н.Баксы // Иллюстрированный семейный листок. 1860. № 99-100; Бавилов П. Во мраке невежества (из практики киргизских бакс и даргеров) // Тургайская газета, 1896. № 72; Басилов В.Н. Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С.100-102; Палекенов У. Быт каракалпакского крестьянства Чимбайского района // Материалы и исследования по этнографии каракалпачков (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, т.Ш). М., 1958. С.366.

3. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С.138.

4. Леваневский М.А. Очерки киргизских степей (Эмбенско-

го уезда) // Землеведение. Кн. П-Ш, 1895. С.71.

5. Кнорозов Ю.В. Мазар Шамун-наби // СЭ. 1949. № 2. С.96.

6. Басилов В.Н. Традиции женского шаманства у казахов // Полевые исследования Института этнографии, 1974, М., 1975. С.122; Толеубаев А. Пережитки домусульманских верований и обрядов в семейном быту казахов конца XIX - начала XX века (по материалам Восточного Казахстана). Рукопись кандидатской диссертации. М., 1978. С.71; Басилов В.Н. Пережитки шаманства у туркмен-гёкленов. С.101-102; Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. С.138.

7. Поярков Ф. Кара-киргизские легенды, сказки и верования // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области на 1990 г. Верный, 1900. С.40.

8. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и обряды и их пережитки у киргизов. С. III-II2; Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.316-317; Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Ташкент, 1894. С.47; Каррутц Р. Среди киргизов и туркменов на Мангышлаке. СПб., б.г. С.128.

9. Сухарева С.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С.60-61; Баялиева Т.Д. Доисламские верования и обряды и их пережитки у киргизов. С.140.

10. См., например: Троицкая А.Л. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана // Еюлетень Среднеазиатского Государственного университета. 1925. № 10. С.149, 151, 153; Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа (Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента). Ташкент, 1974. С.329; Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана // Сборник МАЭ. Т.У. Вып. I. П.г., 1918. С.10-II;

Jarring G. Materials to the Knowledge of Eastern Turki. IV. Ethnological and Historical Texts from Gums // Lunds Universitets Arskrift, N.F., Avd. 1. Bd. 47. N 4. Lund, 1951. P. 164-165

II. Басилов В.Н. Ниязкычев К. Пережитки шаманства у туркмен-човдуров // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С.131-132; К. Остатки шаманства среди сартов // Туркестанские ведомости. 1902. № 50; Троицкая А.Л. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана. С.53; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С.117.

12. Сухарева С.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. С.64; Троицкая А.Л. Лечение больных изгнанием злых духов (кучурук) среди оседлого населения Туркестана. С.149-154; Симонова (Хохрякова) Л. Чародейство, гадание и лечение сартянок в Самарканде // Справочная книжка Самаркандской области на 1894 год. Вып.П. Самарканд, 1894. С.120; Шаниязов К. К этнической истории узбекского народа. С.329; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у киргизов. С.141; Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. С.44; Пантусов Н.Н. Таранчинские бакши. Пери уйнатмак // Известия Туркестанского отдела императорского Русского географического общества. Т.УІ. Ташкент, 1907. С.45-46; Menges K. *Volkskundliche Texte aus dem Nachlass von N.Th.Katanov*. Berlin, 1933. S.88.

13. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. С.65; Тайжанов К., Исмаилов Х. Особенности доисламских верований у узбеков-карамуртов // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С.125.

14. Сухарева О.А. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков. С.44-46; Она же. Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960. С.43-44, 48-49; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С.44-45.

15. Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. С.121.

16. См.: Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. С.23-72, 84, 271, 324.

17. См.: Баялиева Т.Д. Доисламские верования и их пережитки у киргизов. С. 104-148.

18. Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана. С.14; Пантусов Н.Н. Таранчинские бакши. Пери уйнатмак. С.66.

19. Тенишев Э.Р. С центральноазиатском шаманизме // Историко-филологические исследования. М., 1974.

20. См.: Малов С.Е. Шаманство у сартов Восточного Туркестана; Пантусов Н.Н. Таранчинские бакши. Пери уйнатмак; Шаманы лекари в Восточной Камгари (изгнание злого духа) // Русский Туркестан, 1899, № 62; Menges K. *Volkskundliche Texte aus dem Nachlass von N.Th.Katanov*. Berlin, 1933. S.88.

21. Кеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С.290-292.

22. См., например: Леваневский М.А. О ерки киргизских степей (Эмбенского уезда) // Землеведение. Кн. П-Ш, 1895. С.68.

Е.Х.Кармышева

ОБ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ У НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОЙ ЗЕМЛИ СРЕДНЕЙ АЗИИ В НОВОЕ ВРЕМЯ

Вся Средняя Азия, как известно, представляет собой зону активных межэтнических контактов, которые и определили этногенез и этническую историю населяющих ее народов. Стабильность основного направления межэтнических контактов была обусловлена трехчленной системой хозяйственно-бытового уклада: город - сельская округа - кочевая степь (см. доклад Г.А.Литвинского в данном издании). Мощные горные системы Тянь-Шаня и Памиро-Аля не нарушали эту систему, ибо помимо прикочевывающих сюда из степной зоны на лето кочевников в горной зоне была и своя "кочевая степь", как и своя "земледельческая округа". Характерные для Тянь-Шаня высокоподнятые выровненные поверхности-сырты, горные степи и полупустыни, субальпийские и альпийские луга, а также полупустыни и пустыни Восточного Памира позволяли содержать скот круг-

лый год на подножном корму. Благодаря этому здесь издавна сформировалась система кочевого и полукочевого скотоводства, а в местах, где это было невозможно (на резкорасчлененных крутых склонах и в глубоких ущельях Тянь-Шаня, Гиссаро-Алая и Западного Памира) также с древних времен сложилась система горного земледелия, сочетавшегося со скотоводством и промыслами. Однако у большинства горных земледельцев не было излишков для сбыта, поэтому основными производителями земледельческой продукции были жители оазисов, узкой полосой окаймлявших горные массивы (исключая лишь юг и восток Памира). А за полосой оазисов простиралась собственно кочевая степь. Города, общие для всех трех зон центры ремесла и торговли, располагались в большинстве своем на стыке гор и оазисов, при выходе рек из горных ущелий, т.е. в начале или в центре ирригационной системы. Лишь по крупным рекам Средней Азии и Восточного Туркестана узкая полоса оазисов с их городами глубоко вклинивалась в степь.

Эту знакомую всем картину я позволила себе обрисовать лишь для того, чтобы оттенить расположение полосы оазисов и обращенных к ним горных ущелий с оседлым населением между двумя массивами кочевников - степных и горных. Это обстоятельство определило сложность протекавших здесь этнических процессов. Сказанное особенно относится к горным ущельям с оседлым населением, ибо при каждой новой волне кочевников, завоевывающих лучшие пастбища (будь это горные или степные), вытесненные со своих кочевий местные племена перемещались сюда, в горные ущелья. Часть беженцев при малейшей возможности возвращалась в родные места и впоследствии ассимилировалась победителями, став одним из звеньев родоплеменной структуры последних. Часть же оседала. Степняки обычно оседали на окраине оазисов, проводя оросительные каналы в хвостовых частях оросительной сети, или же в предгорьях, где возделывали богарные земли. Горцы-кочевники оседали в этой же зоне и сливались с земледельческим населением горных ущелий.

Например, когда начиная с середины XV в. высокогорные пастбища Тянь-Шаня и Памиро-Алая стали занимать киргизы,

прежние насельники этих мест, тюркские племена Моголистана и государства Тимуридов, моголы и чагатаи¹, частично удержались на своих местах и впоследствии слились с киргизами², однако часть их была вынуждена передвинуться в менее благоприятные для круглогодичного выпаса скота места и в дельнейшем в поисках пастбищ спускаться все ниже и ниже, приспособив свои хозяйственно-бытовые традиции к новым условиям, и со временем, переходя к оседлости сливались с земледельческим населением, как с таджиками (особенно в горах), так и с оседлым тюркоязычным населением нижележащих зон. Со временем отдельные группы самих киргизов под воздействием демографических, социально-экономических и политических факторов, а также стихийных бедствий, эпизодов и эпидемий предельгали тот же путь. Наглядной иллюстрацией к сказанному могут служить этнические карты Южной Киргизии, составленные Я.Р.Винниковым³, а также историко-этнографические материалы по Северному Таджикистану Н.С.Турсунова⁴. Выразительны и топонимические данные, собранные в Фергане С.С.Губаевой и проанализированные ею⁵.

В горах, окружающих Ферганскую долину, ясно прослеживается определенная закономерность в расселении киргизов, тюрков, моголов, узбеков дештикипчакского происхождения, таджиков и сартов (тюркоязычной части оседлого населения). Высокогорную часть почти сплошь населяют киргизы и лишь местами таджики. В среднем ярусе гор - киргизы, таджики, сарты и лишь местами турки. В нижнем ярусе гор и в предгорьях - сарты, узбеки дештикипчакского происхождения, таджики и лишь местами турки и киргизы.

По моим полевым материалам, на северном склоне Туркестанского хребта и на Мальгузарском хребте прослеживается та же последовательность по вертикали (сверху вниз): киргизы, таджики, турки, моголы, сарты, узбеки дештикипчакского происхождения. Обычно последние, будучи степняками, как в Фергане, так и в других областях, при оседании редко поднимались выше предгорных адыров⁶. То же следует сказать о казахах и туркменах. Казахи, живущие в Восточном и Южном Казахстане, хотя и поднимались в горы на летние кочевья, но

редко оседали там ⁷. В отличие от казахов паштикипчакские узбеки использовали высокогорную зону в основном в качестве летних отгонных пастбищ для овец и лошадей, а семьи их оставались в среднем или нижнем ярусах гор; на зиму узбеки с семьями и скотом и вовсе спускались в низкотерра и степи. У турков же, наоборот, отгонными были зимние пастбища в предгорьях и степи, семьи же их оставались зимовать в среднем и нижнем ярусах гор, а также в долинах рек после выхода их из гор. Оседали турки в тех же зонах, в непосредственной близости с горными таджиками или попеременно с ними и по многих местах эти две группы сливались.

Длительный процесс оседания кочевников и слияния их с оседлым населением обычно протекал мирно и через стадию двуязычия приводил к победе одного из контактирующих языков. При этом первостепенное значение, как известно, имели демографические и политические факторы. Для раскрытия механизма этого процесса исключительно ценные материалы дали исследования, проведенные в 1952-1957 гг. в Каратегине и на Дарвазе Гармской этнографической экспедицией Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР под руководством А.К. Писарчик и Н.А. Кислякова ⁸. Для нас особенно интересна глава "Население", написанная Р.Л. Неменовым ⁹. В ней изложены многочисленные данные, свидетельствующие о большой роли миграции (включая перемещения населения внутри даже небольших районов), а также оседания кочевников в истории формирования горного населения. Эти же процессы зафиксированы этнографами и на южном склоне Гиссарского хребта ¹⁰.

Постоянные перемещения населения происходили даже в самых казалось бы изолированных ущельях. Это подчеркивает Е.Я. Литвинский, рассматривая археологические памятники в Гильгите: "Природные условия, сложность рельефа, малая доступность многих долин были причиной того, что вся эта территория, от Читрала до Скарду, являлась своеобразным "природным изолятором". Несмотря на это, здесь протекали сложные этногенетические процессы внутренних перемещений и контактов, ассимиляционные и интеграционные явления с включением в состав населения пришлых, в том числе иноязычных групп" ¹¹.

Степень активности межэтнических контактов земледельческого населения горных ущелий определялась не столько географической изолированностью данной местности, сколько возможностью горца обеспечить себя всем необходимым, продукцией собственного производства. Ярусность и высотная поясность горных ландшафтов, а также контрастность, связанная с различными экспозициями горных склонов (например, южный солнечный, северный теневой), определяли хозяйственную специализацию даже близлежащих местностей, а следовательно и межхозяйственные связи - обмен и куплю-продажу нужных продуктов. Еще больше горцы нуждались обычно в земледельческой продукции оазисов (хлопок, рис), а также в изделиях городского ремесла (ткани, обувь, гончарная посуда и др.) ¹². Сами они вывозили сушеные фрукты, орехи, коровье масло, скот (особенно коз). В связи с ограниченностью природных ресурсов, в частности земли, годной для возделывания, самым распространенным промыслом населения горной зоны было отходничество, что приводило нередко к переселению в оазисы ¹³. Экономические связи стимулировали межэтнические контакты, которые порой перерастали путем браков в родственные, что в свою очередь прокладывало дорогу ассимиляционным процессам.

Рассмотрим сказанное на примере населения того мощного узла труднодоступных скалистых горных цепей, где от Гиссарского хребта отходят на юго-запад Яккабагский и Гайсунский. С ледников и снежников этих трех хребтов берут начало Кашкадарья, Тупалангдарья (один из истоков Сурхандарья) и Магиандарья (левый приток Зеравшана, впадающий в него несколько выше Пенджикента) и их многочисленные притоки. Течут эти реки в разных направлениях: Кашкадарья на запад, Тупалангдарья на юг, Магиандарья на север. Верховья этих рек связаны между собой высокими, преимущественно пешими порегами, открытыми лишь несколько месяцев в году. Пешими и конными тропами были связаны и селения внутри каждого ущелья. Тем не менее жители этого обширного края всегда поддерживали между собой тесные экономические и родственные связи. Все они тяготели к рынкам Самарканда, Ургута и Шахрисабза, и лишь жители бассейна Тупаланга стачасти спускались в доли-

ну Сурхандарьи.

По национальному составу население рассматриваемого горного района в настоящее время не отличается пестротой: в бассейне Тупалангдарьи (до выхода ее из горного ущелья) и Магиандарьи таджики, а в бассейне Кашкадарьи таджики живут лишь в самых верхних кишлаках, а в остальных узбеки¹⁴. Однако по недавнее время (мои последние полевые записи относятся к 1978 и 1983 годам) среди старшего поколения населения горных ущелий рассматриваемого региона существовало представление об общности своей этнической принадлежности и едином самоназвании **ч а г а т а й** (исключая, видимо, бассейн Магиандарьи¹⁵). Этнонимы же **т а д ж и к и** и **у з б е к** в этом регионе продолжали употребляться в их узком значении: таджики — жители Кухистана (Верхний Зеравшан, Каратегин, Дарваз, Гадахшан)¹⁶, узбеки — узбеки дехтикипчакского происхождения. Так, в 1978 г. в кишлаке Аммаган (население узбекоязычно) в бассейне Танхасдарьи старый плотник Уста Шомирза бобо Гердиев 1900 г.р., очень знающий человек, говорил мне о населении всего этого региона: "Мы чагатаи, а узбеки нас называют таджиками, но мы не таджики". В верховьях той же реки в кишлаке Алматы, где население на стадии перехода с таджикского языка на узбекскую речь, со школьными учителями местной школы слышали от отцов и дедов, что их род чагатай. В этом же ущелье выше Алматы расположен кишлак Чопук с таджикоязычным населением. Чопукцы считают себя чагатаями и при этом одним народом не только с жителями названных выше кишлаков, но и с населением соседних ущелий, а также верховьев Тупаланга. То же отмечал при беседе со мною в 1978 г. в кишлаке Кальтакол в верховьях Яккабагдарьи Ёр бобо Искандаров 1900 г.р.: в горах (имеются в виду южный склон Гиссарского хребта и его отроги) на всем протяжении от кишлака Гилян в верховьях Аксу и до Тупаланга включительно живут чагатаи. Согласно семейному преданию, шестой прадед Ёр бобо (он знает имена семерых своих предков) с еще двумя односельчанами (известны и их имена) переселились в бассейн Яккабагдарьи из Шотруда (верховья Тупалангдарьи) из-за притеснений одного бека.

В указанном обширном регионе почти в каждом кишлаке есть семьи или группы семей, ведущие свой род из кишлаков других ущелий. Упомянутый выше Уста Шомирза бобо из Аммагана основателями своего кишлака считает выходцев из Пенджикента и Магиана и относит время основания своего кишлака к середине ХУ в. (1663 г. хиджры). Примечательно, что среди семи кварталов этого большого кишлака есть гузар под названием Лойтовабаш, что, несомненно, свидетельствует о поселении здесь, а затем и постепенном слиянии с местными жителями одноименного рода тюрков калытатай. Последние живут в долинах соседних рек, Аксу и Кашкадарьи.

Здесь, как и в других областях Среднеазиатского междуречья, продолжался процесс слияния тюрков с оседлым населением преимущественно горных районов, поскольку они сами в основном только в горах сохранили свое этническое самосознание и самоназвание, а также реликты традиционной культуры. При оседании и слиянии с оседлым населением они обрели общее наименование **Ч А Г А Т А Й**. При этом чагатаи отличали себя (старшее поколение отличает и ныне) от жителей городов и оазисов, называя их (как и они сами) по названию местности или по ландшафту (сугутй, вилонтй и т.д.)¹⁷. Полукочевая в недавнем прошлом часть тюрков не называет себя чагатаями, а именует просто тюрк или же по названию племени (барлас, калытатай и др.). Таким образом, судя по этнографическим данным, почти по всей горной зоне Среднеазиатского междуречья продолжался процесс оседания потомков тюркских племен Тимуридского государства и слияния их с оседлым населением горных ущелий (как тюркоязычным, так и таджикоязычным). При этом наблюдается, как и в других местах, синтез культур (это отчетливо видно на этнографическом материале, однако объем доклада не позволяет осветить эту проблему на конкретных примерах), а победа таджикского или тюркского языка зависит от конкретных условий данной местности, прежде всего, видимо, от численного соотношения носителей того или иного языка. Немаловажен был, как уже отмечалось, и политический фактор. Можно предполагать, что в процессе этногенетической миксации транс-

формация семантики названия Ч А Г А Т А Й шла по тому же пути, что и наименования у з б е к: антропоним - политоним - этноним. Однако завоевание Тимуридского государства дештикипчанскими узбеками усложнило этот процесс.

Этнографические исследования в горной зоне Средней Азии, как и археологические, свидетельствуют о том, что население гор не было в стороне от тех сложных этнокультурных процессов, которые протекали на равнине. Как и на равнине, здесь ведущим процессом было взаимодействие оседлого и кочевого населения. Таким образом, горная зона не выпадала из трехчленной системы: город - сельская округа - кочевая степь.

1. В 40-х годах XIV в. улус Чагатая, второго сына Чингисхана разделился на два независимых государства - западное, включавшее в себя все культурные области Средней Азии, и восточное, в состав которого вошли Семиречье, весь Тянь-Шань и часть Восточного Туркестана. Население западного государства называло себя чагатаями (т.к. Тимуридское государство сохранило название Чагатаев усул), а восточного - моголами, т.к. свою страну они называли Моголистаном (Иванов П.П. Очерки по истории Средней Азии (XVI-середина XIX в.). М., 1958. С.41). Кочевое население обоих государств составляли различные тюркские (или монгольские по происхождению, но давно уже оторченные) племена. В Тимуридском государстве кочевые племена постепенно оседали и сливались с оседлым ираноязычным населением, но при этом передавали оседлому населению свое общее наименование ч а г а т а й, а отчасти и свой тюркский язык. Недаром тюркский литературный язык, достигший своего оформления в Тимуридское время, называется чагатайским. В узбекском языке принято написание "чигатай", однако само население произносит повсеместно "чагатай".

2. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.35-52.

3. Винников Я.Р. Родоплеменной состав и расселение

на территории Южной Киргизии // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.1. М., 1956. С.136-181. Рис. 24, 25.

4. Турсунов Н.О. Сложение и пути развития городского населения Северного Таджикистана XIX - начала XX вв. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976.

5. Губаева С.С. Этнический состав населения Ферганы в конце XIX - начале XX в. (по данным топонимии). Ташкент, 1983.

6. Кармышева Е.Х. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашкадарьинской области Узбекской ССР // Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. XXXIII. С.50; она же. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С.125-129.

7. Народы Средней Азии и Казахстана. Т.П. М., 1963. С.354.

8. Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе. Вып.1, 1966; Вып.2, 1970; Вып.3, 1976.

9. Таджики Каратегина и Дарваза. Вып.1. С.47-107.

10. Неменова Р.Л. Сложение теджикского населения Варзоба // СЭ. 1949. № 5. С.31-44; она же. Селения Варзоба // История и этнография народов Средней Азии (Сборник статей). Душанбе, 1981. С.77-89; Хидоятов И. К вопросу о формировании населения южных районов Узбекистана // Из истории культуры народов Узбекистана. Сборник статей. Ташкент, 1965. С.123-133; Кармышева Е.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976. С.123-208.

11. Литвинский Б.А. Гильгитский эпиграфическо-петроглифический комплекс и его значение // Международная ассоциация по изучению культур центральной Азии. Информационный бюллетень. Вып.15. М., 1988. С.21.

12. Кармышева Е.Х. О торговле ... ; она же. О товарности женских промыслов (Этнографические данные по восточ-

ным бекствам Бухарского ханства) // Ближний и Средний Восток. Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С.98-107.

13. Библиографию см.: Губаева С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX - начало XX в.) // СЭ. 1987. № I. С.86-94.

14. Материалы моих полевых исследований в южном Узбекистане и Самаркандской области подтверждают достоверность данных Всесоюзной переписи населения 1926 г. по национальному составу населения // Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. I. Поселенные итоги. Самарканд, 1927.

15. Давыдов А.С. К вопросу о сложении населения Верхнего Заравшана // Известия Отд. общественных наук АН Тадж. ССР. Душанбе, 1969. 4 (58). С.47-57. В этой статье А.С. Давыдовым рассмотрен спорный в свое время вопрос о вытеснении таджиков из оазисов в горы. Полностью присоединяясь к мнению А.С. Давыдова, в своем кратком сообщении я не касаюсь этого вопроса.

16. Бейсембиев Т.К. "Та рих-и Шахрухи" как исторический источник. Алма-Ата, 1987. С.27, 81.

17. Кармышева Б.Х. Этнические и территориальные группы ... ; Неменова Р.Л. Сложение таджикского населения Варзоба. С.35-40; Кармышева Б.Х. Таджикско-узбекский народный географический термин вилайат // Этнография имен. М., 1971. С.212, 218.

Х. Аргынбаев

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАХСКИХ ЖУЗОВ И ИХ ДАЛЬНЕЙШАЯ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Жузы - исторически сложившиеся на рубеже XV-XVI вв. три группы племен в составе казахской народности. Пока нет

единого научно-обоснованного мнения о происхождении термина "жуз" ¹.

Одни исследователи считают, что этот термин означает "часть", "ветвь", "сторона" чего-то единого, целого; другие связывают его со значением "сто", "сотня" ². Как бы не было казахские жузы следует понимать "... как "часть" единого народа, связанного многими элементами политической, экономической, языковой и культурной общности" ³.

О времени и причинах возникновения казахских жузов также нет единого мнения. Так, некоторые авторы ограничиваются изложением некоторых народных легенд и преданий о происхождении казахских жузов ⁴.

Русский востоковед В.В. Вельяминов-Зернов, приводя казахское предание о том, что при Хак-Назаре (XVI в.) образовались жузы, высказывает мысль, что казахские жузы образовались в XVI веке на юге Казахстана ⁵. Офицер Российского генерального штаба М. Красовский относит образование казахских жузов ко времени казахских ханов Касыма, Хак-Назара и Шигая (XVI в.), обособленные владения которых легли в основу казахских жузов ⁶.

Х.М. Адильгереев и С.А. Аманжолов, не имея достоверных для этого данных, отнесли образование казахских жузов к домонгольскому времени (XI-XII вв. н.э.) ⁷.

Наиболее близко к истине предположение о причинах возникновения жузов, высказанное академиком В.В. Бартольдом, который, выделяя по природно-климатическим условиям три обособленных района (Семиречье, нижнее течение Сыр-Дарьи и Центральный Казахстан, а также Западный Казахстан) считает, что в этих не обособленных районах Казахстана возникли жузы, казахские ханства ⁸. Поддерживая в этом В.В. Бартольда, профессор М.П. Вяткин уточняет, что наряду с географической средой, экономическое и политическое обособление этих регионов Казахстана стало основой образования трех казахских жузов ⁹. Авторы истории Казахской ССР также в основном пришли к мнению, что в XV-XVI вв. "в силу действия многих этнополитических и хозяйственных факторов на территории Казахстана возникли три основных этнотерриториальных объедине-

ния - Старший, Средний и Младший жузы" 10.

В середине 60-х гг. XV в. в Западном Семиречье образовалось Казахское ханство. Оно в последующие годы, интенсивно расширяя свои границы, распространило свою власть на множество тюркских, тюркизированных монгольских и пр. племен и родов, обитавших на огромной территории Западного, Центрального, Южного и Юго-Восточного Казахстана. Здесь и сложилась единая казахская народность. Основными компонентами ее явились местные племена, входившие в ранне-феодальные государства, существовавшие на территории Казахстана. В XV-XVI вв. в ее состав влились роды Узбекского ханства, Ногайской Орды, Моголистана и др. государств, образовавшихся после распада Кок Орды и Ак Орды. Образование ханства и сложение единой народности не могло окончательно ликвидировать родоплеменное деление и феодальную раздробленность кочевого общества. Необорот, почти одновременно со сложением казахской народности произошло и расчленение ее на три жуза. Это был длительный процесс. Сложение жузов было обусловлено, как уже указывал В.В.Бартольд, существованием на территории Казахстана политически разобщенных трех обособленных естественно-географических, хозяйственных районов (Семиречье, Центральный и Западный Казахстан).

В пределах Семиречья в рамках государства Моголистан сложился Старший жуз (Улы жуз); в пределах Восточного, Северо-Восточного, Центрального и отчасти Южного Казахстана - Средний жуз (Орта жуз). В Западном Казахстане в пределах Ногайской Орды сложился Младший Жуз.

В последующие века политическая разобщенность жузов и феодальная раздробленность каждого из них все более усугублялась. Они представляли собой этнополитические образования, характеризующиеся наличием нескольких феодальных владений в каждом из них. Ханства, султанские владения существовали самостоятельно, обособленно, что позволяло джунгарским феодалам в I-й четверти XVIII в. захватить казахские земли до Ташкента и Туркестана. Джунгарская экспансия в начале XVIII в. показала политическую слабость жузов и отсутствие между ними единства и сплоченности.

Племена, из которых сложился казахский народ, имеют древнюю и сложную историю, имеющую большое значение для исследования этногенеза не только казахского, но и многих народов Средней Азии и Поволжья.

На территории Семиречья объединение племен вокруг древних усуней происходило задолго до образования казахской народности. В этом объединении наряду с хозяйственными интересами большую роль сыграли и военно-оборонительные факторы. С течением времени у многочисленных племен и родов, входивших в состав Моголистана, сформировалась общность культурных стереотипов. На основе племен Моголистана впоследствии сложился Старший жуз. Поэтому все племена и роды этого жуза связаны своим происхождением с моголами. В народе было принято называть представителей Старшего жуза в целом "Улы жуз - уйсин". В состав Старшего жуза входили следующие племена: жалайыр, албан, дулат, суан, сарыуйсин, сиргели, ысты, ошакты, шапрашты, шанышкылы и канлы.

Первоначально племена Старшего жуза жили в основном в пределах Семиречья, затем ареал их обитания распространился на юго-запад, юго-восток Казахстана. Зимние пастбища находились в песках Южного Прибалхашья, Мукнукм, в долинах рр. Или, Чу и Талас, а летние - на высокогорных альпийских лугах Джунгарского и Заилийского Алатау, на северных отрогах Тянь-Шаня и хребтах Каратау. При хане Тауке фактически управлял Старшим жузом бий Туле. После его смерти здесь ханом стал Жолбарс, который в 40-х гг. XVIII в. добился присоединения незначительной части территории и племен Старшего жуза к России. Но власть царизма над этой частью жуза из-за отдаленности ее осталась почти номинальной до сер. XIX в. Население Старшего жуза неоднократно подвергалось нашествиям иноземных захватчиков. В нач. XVIII вв. территория жуза подверглась нашествию джунгаров. В начале XIX в. значительная часть Старшего жуза подпала под власть Кокандского ханства. В середине того же века жуз принял российское подданство.

В 1848 г. царское правительство для управления казахами Старшего жуза учредило приставство Большой Орды, которое входило в состав Западно-Сибирского генерал-губернаторства.

В 60-х гг. XIX в. в связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства в его составе были учреждены Семиреченская и Сырдарьинская области, которые делились на уезды, волости, последние - на аулы. Подобное административное управление казахами жуза продолжалось вплоть до Октябрьской революции. В конце XIX-начале XX вв. казахи Старшего жуза, в основном, проживали в Капальском, Джаркентском и Верненском уездах Семиреченской области; в Аулие-Атинском, Чимкентском и Ташкентском уездах Сырдарьинской области. В последствии на территории Восточного и Центрального Казахстана сложился Средний жуз. Его непосредственным предшественником явились племена, входившие в состав Кок-орды и Узбекского кочевого государства. Постепенно доминирующее положение в нем заняло самое многочисленное племя - аргын. Поэтому казахов этого жуза в народе называли "Орта жуз-аргын". В Средний жуз входили кипчаки, аргыны, найманы, керейи, уаки, таракты и конраты. Их зимние пастбища находились в районах среднего течения Сырдарьи, в Кызылкумах, на значительной части Муюнкумов, на склонах Каратау, севернее оз. Балхаш, а летние - в долинах рек Тобол, Есиль, Тургай, Иртыш, Сарысу и в пределах Сарыарки.

Со времени сложения Среднего жуза его границы постепенно расширялись. В конце XVIII в. родоплеменные группы жуза были расселены на обширной территории Центрального, Северного, Восточного и Южного Казахстана. Но Джунгарское нашествие, начавшееся в начале XVIII в., вынудило уйти найманов и кереев с Алтая, из Прииртышья и Тарбагатая, аргынов - из восточной части Центрального и Южного Казахстана. Они откочевали в пределы Южной и северо-западной части Центрального Казахстана. Во второй половине XVIII в. после гибели Джунгарского государства родоплеменные группы Среднего жуза вернулись в родные места. К концу XVIII в. территория расселения их простиралась от китайской границы на запад до долины рек Иртыш и Тургай, от восточной границы России на севере до среднего течения Сырдарьи на юге.

В XVII-XVIII вв. территория владений ханов Касыма, Хакки Назара, Тевеккея, Есима и Тауке населяли в основном пле-

мена Среднего жуза. В начале XVIII в. на территории жуза существовали самостоятельные ханства Самеке и Кучука, владения султанов Барака и Абулмамбета. Подобная феодальная раздробленность способствовала захвату значительной части казахской земли джунгарскими завоевателями.

В 40-х гг. XVIII в. население жуза добровольно приняло российское подданство. Во второй половине XVIII в. после разгрома Джунгарии султан Албай объединил казахов Среднего жуза в одно ханство. В конце XVIII - начале XIX вв. население жуза значительно увеличилось, расширилась и его территория. В результате этого в 1815 г. в жузе было образовано второе ханство, которым стал править Еукей. После смерти его (1819) и Валия (1822) царизм ликвидировал институт ханства в Среднем жузе. В 1824-59 гг. здесь были образованы 10 внешних округов (Каркаралинский, Кокчетавский, Аягузский, Акмолинский, Аманкарагайский, Баянаульский, Учбулакский, Кокпектинский, Кушмурунский и Атбасарский) во главе с султанами-правителями. Округ состоял из 15-20 волостей, а каждая из последних - из 10-12 аулов. Подобная система административного управления сохранилась до 60-х гг. XIX в. По реформе 1868 г. территория Казахстана была разделена на области, уезды, волости и аулы. До победы Октябрьской революции основная масса казахов Среднего жуза жила в Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской и частично в Семиреченской и Сырдарьинской областях.

Задолго до образования казахской народности в Западно-Казахстанском регионе сложился Мангытский союз племен (ногайлы). В их объединении сыграли немаловажную роль наряду с хозяйственными факторами и военно-оборонительные. В конце XV - начале XVI вв. в составе казахской народности Ногайского или Алшынского союза сложился Младший жуз. Казахи этого жуза называли себя "Кіші жузалшын". В составе Младшего жуза сохранились крупные родоплеменные объединения. Самое крупное из них - Байулы, состояло из 12 родов (адай, жалпас, алаша, байбакты, бериш, маскар, таз, асентемир, ысык, кызылкурт, шеркеш, алшын). Жетіру объединял 7 родов (табын, тама, керлері, керейт, жагалбайлы, тилеу, рамадан),

а Алимұлы - 6 родов (каракесек, карасакал, торткара, кете, шомакей, шекти). Основное ядро байулыңцев в XVIII в. обитало на юго-западной стороне территории Младшего жуза (нижнее течение рек Урал, Эмба, пески Сам и п-ов Мангышлак), большинство жетыруевцев населяло Северо-Западный Казахстан (среднее течение реки Урал, долины Хобда, Илек, Срь и отроги Мугоджарских гор). Алимұлинцы жили на обширной восточной части Западного Казахстана (долины рек Иргиз, Тургай, оз.Шалкар, М. и Б.Барсуки, Каракумы, нижнее течение Сырдарьи).

Вышеуказанные этнические территории не оставались для племен и родов Младшего жуза во все времена неизменными. Некоторые роды или их отделения довольно часто перемещались в пределы расселения других родоплеменных объединений. Наиболее массовые перемещения населения жуза происходило в первой половине XVIII в. (в связи с Джунгарским нашествием), во II-й половине XVIII в. в связи с крестьянским восстанием под руководством батыра Срьма Датова. В XIX - начале XX вв. всюду на обширной территории Западного Казахстана можно было встретить представителей всех трех крупных родоплеменных объединений жуза. Но основная масса их оставалась на своих исконных этнических территориях.

В XVI-XVII вв. основные родоплеменные объединения жуза находились во владениях ханов Касьма, Хакк-Назара, Тевеккеля, Есима и Тауке. Последний управлял всеми тремя жузами через влиятельных биев (в Старшем жузе - Туле, в Среднем жузе - Казыбек, в Младшем жузе - Айтеке). После его смерти ханом Младшего жуза стал Абулхаир. Хан Абулхаир в 1731 г. принял присягу о добровольном присоединении жуза к России. После убийства Абулхаира султаном Бараком ханский престол последовательно занимали Нуралы, Ералы, Есим, Айшук, Ширгазы. В 1824 г. ханская власть в Младшем жузе была упразднена. Территория жуза была разделена на три части (Западную, Среднюю и Восточную). Во главе их стояли султаны-правители, но вскоре была введена т.н. дистанционная система (территориальное управление). Дистанции делились на аулы, которыми управляли старшины. Всего было образовано 56 дистанций. В Приаралье, Каракумах, на Мангышлаке и Сырдарье по-прежнему действовала

родовая система управления.

В начале XIX в. на территории между Уралом и Волгой образовалось Букеевское ханство. После смерти хана Джангира (1824-1845) царское правительство упразднило ханскую власть в Букеевской орде. По положению 1868-91 гг. на территории Младшего жуза были учреждены области, уезды. После реформы 1867-68 гг. казахи Младшего жуза населяли Уральский, Лбищенский, Темирский уезды Уральской области; Иргизский, Тургайский, Актюбинский уезды Тургайской области; Перовский, Казалинский уезды Сырдарьинской области; Мангышлакский уезд Закаспийской области и Букеевскую Орду. Реформа была осуществлена в интересах колониальной политики царизма. Она вызвала недовольство всех слоев казахского общества: султаны и бии были недовольны ограничением их прав, а народные массы - дальнейшим усилением гнета. Казахские трудящиеся Младшего жуза неоднократно вели народно-освободительную борьбу под руководством народных батыров Срьма Датова, Исатая Тайманова, Есета Котибарова, Жанхожи Нурмаганбетова и др. против царской власти и местных феодалов.

1. Обзор исторической литературы о жузах см. В.В.Востров, М.С.Муканов. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата, 1968. С.9-14.

2. История Казахской ССР. Т.1. Алма-Ата, 1957. С.148-149; История Казахской ССР в пяти томах. Т.П. Алма-Ата, 1979. С.248; С.А.Аманжолов. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959. С.111; В.В.Востров, М.С.Муканов. Указ.раб. С.15.

3. В.В.Востров, М.С.Муканов. Указ.раб. С.15.

4. Н.И.Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области. Т.1. Ташкент, 1889. С.2; Г.Н.Потанин. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883. С.15; Н.А.Аристов. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой Орды ... // "Живая старина". Вып. III-IV. СПб., 1894. С.392 и т.д.

5. В.В.Вельяминов-Зернов. Исследование о касимовских

царях и царевичах. Ч.П., 1884. С.362-363.

6. М.Красовский. Материалы для географии и статистики России. Область сибирских киргизов. СПб., 1868. Ч.П. С.78.

7. Х.М.Адилгереев. К истории образования казахского народа. "Вестник АН КазССР", 1961. № I. С.85-86; С.А.Аманжолов. Указ.раб. С.112-113.

8. В.В.Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925. С.217.

9. М.П.Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. Алма-Ата, 1941. С.99.

10. История Казахской ССР. Т.П, Алма-Ата, 1979. С.248 и далее см.: С.248-298; В.В.Востров, М.С.Муканов. Указ. раб. С.9-253; М.С.Муканов. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата, 1974.

Н.П.Лобачева

НАРОДНАЯ ОДЕЖДА КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГЕНЕЗУ (К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА)

Одежда, как и другие явления народной культуры, отражает этническую историю народа, ибо сохраняет элементы, говорящие об его этнических корнях. Это положение давно доказано. Задача автора заключается в том, чтобы показать, какие из характеристик и элементов костюма пригодны для решения вопросов этногенеза народов Средней Азии и Казахстана, не претендуя, однако, на полноту охвата всех народов региона и всех возможных сюжетов для анализа одежды в этом аспекте.

Традиционные костюмы этих народов имеют между собой много общего, отличаясь в разной степени от одежды народов смежных и близко расположенных регионов (кавказского, южно-сибирского и т.д.). Общие черты костюма среднеазиатско-казахстанских народов отмечаются в единообразном костюмном

комплексе (это не исключает специфических форм одежды у отдельных народов или групп народов), в общности покроя плечевой и поясной одежды, головных уборов, обуви. В XVIII-XIX вв. здесь фиксировалась приверженность к полосатым тканям, особенно в верхней одежде, любовь к серебряным украшениям, вышивке. Поскольку народы региона отличаются друг от друга по языковым, хозяйственно-культурным признакам и их этническая история, компоненты этногенеза, как известно, неодинаковы, отмеченные черты общности в комплексах одежды была бы неправомерно объяснять единством их этногенеза. Очевидно, это результат взаимодействия ряда факторов: общих закономерностей развития культуры, например, эволюцией форм так называемого туникообразного покроя в наплечной (и в поясной) одежде от прямых линий к диагональным, связанной с изменением технических приемов кройки, когда на смену разрыванию ткани по нитке приходит применение режущих инструментов (такая эволюция покроя отмечена у народов разных регионов, характерна она и для нашего ареала); общностью исторических судеб народов, живших на территории Средней Азии и Казахстана, постоянным общением народов региона между собой на протяжении веков (наглядной иллюстрацией этого является распространение в XIX в. выкройной одежды - камзола и др. у всех народов региона).

Общие черты костюма среднеазиатско-казахстанских народов - факт, позволяющий выдвинуть тезис о том, что облик традиционного костюма формировался в рамках всего региона. Иногда можно говорить именно о региональных различиях, например, покроя. Так, туникообразная, обязательно распашная одежда со срединным швом на спинке (шьется из двух полотнищ) характеризует крайнедальневосточную культуру (Япония, Корея, Китай)¹, для Переднего и Среднего Востока преобладающим вариантом этого кроя является широкое срединное полотно стана с дополнительными боковинами ниже рукавов как в нераспашной, так и в распашной одежде.

В плане выяснения элементов традиционного костюма, несущих этногенетическую информацию, интересны, как нам кажется, те из них, которые у разных народов (как внутри ре-

гиона, так и вне его) приобрели этническую специфику, но имеют черты сходства, заставляющие предполагать в отдаленном прошлом общий прототип, принадлежащий культуре какого-то этнического пласта, который вошел некогда в состав разных народов. При этом могут вычлениваться разновременные пласты. К таким элементам у народов Средней Азии и Казахстана можно отнести целый ряд сходных по форме и функциям частей одежды. В женском костюме это прежде всего свадебный головной убор невесты (он же праздничный головной убор молодых), известный по костюму казахов, каракалпаков, киргизов, туркмен-чоудоров - "саукеле" (каз. саукеле, карак. саукеле, кирг. шокуло, туркм. шовкеле); затем - "кимешек" - деталь головного убора замужних женщин у казахов, каракалпаков, узбеков-кипчак; "бельдемчи" - поясная одежда замужних киргизок и некогда казашек; девичий вышитый нагрудник - "онир, онирше" с серебряными украшениями, монетами (каз. еңі р, еңі рше, карак. онгирше, туркмен. онирше (встречается у туркмен ходжа и чоудор). У киргизов вышитый онур (онур)) являлся принадлежностью костюма молодых и среднего возраста женщин (в первый раз его надевали на невесту в день свадьбы); своеобразны вышитые нарукавники - "женгсе" (карак. женсе) у каракалпаков, узбеков-кипчак; они встречаются также у татар-терюхан.

В мужском костюме в этом плане интересны: шапка "тымак" (каз. тымақ), у казахов и тумок (узб. тумоқ), у узбеков-кипчак, туркмен - чоудоров; сходная с нею покроем казахская летняя шапка "кулепара" типа башлыка (каз. кул пара); шапка "калпак" (карак. қалпақ, узб. қалпоқ) войлочная или из ткани - распространенная у всех названных выше народов; распашная рубаха "жегде" (жейде, желде) у казахов, киргизов, узбеков-кипчак, предшествовавшая нераспашной рубахе койнек (койлек) в их комплексе одежды (каз., карак. кейлек; кирг. кейнек); важно отметить, что у казахов и киргизов мужская погребальная одежда включала жейде, что свидетельствует о глубокой древности этого элемента одежды. Термин жегде известен также в применении к летнему мужскому халату у узбеков-кипчаков, в форме джегде он встречается и у неко-

торых групп дештикипчакских узбеков южных районов Таджикистана (материалы Б.Х.Кармышевой). У каракалпаков этот термин сохранился в женской головной накидке; встречен он как название женского халата и у узбеков Кашкадарьи (материалы Х. Исмаилова). Всем названным народам известна упоминающая ибн Фадланом (X в.) войлочная или шерстяная одежда "кебенек" (кеванак и др. разночтения этого названия); орнаментированный наборный пояс кемер (камир) входил в традиционный костюм мужчин у казахов, каракалпаков, киргизов, узбеков-кипчак; традиционны также для мужского костюма кожаные или замшевые, с тамбурной вышивкой, штаны у казахов, киргизов, каракалпаков, узбеков; сходна и вышивка на бытовых предметах и на одежде по красному фону тамбурно-петельным швом, широко распространенная у дештикипчакских узбеков, киргизов и каракалпаков, есть она и у казахов. Нами приведен набор элементов одежды с наиболее бросающимися чертами сходства, перечень их этим не исчерпывается и мог бы быть продолжен.

В отношении перечисленных элементов костюма, встречаемых у разных народов Средней Азии и Казахстана и даже за пределами этого региона (у ногайцев, башкир и др.), можно определенно говорить, что каждый из них восходит к какому-то одному прототипу, видимо, бытовавшему не очень давно, незадолго до завершающего этапа формирования названных народов, поскольку все эти элементы, при наличии своеобразия, четко сохранили одни и те же функции, близкую терминологию, общность во внешнем виде, в материале изготовления, покрою и оформлении. Особенно убедительно это видно на примере головных уборов типа саукеле.

Головной убор саукеле (варианты - сеукеле, шокуло, шовкеле), при этнических особенностях у каждого из народов его формы (высокое конусообразное у казахов, округлошлемовидное у каракалпаков, шлемовидно-конусообразное и не очень высокое у киргизов, шлемовидное, напоминающее (как отмечают информаторы) украшенную монетами текинскую девичью тибетейку у чоудоров), имеет общие черты в материале изготовления: для всех их вариантов характерна войлочная основа с про-

строчкой, что обеспечивает твердость формы, покрытие обычно красное, из сукна или бархата и сходно также обилие серебряных с позолотой украшений с сердоликом, бирюзой, кораллов, подвесок из бус и др., несколько отличающихся у разных народов. Казахское и киргизское саукеле венчались пучком перьев. Саукеле у этих народов сходно некоторыми особенностями своего покроя: при различающемся покрое тульи, которая кроится либо из большого круга с вырезанным сегментом, благодаря чему образуется высокий конусообразный верх (казахи), либо кроится из четырех треугольных долек разной высоты, что дает облегающий верх (каракалпаки) или образует невысокий конус (киргизы) ^х, все разновидности саукеле отличаются однотипным околышем, снабженным характерными ушными и затылочной лопастью (иногда и налобником) разного размера и конфигурации у отдельных народов. Интересной деталью, отражающей, видимо, какую-то существенную веху в истории этого головного убора является длинный вышитый "хвост" из полосы ткани, спускающейся на спину. У каракалпакского саукеле вышивка на нем выполнена в технике глади или другой (неизвестной мне, не встречающейся на других предметах их быта), но обязательно с цветочным рисунком; у старинных казахских саукеле "хвост" покрыт, видимо, тамбурной вышивкой, но с необычным орнаментом в виде овальных разноцветных пятен с темной оторочкой (что заметно на фотографии из материалов Ф.А.Фиельструпа). Эта деталь является признаком целой группы старинных головных уборов, в которую входит и башкирский кэлэпуш, имеющий сходство с каракалпакским саукеле, покрытый сплошь металлическими бляшками, коралловыми бусами и др., и ряд головных уборов народов Поволжья ("айшон" удмуртов, "панга" мордовских женщин, "шурка" у марийцев), что свидетельствует, возможно, о какой-то этнической традиции не среднеазиатского происхождения.

В каракалпакском саукеле обращают на себя внимание некоторые детали его внешнего оформления: к вышитому тамбур-

^х Надо отметить, что это общерегиональные варианты кроя верха шапок и тибетеек.

но-петельным швом красно-черному суконному или бархатному покрытию войлочной тульи пришит как бы "накосник" из такого же материала, проложенный поверх войлочного околыша. "Накосник" имеет также тамбурно-петельную вышивку, характерную для одежды молодых каракалпачек. Упомянутый же вышитый гладью (или иной техникой) с растительным узором, видимо, по белой мягкой ткани "хвост", имеющий подкладку из домотканой маты и состоящий из двух полос с раздвоением на концах, является продолжением этого "накосника". Такое оформление верха саукеле, возможно, говорит о меняющемся социально-возрастном назначении убора, поскольку шапочки с накосником являются элементом головного убора замужних женщин. Недаром у карлуков встречен термин "шаукала" в применении к шапочке с накосником (материалы Б.Х.Кармышевой).

Что касается функционального назначения рассматриваемых головных уборов, то оно у всех одинаковое - это свадебный головной убор невест и праздничный убор молодых; последние носили его до рождения ребенка, когда (по обычаю) происходила сопровождавшаяся обрядовыми действиями замена головного убора молодых женским. Общность отмечается и в названии этого головного убора, сложившегося во всех вариантах из соединения двух слов: "сеу-, сау-, шо-, шов-", происходящего от иранского слова "шаһ" (царь) ² и слова с корнем "кел, кул". Слово "кел" некоторые авторы производят от иранского "кәлле" (голова) ³, "кул" - от иранского же названия головного убора "колаһ" (шапка) ⁴, т.е. в переводе саукеле значит "царская шапка". Как увидим ниже, такое наименование имеет исторические предпосылки. В традиционной же культуре это название находит объяснение в распространенном и у многих других народов представлении, что невеста и жених на свадьбе являются и именуются "царицей" и "царем".

Сравнение покроев саукеле с покроями очень характерных для казахов мужских головных уборов башлык-тымак (как отмечалось, одно из его названий кулепара) ⁵ показало их однотипность. Для тымак также характерен околыш с ушными, затылочной и налобной лопастями, цельковыми или составными. Аналогичная шапка под названием тумок была известна, как

упоминалось, узбекам-кипчак и туркменам-чоудорам (у них называют так современную ушанку).

Идентичность покроя мужских и женских головных уборов, как и покроев одежды, — признак архаичности, их глубокой древности, как в женском, так и в мужском костюмах, говорящий об их общих истоках. В этом плане небезынтересно, что верх каракалпакского саукеле также носит название тумак (карак. тумак).

Производные термина "саукеле" зафиксированы Б.Х.Кармышевой у узбеков-карлуков: у дангаринских карлуков — "шаукала", у яванских — "шоппулак", у кулябских — "шоппула". У последних такую шапочку носят пожилые женщины под платком. Очевидно, что подобные термины были распространены значительно шире, чем это известно нам, прилагались они к различным формам шапок, что, видимо, связано с позднейшими модификациями костюма. Форма же шапок с наушниками и задней лопастью отмечается и в других головных уборах, носящих иные названия. К ним можно отнести шапочку с накосиком, богато вышитую по ушным клинышкам, замужних киргизок — "чацкеп" и шапочку из ткани без вышивки у киргизок же "кеп такия", тулья которой сделана из соборенного на макушке куска ткани. Обе они надевались под элечек и имели определенные сферы распространения⁶. К этой же серии относится и вышитая шапочка с наушниками туркменок.

Из-за недостатка места мы ограничимся лишь этим примером анализа женских и мужских головных уборов, не рассматривая в сравнительном плане выделенные нами выше элементы костюма и, однако, попытаемся более конкретно объяснить истоки их сходства. Наличие в костюмах современных народов комплекса одних и тех же элементов (иногда не в полном составе), позволяет предположить, что в прошлом все эти элементы принадлежали костюму какого-то одного этнического образования, вошедшего в процесс этногенеза в состав нескольких народов региона. Этим этносом в данном случае являлись, очевидно, средневековые кипчаки — общий для них и наиболее поздний этнический компонент (благодаря чему так четко сохранилось сходство по многим показателям в характеристиках ряда эле-

ментов костюма), для большой группы тюркоязычных народов; этот этнический компонент выделяет культуру казахов, каракалпаков, отчасти узбеков, некоторых групп туркмен и киргизов среди других народов Средней Азии. Наличие названных элементов в костюме современных узбеков-кипчак служит дополнительным аргументом в пользу такого мнения. Об этом же, очевидно, говорят и каменные изваяния особенно половецких женщин в сложных головных уборах, имеющих ярко выраженную наспинную лопасть⁷, и мужские, правда немногочисленные, головные уборы половец с ушными и затылочной лопастями, зрительно находящие аналогию в одном из вариантов казахского башлыка, скроенного из двух одинаковых половинок с соединительным швом от налобной до затылочной части, проходящим по середине головы⁸.

Дальнейший анализ материала позволяет углубиться в более ранние этапы этнической истории и говорить об ираноязычном кочевническом скифо-сакском субстрате в этногенезе народов региона. В этом плане особенно показательны колпакообразные головные уборы с ушными и затылочной лопастями - саукеле-кулепара-тымак. Согласно Геродоту "Саки, скифское племя, имели на голове остроконечные шапки из плотного войлока, стоявшие прямо..."⁹. Древний изобразительный материал (Персепольские рельефы с изображениями саков, пластинки из Амударьинского клада также с изображениями саков, хорезмийский острак с изображением всадника-сака с Кой-Крылган-Калы и др.)¹⁰ представляет саков в колпакообразных, иногда высоких твердых, иногда мягких уборах с глубокими ушными и затылочной лопастями. В рассмотренном нами современном этнографическом материале встречаем аналогии двум существенным компонентам этого древнего головного убора - войлочная основа и характер покроя в древности и в современности совпадают. Как видим, письменный и изобразительный материал связывает эти формы головных уборов с кочевническим ираноязычным миром. Вещественный археологический материал из сакских курганов также свидетельствует об этом. Знаменательно, что головной убор вождя из кургана "Иссык", имевший очень сложное оформление, связанное с его

сакральным значением, по ряду признаков, в частности наличию щечных и затылочной лопастью в сочетании с высоким колпаком, относится к серии рассматриваемых нами головных уборов. Авторы публикации о нем считают этот головной убор и ему подобные принадлежностью костюма древней сакской элиты¹¹.

С связи с ираноязычным миром свидетельствуют и современные наименования головных уборов с характерными лопастями. Убедительно это выглядит в наименовании головного убора башкир "кэлэпуш". В основе его, очевидно, иранские слова "кэлле" - голова и "пуш" - покрывало от "пушиден" - покрывать, т.е. кэлэпуш - это покрытие для головы¹². Расшировка термина саукеле-шокуло как "царская шапка" ("шах кулох") так же, как уже упоминалось, говорит об иранском корне этого наименования. Кстати, Л.З.Будагов термин "кулепара" связывает со словом "кулох" (کوله) и переводит как большой женский малахай, вводя его, таким образом, в женский костюмный комплекс, указывая при этом, что это слово киргизское¹³. Ираноязычный элемент в названии головного убора донесли до наших дней узбеки-кипчак в термине "куля" в приложении к шапочке на подкладке с ватой или шерстью. Таким образом, на ираноязычный компонент в этногенезе современных казахов, киргизов, каракалпачков, дештикипчакских узбеков и ряда народов вне изучаемого региона, в частности башкир, указывают данные письменных источников, древний изобразительный и археологический материал, современные этнографические и лингвистические свидетельства.

О кипчакском вкраплении в этногенез некоторых групп туркмен говорит, видимо, факт наличия в похоронном головном уборе туркмен элементов, напоминающих казахский тьмак и башлык (данные А.С.Морозовой).

В этногенетическом плане заслуживают также внимания свадебный головной убор туркмен-иомутов, салыров, емрели и др. - хасава. По вопросу о его происхождении имеются разногласия. Г.П.Васильева связывает этот термин с народами кипчакского происхождения, однако в элементах хасава - ее

украшениях находит аналогии в аланском материале, а особенно самого головного убора, вслед за С.П.Толстовым, относит к элементам, свидетельствующим о скифо-сарматских генетических связях туркмен¹⁴. А.С.Морозова¹⁵ связывает происхождение хасава, с одной стороны, с переднеазиатской культурой, с другой - с скифо-сарматской. На наш взгляд хасава отражает участие в этногенезе туркмен ираноязычного этнического пласта с земледельческим направлением хозяйства и свойственными для таких культур божевами аграрного культа. Хасава - головной убор на расширяющемся кверху каркасе, сделанном из стеблей травы, украшенный множеством серебряных бляшек, носили его с яшмаком, покрытым вышивкой с растительным орнаментом. Весь облик хасава напоминает головной убор среднеазиатских богинь плодородия, внешний вид которых в различных областях и в разные исторические периоды имел свои отличия. Наибольшее сходство хасава имеет с головным убором, представленном на женской статуэтке из маргианской коропластики I в. до н.э. (городище Гобеклы-депе I)¹⁶ и в формочке для статуэтки кушанского времени (городище Афросиаб)¹⁷. Надо отметить, что головной убор под названием "касаба" встречен и у некоторых групп узбеков южного Таджикистана и Узбекистана (материалы Б.Х.Кармышевой); правда, внешний вид его отличается от туркменской хасава.

В комплексе с таким головным убором, как и с другими, богиня всегда изображена в накинутой поверх платья богато украшенной одежде, которая, судя по аналогии с мужскими изображениями (золотая статуэтка ахеменидского времени, пластинка из Амударьинского клада с изображением перса)¹⁸, имела ложные рукава. Одежда с ложными рукавами известна по находкам в пазырыкских курганах и соотносится С.И.Руденко с иранской традицией¹⁹. Манера ношения верхней плечевой одежды внакидку известна по раннесредневековой живописи Средней Азии, среднеазиатско-персидским миниатюрам и этнографическим материалам.

Хасава в XIX в. туркменки носили с головной халатообразной накидкой "пиренджек", имеющей ложные деформированные рукава. Мнение о том, что разнообразные халатообразные

накидки среднеазиатских народов произошли от плечевой одежды, разделяет ряд исследователей - О.А.Сухарева, Г.А.Пугаченкова и др.²⁰ (Г.А.Пугаченкова даже видела связь таких накидок с одеждой богинь плодородия). Превращение некоторых из халатов в особый вид одежды наблюдали этнографы. В повседневном уличном костюмном комплексе они появились сравнительно недавно (миниатюры не зафиксировали такой одежды, письменные свидетельства о ней относятся к ХУШ в). Повседневное ношение головных накидок развилось, очевидно, из обычной покрывать голову невесты с магической целью в ответственные моменты свадьбы, этот обычай был известен и тем народам, у которых нет таких накидок (казахи, киргизы). В процессе преобразования халата в головную накидку видно сыграло роль и мусульманство. Однако среди халатообразных накидок следует выделить особо разновидности с ложными деформированными рукавами, которые, как нам представляется, имеют прототипом ритуальную одежду, делавшуюся издавна с ложными рукавами (за короткий срок деформация рукавов не могла произойти), и восходящую к накидкам среднеазиатских богинь плодородия. Связь этих одежд с древним культом плодородия отражает и тематика вышивки на туркменских накидках пуренджек (стилизованное дерево) и особенно на накидках чырпы, украшенных стилизованным растительным орнаментом с изображением тюльпана и солярными знаками. Таким образом, представляется, что хасава, пуренджек и чырпы взаимосвязаны и отражают верования, культ и идеи древнеземледельческого ираноязычного населения Средней Азии.

Иные ассоциации в плане этногенеза вызывает установленное этнографами²¹ знакомство каракалпаков и киргизов с тканями из кендырного волокна, известного также с древности (Пазырык) народам Алтая, угорским народам Сибири и народам Поволжья, пользовавшимся крапивными и конопляными волокнами. Это дает основание предполагать существование в их этногенезе общего этнического пласта, культуру которого характеризовала техника изготовления таких растительных волокон, сложившаяся в определенной природно-хозяйственной зоне.

Сюжеты для этногенетического анализа этим, конечно, не

исчерпываются; в частности, интересные результаты может дать изучение вышивок, серебряных и иных ювелирных украшений, входящих обязательным элементом в традиционный костюмный комплекс.

1. См. Сычев В.Л. Из истории плечевой одежды народов Центральной и Восточной Азии. (К проблеме классификации) // СЭ. 1977. № 3. С.36 и др.

3. См. Сухарева О.А. Древние черты в формах головных уборов народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. I. М., 1954. С.339.

3. См. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. С.204.

4. Персидско-русский словарь. Сост. проф. Б.В.Миллер. Изд. 2-е. М., 1953. С.403.

5. См. Захарова И.В. Классификация и картографирование казахских головных уборов (XIX-XX в.) // Этногенез и этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных стран. Омск, 1983. С.96-97; Захарова И.В., Ходжаева Р.Д. Головные уборы казахов (опыт локальной классификации) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М., 1989. С.214. Рис.32.

6. Махова Е.И. Материальная культура киргизов, как источник для изучения их этногенеза // Труды киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т.Ш. Фрунзе, 1959. С.52-53. Рис.5.

7. См. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. Табл.39, 41, 52 и др. // Свод археологических источников. Вып.Е4-2. М., 1974.

8. Ср. Плетнева С.А. Указ.раб. С.39. Рис.14 (II, I2); Захарова И.В. Ходжаева Р.Д. Указ. раб.

9. Геродот. История в девяти книгах. Перевод с греческого Ф.Г.Мищенко. Т.П. М., 1888. Кн. седьмая, 64. С.167. Ссылка на издание 1888 объясняется тем, что в издании "Истории Геродота" 1972 г. (Ленинград), вероятно, не точен перевод интересующего меня ^{отрывка} текста, где сказано: "Саки же

(скифское племя) носили на головах высокие островерхие турбаны, плотные, так что стояли прямо ..." Во-первых, в этом переводе характеристика головного убора не соответствует турбану, а во-вторых, и это главное, известно по ряду материалов (изобразительных, археологических), что головной убор саков имел остроконечную колпакообразную форму, а не турбан.

10. A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present. Ed. by Pope. V.IV. T.93-94; The treasure of the Oxus by O.M.Dalton. Oxford, plate XIII;

Толстов С.П.

По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. С.125. Рис. 65 е.

11. Акишев К.А., Акишев А.К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980. С.18.

12. См. Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. С.204.

13. Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. Т.П. СПб., 1871. С.133.

14. Васильева Г.П. Головные и наконечные украшения туркмен XIX - первой половины XX в. - Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С.199-200. В опубликованных тезисах данного доклада нами допущена неточность в изложении мнения Г.П. Васильевой о происхождении головного убора туркмен хасав.

15. Морозова А.С. Головные уборы туркмен // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Туркм.ССР. Т.УП. Серия этнографическая. Ашхабад, 1963. С.109.

16. Пугаченкова Г.А. Маргианская богиня // Сов. археология. XXIX-XXX. М., 1959. С.127. Рис.6.

17. Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962. С.24. Рис.4 4.

18. A Survey of Persian Art. Ed. by A.U.Pope. V.IV. T.108; The treasure of the Oxus by O.M.Dalton. Oxford.

19. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953. С.110.

20. Сухарева С.А. К истории костюма населения Самар-

канда // Бюллетень АЗ Уз.ССР. 1945. № II-12 и др. ее работы; Пугаченкова Г.А. К истории "паранджи" // Сов.этнография. 1952. № 3; Морозова А.С. Указ.раб.; Лобачева Н.П. К истории среднеазиатского костюма (женские головные накладки-халаты) // СЭ. 1965. № 6.

21. Жданко Т.А. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир // Археология и этнография башкир. Т.IV. Уфа, 1971. С.170; См. Томина Т.Н. Ткани домашнего производства для одежды // Этнография каракалпаков. Ташкент, 1980. С.104 и сл.

К.П.Калиновская, Г.Е.Марков

АЛТАЙСКИЙ КРУГ КАЗАХСКОГО КОЧЕВОГО СКОТОВОДСТВА. ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ^х

Обширная область Восточного Казахстана и соседнего с ним Горного Алтая представляют значительный интерес вследствие их малой изученности и, в частности, в связи с проблемой кочевого и полукочевого скотоводства, которое возникло там в глубокой древности и сохранилось до начала 1930-х годов, до времени коллективизации.

История древнего населения Алтайских гор непосредственно связана с возникновением здесь во II-I тыс. до н.э. пастушества, а затем номадизма, что было одним из этапов крупного общественного разделения труда¹. Складывавшийся номадизм характеризовался военно-кочевым образом жизни².

В позднем средневековье к западу от Алтая сложилась область расселения казахов Большого жуза, занимавшихся преимущественно очень подвижным кочевым скотоводством. Маршруты их кочеваний по горным долинам и альпийским пастбищам про-

^х Данная работа написана на базе материалов полевых исследований, проведенных экспедициями кафедры этнографии МГУ и ИЭАН СССР в Горно-Алтайской автономной области в 1961 и 1985 гг. и в Восточно-Казахстанской области в 1987 г.

стирались далеко за пределы собственно Казахстана и в XIII-XIX вв. некоторые группы скотоводов Восточного Казахстана обосновались в районе Курайской степи в Горном Алтае, в местности Джизатр, сохраняя при этом самые тесные связи с жителями прежних мест своего обитания. Таким образом, сформировался цикл алтайского кочевого скотоводства, включавший родственное по происхождению и этническому составу население.

Степень мобильности рассматриваемых групп скотоводов была весьма значительна. В год кочевники проходили от нескольких сотен до трех тысяч километров, делая при этом от 60 до 120 стоянок. Соответствовал подвижному образу жизни и видовой состав стад, включавший мелкий рогатый скот, верблюдов, лошадей, в более позднее время - сарлыков (яков)³.

Важнейшая веха в истории и хозяйстве кочевых казахов, начало нового этапа их развития были связаны с присоединением Казахстана в середине XIII в. к России. С этого времени, хотя и постепенно, началось разложение номадизма, окончательно завершившееся только в годы коллективизации. В результате присоединения к России казахи получили возможность расширить области расселения и кочевания по долинам рек Урала, Тобола и Иртыша, но одновременно, вследствие ряда политических и социально-экономических причин, среди казахов Восточного Казахстана стали развиваться процессы оседания на землю, перехода от кочевого к полукочевому, полuosедлому и, наконец, оседлому хозяйству. Важными факторами при этом были развитие товарно-денежных рыночных отношений и тесные контакты и взаимовлияние с земледельческим русским населением. Отдельные группы казахов стали селиться в приграничных с Россией областях, где их образ жизни становился все менее подвижным. Что касается основной части населения, то оно продолжало в первой половине XIX в. заниматься скотоводством, однако последнее начало приобретать некоторые новые черты. Прежде всего, все в большей степени стала проявляться тенденция закрепления за семьями и кочевыми группами-общинами постоянных зимних стойбищ, увеличилось время пребывания на них скотоводов. Одновременно становились короче

маршруты кочевания, особенно по мере усиления имущественного расслоения, вследствие чего семья и небогатые скотом группы уже не имели нужды в дальних перекочевках.

Как это следует из сообщений стариков-информаторов, во второй половине XIX в. начались медленные процессы по большей части временного, но в отдельных случаях и постоянного перехода казахов к оседлости и занятию земледелием. Если в более раннее время продукты земледелия казахи выменивали на скот, то в этот период постепенно многие из них, в том числе продолжавшие заниматься, главным образом, скотоводством, стали сначала брать на различных условиях в аренду у своих русских соседей вспаханные ими участки пашни, а затем и сами начали обрабатывать небольшие поля. При продолжающемся кочевании казахи, как правило, не имели условий для хранения урожая, поэтому часто запасы зерна и других продуктов они отдавали на сохранение русским крестьянам. Все это вело к более тесному хозяйственному и культурному сближению казахов с их русскими соседями, ставшему особенно интенсивным с конца XIX в., когда начали возникать смешанные по национальному составу жители поселения - деревни казахов и русских⁴.

Таким образом, в жизнь подвижных скотоводов-номадов Восточного Казахстана все больше входили оседлые виды занятий - хлебопашество, а также сенокосение, позволявшее заготавливать корм для скота впрок, осуществлять стойловое содержание животных и разводить наряду с традиционными для кочевников видами скота (см. выше) и крупный рогатый скот, что является важнейшим признаком перехода скотоводов от номадизма к полuosедлости и оседлости.

В рассматриваемое время усилился приток в Восточный Казахстан русских и казачьих переселенцев, стало расти число оседлых поселений, распахивались новые земельные площади, что неблагоприятно сказывалось на казахском скотоводстве, так как сокращались площади свободных пастбищ. Вместе с дальнейшим вовлечением казахов в сферу товарно-денежных отношений, усилением имущественного и социального расслоения, это привело к началу XX в. к дальнейшему развитию

полуоседлости и оседлости, а скотоводство стало приобретать черты отгонного. В результате у значительной части скотоводов Восточного Казахстана сложился новый, скотоводческо-земледельческий хозяйственно-культурный тип. Переход от преимущественно кочевого хозяйства к полуоседлому и оседлому имел следствием дальнейшие изменения в видовом составе стад. В связи с сокращением расстояний кочевок уменьшилась потребность в транспортных животных, стало сокращаться, а затем и вовсе исчезло верблюдоводство. Взамен верблюдов все в большем количестве казахи стали разводить сарлыков, которых выпасали на ближних отгонных пастбищах, а еще позднее — маралов, которых содержали в загонах. Впрочем, мараловодством занимались, главным образом, только отдельные богатые русские и казахи.

Все это привело к существенным изменениям в образе жизни в прошлом кочевых казахов пограничной с Алтаем области Катон-Карагая и помимо хозяйственной деятельности нашло отражение в их материальной, а до некоторой степени и в духовной культуре. Наряду с кочевым жилищем — юртой стали возникать сначала на зимниках, а затем и в постоянных поселениях оседлые постройки. Жилища строились по образцу русских изб, и уже в первые десятилетия нашего века практически ничем не отличались от них ни по конструкции, ни по интерьеру. То же самое касается и хозяйственных построек. Постепенно все больше нарастало влияние русских образцов и в одежде. Хотя женская одежда сохраняла несколько больше национальные черты, после 1930-х годов и эти различия начали стираться. Оседавшие казахи заимствовали у русского населения орудия труда и средства передвижения, однако традиции верховой езды и перевозки грузов выюком сохранились у них в условиях высокогорья вплоть до настоящего времени.

При том, что и в XIX, и в XX вв. существовали тесные связи между казахами Катон-Карагая и Горного Алтая, хозяйственная и социальная жизнь скотоводов Курайской степи в местности Джизатр развивалась несколько иначе, чем в Восточном Казахстане. В отличие от последнего, где все более

ощутимыми становились процессы перехода к оседлости, казахи Горного Алтая продолжали во многом сохранять в своем образе жизни черты номадизма. Причин для этого было много. Прежде всего следует иметь в виду суровый климат Курайской степи, где и в наше время, а тем более в XIX и начале XX в., земледелие весьма затруднено и не может стать не только основой, но даже вспомогательной отраслью хозяйства. Помимо этого, решающим оказалось то, что соседями казахов в Джизатре было не русское земледельческое население, а горные алтайцы, принадлежавшие в то время к весьма архаичному хозяйственно-культурному типу скотоводов и охотников, собирателей в тайге кедрового ореха⁵. И здесь не алтайцы оказывали хозяйственное и культурное влияние на казахов, а скорее наоборот, в контактных зонах преобладало казахское воздействие. При отсутствии переселенцев из России в этих районах не сокращались пастбищные пространства, что было важным фактором поддержания стабильности номадного хозяйства. Не происходило особых изменений и в составе стад. Наконец, несколько медленнее происходило развитие товарно-денежных отношений, проникавших, главным образом, не из предгорий Алтая, а из Восточного Казахстана, Катон-Карагая⁶. Все это, в конечном счете, предопределило сохранение в Горном Алтае кочевого скотоводства вплоть до коллективизации. Экономические связи Джизатра и Катон-Карагая были очень значительными. Казахи Джизатра везли на ярмарки Катон-Карагая на продажу скот, шкуры, кожи, войлоки. Торговля велась караванами, переправлявшимися через горные хребты в течение 5-7 дней. Основными транспортными животными служили верблюды. На вырученные средства кочевники Джизатра покупали у казахов и русских Восточного Казахстана муку, чай, подковы, ткани, посуду и другие изделия ремесленного и фабричного производства⁷. Это вело, естественно, к возникновению в материальном быту горноалтайских казахов некоторых инноваций, однако сравнительно с обитателями Восточного Казахстана незначительными; решающие изменения в хозяйстве и в материальной культуре — окончательный переход к оседлости и отгонному

скотоводству произошли только в первые десятилетия после окончания второй мировой войны.

Что касается социально-экономических отношений, то до начала оседания казахов в области Катон-Карагай, у всего скотоводческого населения алтайского круга кочевого скотоводства Восточного Казахстана и Джизатра господствовали общие для всех номадов патриархально-племенные отношения, то есть такие, каковыми их характеризовали К.Маркс для народов с племенным строем⁸ и В.И.Ленин для обществ с кочевым или полукочевым хозяйством⁹. При том, что до второй половины XIX в. абсолютно преобладающую часть кочевого населения здесь составляли хозяйственно самостоятельные, средние по зажиточности скотоводческие хозяйства, в их среде достаточно заметным было имущественное и социальное расслоение. Имелись богатые скотовладельцы-баи, эксплуатировавшие труд наемных пастухов и бедных родственников, было и некоторое число хозяйств с малым поголовьем скота, особенно в Восточном Казахстане, вынужденных наниматься в батраки к русским крестьянам; чтобы восполнить хозяйственный бюджет, недостаточный при малом домашнем стаде. Работа по найму у русских переселенцев в качестве батраков при полевых работах и пастухов получила среди части казахов Катон-Карагай особенное распространение, начиная со второй половины XIX в., и процессы эти продолжали развиваться по мере возрастания имущественной дифференциации.

В меньшей мере процессы имущественного расслоения коснулись кочевников Джизатра, однако здесь богатые скотоводы также использовали наемный труд бедняков. Но последних было относительно мало, во всяком случае до начала XX в., а кроме того, в силу известной специфики кочевого скотоводческого хозяйства, незначительной была потребность в наемной силе пастухов даже у самых зажиточных хозяев.

Привилегированную прослойку общества составляли лица, выполнявшие функции, связанные с деятельностью местной царской администрации, и прослойка богатей, оказывавшая вследствие экономического преобладания решающее воздействие на местные дела.

По мере оседания в Катон-Карагае среди казахского населения, вследствие распространения товарно-денежных отношений и связей с российским рынком, необходимости выплаты налогов в денежной форме, стали возникать элементы капиталистических отношений. Это выражалось и в наемном труде батраков, и в возрастающей товарности зажиточных хозяйств, начинавших производить скотоводческую и земледельческую продукцию на рынок.

В значительно меньшей мере эти процессы протекали в Курайской степи, хотя и здесь связь с рынками Восточного Казахстана стимулировала развитие товарного хозяйства. Однако до времени коллективизации здесь так и не сложилось сколько-нибудь развитых капиталистических отношений и устойчиво сохранялись патриархально-кочевые, при преобладающем социальном значении богатей-скотоводов и лиц, представляющих русскую администрацию.

Общественная организация номадов алтайского сектора кочевого скотоводства представляла собой в условиях подвижной жизни, постоянных в старину военных столкновений, племенную организацию, основанную на патриархально-генеалогических связях, имеющую иерархическую структуру. В целом рассматриваемая группа казахов входила в состав казахов Большого жуза: и в Катон-Карагае, и в Джизатре жили казахи, принадлежавшие к одним и тем же племенным подразделениям: Каратай, Карагерей, Сарагомдан и к более мелким - Самай, Увак, Даулет, Сарсахасдак и др.¹⁰ При этом общность казахов этих двух групп основывалась как на социально-племенных связях, так и на тесных взаимных хозяйственных интересах. Издавна, со времени переселения части казахов из Восточного Казахстана в Горный Алтай, между ними сохранялись постоянные брачные связи и взаимные обязательства. Существовало обширное взаимное родство; соблюдались обычаи родственных связей. Родня с обеих сторон посещала родственников в случаях торжества по разным традиционным поводам (свадьбы, рождения и обрезания детей, а также участвовала в похоронах и поминках), оказывала взаимную помощь. Когда девушек просватывали из другой

территориальной группы, то калым в виде стад мелкого рогатого скота гнали через горный перевал.

Значительные культурные и родственные связи между казахами Горного Алтая и Катон-Карагая сохраняются и в наше время.

Сравнение комплекса данных по Катон-Карагаю и Джизат-ру, как по этническому составу, так и по хозяйственным и социальным признакам отчетливо подтверждает наличие издавна сложившегося Алтайского круга кочевого скотоводства, претерпевшего, начиная с XIX в., значительные хозяйственные и культурные изменения, отразившиеся в переходе значительной части казахов Катон-Карагая к полuosедлости и оседлости, что не привело, однако, к его исчезновению, как единого этнокультурного явления.

1. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
2. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
3. Толыбаков С.Б. Кочевое общество казахов в XVII - начале XX в. Алма-Ата, 1971.
4. Полевые материалы Восточноказахстанской этнографической экспедиции 1987 г. // Архив кафедры этнографии МГУ; Архив ИЭ АН СССР.
5. Шотапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.
6. Калиновская К.И., Марков Г.Е. Традиционный образ жизни населения Горного Алтая и социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быте // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1987. № 2.
7. Полевые материалы Горно-Алтайской этнографической экспедиции 1961 г. и 1985 г. // Архив кафедры этнографии МГУ; Архив ИЭ АН СССР.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.8. С.523.
9. Ленин В.И. ПСС. Т.43. С.158.
10. Аристов Н.А. Спыт выяснения этнического состава киргиз-казахов Большой орды и каракиргизов // Живая старина. Сиб., 1894. Вып.3-4; Полевые материалы экспедиций

1961, 1985, 1987 годов // Архив кафедры этнографии МГУ; Архив ИЭ АН СССР.

И.Б.Молдобаев

ФOLЬКЛОР КИРГИЗСКОГО НАРОДА КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

Этногенез и этническая история киргизского народа разработаны пока не на должном уровне, но сегодня уже можно не сомневаться в том, что в составе киргизов имеются центральноазиатские и алтае-саянские этнические компоненты, что отмечалось еще в 1956 г., на состоявшейся в г.Фрунзе научной сессии, посвященной проблеме происхождения киргизского народа. Однако одна из важных рекомендаций сессии - о необходимости для дальнейших исследований этой проблемы "немедленно приступить к систематизации данных, содержащихся в этногенетическом фольклоре киргизов"¹, по существу только начинает реализовываться.

Косвенные сведения о киргизском фольклоре имеются уже в труде арабского автора XII в. ал-Марвази, который, характеризуя киргизов, отмечал у них наличие певцов, умеющих играть и петь². Другой письменный источник, где более четко говорится о киргизском фольклоре - таджикозычное сочинение Сейф ад-дина Ахсикенди "Маджму' ат-Таварих" - "Собрание историй" (XVI в.). Как утверждает один из первых исследователей этого произведения А.Т.Тагирдженов, оно написано "в форме эпических сказаний"³; вместе с другими событиями в нем отражены эпизоды из киргизского эпоса "Манас" в прозаической передаче.

При установлении этногенетической и культурной общности киргизов с народами как Средней Азии, так и Сибири значение киргизского фольклора очень велико.

Мы остановимся в основном на тех фольклорных источниках, которые на наш взгляд говорят о саяно-алтайских истоках этногенеза киргизского народа. Разумеется, имеется большой пласт материалов по устному народному творчеству, где говорится и об этнокультурных связях киргизов со среднеазиатско-казахстанской историко-этнографической областью, но это заслуживает отдельного рассмотрения.

Устное творчество киргизов — многожанровое. Сведения, могущие быть источником при исследовании вопросов этногенеза и этнической истории, можно обнаружить почти в каждом жанре. Возьмем, например, алтае-киргизские параллели в мифологии. В алтайском эпосе и мифологии известно имя Курбус или Курбустан. Это алтайская форма передачи имени верховного божества Ахурамзады в иранской мифологии и монгольско-верховного небожителя Хормусты. Как справедливо заметил С.Суразаков, сведения об этом персонаже получили самое широкое распространение в эпической мифологии тюрко-монгольских народов Сибири и Центральной Азии: бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, алтайцев, а также калмыков, в прошлом перекочевавших на Волгу из Джунгарии⁴. Имя этого персонажа в форме Кырмуша или Кырмус встречается и в киргизском эпосе "Манас", о чем однако в киргизоведческой литературе имеется лишь единственное, весьма краткое замечание (один абзац) известного этнографа С.М.Абрамзона⁵.

В устном творчестве киргизов и алтайцев существуют и одинаковые мифы. Так, киргизский миф "Дочь Уркуера красавица Улпюлдек" ("Уркурдун кызы Улпюлдек сулуу"), соответствует алтайскому мифу "О семи ханах"⁶. Такой же миф существовал и у тувинских киргизов⁷. Киргизский космогонический миф "О созвездии трех архаров" ("Уч аркар жылдыз") находит параллели в записанных еще Г.Н.Потаниным подобных мифах алтайцев, тувинцев, бурят, хотонцев, монголов и более отдаленных якутов⁸. Кроме того, на наш взгляд, центральноазиатское и южносибирское происхождение имеют встречающиеся в "Манасе" и в других жанрах киргизского фольклора мифы об одноглазом великане, о псоголовых людях (по-киргизски "итаалы").

Эпос "Манас" содержит такой мифический персонаж, как "желмогуз", который одно ухо подстилал под себя, а другим укрывался. Точно такой мифический образ обнаружен нами в фольклоре народов Саяно-Алтая. У алтайцев это отражено в еще неопубликованной сказке "Хороший, добрый парень" ("Жакшылак, жакай уул"), а также в опубликованной на русском языке сказке под названием "Страшная сказка"⁹. В обеих сказках это чудовище выступает в образе старухи. Подобный же персонаж, только в образе старика, которого зовут Менок хан, имеется в хакасской сказке "Нок молат и Ак мслат". Этот же отрицательный образ встречается, по сообщениям наших информаторов, и в тувинских сказках.

Отдельные исследователи отождествляли даже алтайский эпос "Алып Манаш" и киргизский "Манас"¹⁰. Некоторые архаические мотивы и сюжеты "Манаса", возможно, и находят аналогии в "Алып Манаше". Однако не по схожести названия эпических произведений следует искать исторически сложившиеся параллели, а по содержанию и совпадению фольклорных мотивов, сюжетов, образов и т.д.; при таком подходе фольклорные связи между алтайцами и киргизами оказываются бесспорными. Это относится и к другим народам. Например, в том же "Манасе", как известно, имеется крупный эпизод "Доминки по Кокотей". Судя по тому, что имя Кокотай встречается как персонаж сказки и в казахском фольклоре, следует подойти внимательнее к поискам истоков взаимовлияния киргизского и казахского фольклора.

Известно, что у киргизов и алтайцев имеются одинаковые племенные этнонимы, одним из которых является теелес (то-лос). При установлении этногенетических параллелей материалы этнонимики выступают порой важным подспорьем. Одним из таких жанров фольклора, где имеется немало киргизско-алтайских аналогий, являются пословицы и поговорки. Обратимся, например, только к одной из них: "Төөлөс терүн бербейт, өлсө көрүн бербейт" ("Теелес гостю почетного места не дают, а умершему место на кладбище не дают"). Эта пословица не просто бытовала как у киргизов, так и у алтайцев, но и ее значение одинаково объясняется у обоих народов.

Источником при разработке вопросов киргизского этногенеза может служить и хакасский фольклор, имеющий значительные связи с устным творчеством киргизов. В этом плане уместно привести следующие высказывания В.В.Радлова об эпической поэзии этих двух народов. "Такое полнейшее господство эпоса нашел только у двух народов тюркского происхождения, живущих в настоящее время совершенно отдельно друг от друга: у Абаканских или Минусинских татар на верховьях Енисея и у кара-киргизов. Первое племя состоит преимущественно из киргизов, оставшихся в XVII столетии на Енисее, т.е. из потомков древних хакасов, которые в IX веке уничтожили великое царство уйгуров. Кара-киргизы, живущие ныне в Тянь-Шане, происходят от той части хакасов, которая в X веке покинула побережья Енисея и восточного Алтая и направилась к юго-западу, поэтому мы имеем основание думать, что склонность к эпической поэзии была уже свойственна хакасам и сохранилась до настоящего времени у всех их потомков (минусинских татар и кара-киргизов) в одинаковой силе, хотя и эти два племени уже более девяти столетий живут совершенно отдельно друг от друга" ¹¹.

К этому добавим параллели, обнаруженные нами и в других различных жанрах фольклора киргизов и хакасов. "Ак коен" ("Белая зайчиха") – сказка киргизов, соответствует хакасскому эпическому сказанию "Похта-Кирис". К ним по содержанию примыкает и тувинский эпос "Бокту-Кириш и Бора Шээлей". Все эти сказания повествуют о приключениях девушки (в киргизском варианте сестры трех братьев) – которая, войдя в роль и воплотившись в убитого брата, хоронит его временно в одном укромном месте. Затем с помощью хитроумных проделок женится на дочерях двух ханов, владения которых встретились ей на пути. В конце сказания она оживляет брата, а сама превращается на время в белую зайчиху ¹². Здесь нам важно не только то, что эти сказания совпадают по содержанию; важны и другие этнографические совпадения. В хакасской версии девушка хоронит своего брата на дереве. А ведь у тяньшанских киргизов даже в XVII в. еще отмечался древний обычай захоронения покойников на деревьях. Так, Сейфи писал, что кир-

гизы "не хоронят мертвых, а помещают их в гроб, который подвешивают к вершинам высоких деревьев, растущих у них, и оставляют их там, пока останки их не превратятся в прах" ¹³.

У киргизов существует легенда "Ак Мактым". Имеется специальная работа, где дается сравнительный анализ киргизской, хакасской и уйгурской версий легенды "Ак Мактым" (у хакасов – "Абахай Пахта", у уйгуров – "Чиг Томор-батор и Мактум сула"). В работе утверждается, что в основу этих произведений легли реальные исторические события 1418-1428 гг. ¹⁴. Есть у киргизов и хакасов еще одно одинаковое произведение. Это легенда или сказка об Ак-Кобеке. У киргизов она называется "Кобек хан". Интересно, что в легенде "Кочим хан", записанной В.А.Еутанаевым, где также повествуется об Ак-Кобеке, говорится о землях киргизов (хырхыстар чир) ¹⁵. Легенда об Ак-Кобеке была записана в свое время В.Радловым и у алтайцев, и на Тоболе ¹⁶. Н.Ф.Катанов нашел ее версию на Абакане ¹⁷, а П.А.Фалев записал у ногайцев сказку об Ак-Кобеке ¹⁸. К этому добавим, что нами обнаружены и тувинские версии этого произведения. В рукописных фондах Тувинского НИИЯЛИ хранятся восемь вариантов сказки об Ак-Хевеке, один из которых под названием "Ак хевек ашак" (старец Ак Хевек) опубликован на тувинском языке ¹⁹.

Кроме того, поразительное сходство имеют киргизские сказки "Акылман сынчы", "Токтогул ырынын баласы", "Циркей, чабалакей жана жылан" и соответствующие хакасские: "Апрай чайзаң", "Арыхпай тайчы", "Ирлик хан".

Как видно из вышесказанного, в фольклоре проявляются и киргизско-тувинские связи. В эпосе тувинцев и киргизов есть схожие фольклорные мотивы. Например, можно указать на мотив исцеления героев эпоса белой травой или корнем травы, которой до этого излечивалась мышь. Кстати, точно такой мотив обнаружен нами в хакасском, алтайском, калмыцком эпосах. Этот факт указывает на единый устный первоисточник формирования некоторых мотивов в фольклоре названных народов. Не безынтересно, что раскопанный в 1971 г. А.Д.Грачом в Туве, в погребении енисейских киргизов IX-X в. загадочный предмет интерпретирован нами благодаря киргизскому эпосу "Манас"

как своеобразный древний хирургический инструмент – стрелоискатель, с помощью которого отыскивали в теле раненого обломки от наконечников стрел ²⁰.

Конечно, киргизский фольклор последние несколько веков формировался под влиянием населения среднеазиатской историко-этнографической области, и не удивительно, что устное творчество киргизов имеет общие черты с народами этого региона, особенно с казахами и казахским фольклором. Однако в фольклоре мы обнаруживаем некоторую информацию, позволяющую обратиться ретроспективный взгляд к истокам духовной культуры киргизов. В этом плане можно привести следующий пример. В тувинской обрядовой практике вплоть до относительно недавнего времени существовал т.н. "сери" (настил) – сооружение для воздушного погребения шамана ²¹. У киргизов же давно обряд погребения мусульманский. Однако любопытно, что в радловской записи киргизского эпоса, когда Манас умер от отравы, его временно помещают на сере (т.е. под навесом, крытым только сверху). О навесе для временного захоронения под названием "ьжык" и о других подробностях похоронной обрядности, заслуживающих специального рассмотрения, говорится и в "классическом" варианте эпоса ²². Думается, что это отголосок шаманских поверий, сохранившийся в строках "Манаса" до XIX в. К такому же шаманскому поверью относятся сохранившиеся у киргизов только в эпосе сведения о камне яда (по-киргизски "жай-таш"). До первой половины XX в. у киргизов наблюдались пережитки веры в богиню Умай, покровительницу детей. Например, в эпосе Манас рождается благодаря помощи матери Умай (Умай эне). Можно указать и на этнографические параллели в киргизском и якутском фольклоре. Характерно в этом отношении сходство в описаниях и названиях в военной одежде. Если в якутском фольклоре шлем называется дуулага, то в киргизском туулга. В олонхо "Эр соготох" говорится о панцире богатырей "куйах", а в киргизском "Манасе" этот панцирь называется "кыяк". Некоторые приведенные выше свидетельства киргизско-якутских фольклорных связей подкрепляются и лингвистическими фактами. Например, слово "сери" по-якутски трактуется: 1) война, 2) вой-

ско, а по-киргизски "черүү" означает: 1) войско, 2) поход. Применялся и термин "черик" в значении солдат. К.К.Юдахин выводит это слово из индийских языков. Если учесть, что в Усть-Алданском районе Якутской АССР имеется топоним "чэриктэй", то, наверное, не вызывает сомнения, что эти слова имеют общие корни. Привязь для жеребят, натянутая между двумя кольшками, по-киргизски называется желе, а по-якутски "сэ-лэ". Встречающееся в языке эпоса "Манас" слово "түйме" в значении пуговица имеется и в лексике якутов ("тимэх"). К языковым данным добавим, что исследователи находили поразительно похожие орнаменты у якутов и мургабских киргизов, живущих на Памире ²³.

Кроме якутов, из народов Сибири киргизы в более отдаленное время, по-видимому, имели контакты и с народами тунгусо-маньчжурской и монгольской языковых групп. Обратимся к такому примеру. В эпосе "Манас" красочно и довольно подробно описываются штаны для борьбы куреш под названием кандагай". В словаре К.К.Юдахина данный термин переводится как штаны, сшитые из кожи горного козла. Однако на уровне только тюркских языков значение его не решается. Это слово с разночтениями кандагаа, кандаха, кандахан, кандагай // кандагон, хандагай в тунгусо-маньчжурских и монгольских языках, в основных своих значениях переводится как лось ²⁴. В качестве названия одежды термин кандагай кроме киргизского в других тюркских языках не встречается. Можно лишь отметить, что в якутском языке есть выражение "Элин хандаган" // "Алып хандаган" в значении покровитель лесных духов и в тувинском языке – как топоним Кандагайты. Здесь на наш взгляд заметны следы трансформации слова кандагай в тунгусо-маньчжурской, монгольской и частично (на примере киргизского, якутского, тувинского языков) в тюркской языковой среде, что безусловно указывает на более отдаленные взаимные культурные контакты этих групп этносов.

Итак, сделаем некоторые выводы. Предварительный анализ устного наследия киргизов в сравнении с фольклором народов Сибири показывает, что в этой области у них имеются значительные историко-культурные связи. Наличие у всех на-

родов Саяно-Алтая, а также у якутов преданий о кыргызах, а у некоторых из них и этнонима и генионима кыргыз также говорит в пользу того, что культура киргизов имеет южносибирские истоки. Материалы фольклора, на наш взгляд, подтверждают известное предположение о том, что якуты некогда являлись жителями более южных, чем ныне, регионов Сибири. Это положение подтверждается и тем, что обнаруживаются некоторые лингвистические и этнографические параллели между киргизами и народами тунгусо-маньчжурской и монгольской языковых групп. Весь круг этих связей отчасти отражен и в эпосе "Манас".

В дальнейшем следует более детально и тщательно изучить фольклор в этногенетическом аспекте, причем работа должна носить комплексный характер - с привлечением данных этнографии и др. наук. Думается, что при таком подходе можно будет успешнее решать не только собственно фольклористические вопросы, но и многие проблемы историко-этнографического плана; в частности более уверенно сможет решаться проблема этногенеза не только киргизов, но и народов Сибири. Уже сейчас фольклорный материал подтверждает причастность всех упомянутых народов к древнекыргызскому эпосу.

В этом сообщении я пока не оперировал собственными этнографическими материалами, которые были собраны в результате поездок в Сибирь. Скажу лишь, что они полностью подтверждают вышесказанное. Если опираться на фольклорный и этнографический материал, то следует признать, что енисейские кыргызы являются предками не только хакасов, как утверждают отдельные авторы, но и ряда других народов Сибири, а также и современных киргизов.

1. Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции (далее ТКАЭЭ). Т.3. Фрунзе, 1959. С.234.

2. Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India. Arabic text (circa A.D. 1120) with an English Translation and commentary by V.Minorsky. London, 1942. P.30.

3. "Собрание историй" (Маджму' ат-Таварих) Подготовил к изданию А.Т.Тагирджанов. Л., 1960. С.4.

4. Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М., 1985. С.48.

5. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С.363.

6. Каташ С.С. Мифы, легенды горного Алтая. Горно-Алтайск, 1978. С.10-11.

7. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.4. СПб., 1883. С.203-204.

8. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Вып.2. СПб., 1881.

9. Танзаган, отец алтайцев. Алтайские сказки. Запись и пересказ по-русски. А.Граф и П.Куцияк. М., 1978. С.164-168.

10. Берков П.Н. Алтайский эпос и "Манас" // Киргизский героический эпос "Манас". М., 1961. С.235-256.

11. Радлов В. Предисловие // Манас - героический эпос киргизского народа. Фрунзе, 1968. С.18.

12. Ак коен (на кирг.яз.) // Отдел рукописей и публикаций АН КиргССР (СРП) инв.№ 1679. С.65-70; Золотая чаша. Хакасские народные сказки и предания. Красноярск, 1975. С.16-33.

13. Цит. по кн. Абрамзон С.М. Киргизы ... С.236. Прим. 228.

14. Абдыракунов Т. Ак Мактым (на кирг.яз.). Фрунзе, 1983. С.111.

15. Хакасские народные легенды (на хак.яз.). Сост., запись и лит. обработка В.Я.Бутанаева, И.И.Бутанаевой. Абакан, 1982. С.35-40.

16. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Даунгарской степи. Собранны В.В.Радловым. Ч.1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. С.204. Он же. Образцы ... Ч.4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. СПб., 1872. С.45, 142.

17. Образцы народной литературы тюркских племен, изд.

В.Радловым. Ч. IX. Наречие урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов, собр. и перевед. Н.Ф.Катановым. СПб., 1907. С.362.

18. Фалев П.А. Ногайская сказка об Ак Кобоке // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1918. Т.У. Вып. I. С.189-196.

19. Демир-Шилги аьттыг Тевене-Мого. Тыва тоолдар (на тувин. яз.). Кызыл, 1972. С.223-235.

20. Грач А.Д., Молдобаев И.Е. Об одном древнем инструменте народной медицины // Сов.этнография, 1983. № 3. С.97-99.

21. Кенин-Лопсан М.Е. Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. Конец XIX - начало XX в. Новосибирск, 1987. С.86-89.

22. Манас: эпос (на кирг.яз.). По варианту С.Орозбакова. Фрунзе, 1979, кн. I. С. II.

23. Складников А.П., Шibaева Ю.А. К истории якутской орнаментики (совпадение в орнаментике якутов и мургабских киргизов) // Труды Института языка, литературы и истории якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Вып. I (6). Якутск, 1959. С.5-II.

24. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Л., 1975. Т. I. С.372.

М. Аннанепесов,
А. Джикиев

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ТУРКМЕНИСТАНЕ В XVII-XVIII вв. (ПО ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ И АРХИВНЫМ ДАННЫМ)

Этнические процессы в Туркменистане в XVII-XVIII вв. являются логическим продолжением этногенетических процессов, происходивших в течение тысячелетий не только в Средней Азии,

но и в Центральной Азии и в Южной Сибири - прародине древних тюрков. Говоря об этногенезе туркмен, необходимо отметить заслуги выдающихся ученых В.В.Бартольда, А.Ю.Якубовского, В.А.Гордлевского, А.Н.Самойловича, С.П.Толстова, Л.В.Ошанина и многих других¹, которые на основе изучения ценных первоисточников наметили основные контуры решения этой проблемы. И отрадно сегодня отметить, что большинство их предварительных выводов и гипотез подтвердились последующими достижениями исторической, этнографической, археологической, антропологической и других смежных наук.

По нашему мнению, в процессе дальнейшей разработки проблемы необходимо путем комплексного изучения источников выявлять и усиливать поиски живых нитей связи между древними, античными, средневековыми предками туркмен и современными туркменами, устанавливать историческую преемственность основных этапов этногенеза и культурогенеза. При изучении этнических процессов в средневековье надо больше привлекать достоверные письменные источники, авторы которых были современниками средневековых туркмен - огузов, знали их язык и историю, были очевидцами происходивших тогда событий; использовать их надо, естественно, критически, но и относиться к ним с должным доверием.

Исследованиями археологов и этнографов (особенно проведенными в Северо-Западном Туркменистане) изучены, зафиксированы и нанесены на карту памятники материальной культуры туркмен эпохи позднего средневековья. Изображения родоплеменных знаков, предметов быта, надписи на многочисленных надмогильных камнях-памятниках, в мечетях и мавзолеях в сочетании с данными письменных источников (родословные тюрков и туркмен в трудах Абульгази; сообщения А.Дженкинсона; сочинения арабо-ираноязычных авторов Мехди хана Астрабади, Мухаммеда Казема и др.), а также исследования историков позволяют с достаточной достоверностью установить ареалы расселения туркменских племен в XVII-XVIII вв.²

Основные туркменские племена жили не только в пределах современного Туркменистана. В этот период крупные и мелкие племенные и локальные группы туркмен были расселены на об-

ширной территории - от Герата и Астрабада на юге до Мангышлака и Устюрта на севере, между Мавераннахром на востоке и Каспийским морем на западе. Крупнейшие полукочевые туркменские племена были объединены в племенные союзы: в XII-XIII вв. - в Язырский, в XIV-XVI вв. - в Салырский, Човдурский, Уч ил (союз 3-х племен), Саин-хановский и Эсен-хановский и, наконец, в XVII в. - в Теке-Йомудский³. Самым могущественным объединением был Салырский племенной союз, включавший основную часть населения Туркменистана; по огузской традиции оно делился на внешних и внутренних салыров. Этот союз, помимо крупных племен - салыров, эрсаринцев, текинцев, йомудов и сарыков включал в свой состав многочисленные мелкие племена - сакаров (кара ойли), каркынов, бурказов, эски, баят и др.

Вне вышеназванных союзов оказались мелкие племенные и локальные группы туркмен - нохурли, мехинли, мурчели, анаули, какая-то часть алилинцев, языров-карадашли, овлядские племена и др., жившие в оазисах и признававшие свое подданство соседним феодальным государствам. Внутри этих объединений происходили интенсивные этнические процессы, ослаблявшие традиционные нормы племенной эндогамии. Представители почти всех туркменских племен, по обычному праву, считались равными по кости, то-есть по происхождению. Однако историко-этнографические материалы свидетельствуют о том, что даже внутри союзов не все племена и роды пользовались одинаковыми правами и обязанностями, хотя это обстоятельство не имело решающего значения для установления семейно-родственных отношений между ними, межэтнических контактов.

В результате происходивших межплеменных ассимиляционных процессов, а также политической борьбы, многие ранее могущественные племена, прежде всего огузского происхождения, потеряли прежнюю силу и привилегии, становились второстепенными, третьестепенными, некоторые из них, основная часть которых ушла на запад, преобразовались в родовые единицы в составе вышедших на арену новых крупных племен и племенных объединений. Таковыми, например, были судьбы са-

лыров, хотя они и в XVI в. по-прежнему, по традиции возглавляли крупнейший племенной союз, каркынов и бурказов, которые впоследствии оказались в составе йомудов, текинцев и салыров. Об этнических и этнокультурных связях салырского и човдурского племенных союзов, существовавших одновременно, говорится в трудах Абульгази, в общетуркменских и племенных родословных, в архивных документах⁴.

Постепенное высыхание русла реки Узбой и Сарыкамьшского озера в XVI в., вокруг которых туркмены занимались скотоводством, земледелием и рыболовством, привело к резкому сокращению жизненно необходимых ресурсов в Северо-Западном Туркменистане. Изменение природно-климатических условий сопровождалось усилением натиска калмыков в первой половине XVII в. Абулгази прямо отмечает, что в 1631 г. "эрсаринцев с мест подняли калмыки" и они оказались в предгорьях Хорасанских гор. Возвращаясь из ссылки в Исфган, Абулгази провел у эрсаринцев зиму 1633 г. Он отмечает, что аулы мехинли и эрсаринцев можно было отличать по конфигурации юрт, хотя они жили в непосредственном соседстве⁵.

Массовые миграции крупнейших туркменских племен, входивших в XVI в. в Салырский, Човдурский союзы и союз 3-х племен (алили, хыдыр-или, кара-ойли) во все оазисы Туркменистана вызвали очень интенсивные этнические процессы. В результате в первой половине XVIII в. значительная часть населения Южного Туркменистана подпала под влияние текинцев, Западного и части Северного - йомудов, Восточного Туркменистана - эрсаринцев. Местные локальные племенные группы в течение последних столетий постепенно подпали под их влияние и вошли в их состав; некоторые из них сохранили свои особенности. Из приамударьинских районов были вытеснены халачи и, видимо, еще и часть саятов, которые ушли в Афганистан, Иран и др. страны. Среди текинцев начала XX в. повсюду можно было найти отдельные группы карадашлинцев, смрелинцев и других, которые значились как родовые единицы, хотя хорошо помнили свое происхождение, сохраняли племенное самоназвание. При всей интенсивности переселе-

ния населения с севера на юг, с запада на восток и связанных с этим ассимиляционных процессах, легко можно было различить этническую принадлежность представителей тех или иных подразделений и подгрупп (племя, род) по их внешнему облику, форме одежды, форме юрт, диалектным особенностям речи и т.д. Тем не менее, все они отвечали на вопрос: Кто вы? — Туркмены, и только после этого называли свое племя и род.

Непрерывным условием происхождения и этнического развития любого народа, в том числе и туркменского, являются процессы постоянных контактов и смешения как внутри самой этнической общности, так и с соседними народами. Неслучайно даже Кият-бек, уму и способностям которого удивлялся Н.Н. Муравьев, причислял к туркменам многие тюркоязычные племена — афшаров, аймаков, хезирейцев и др. и не имел четкого представления об этническом составе и местах обитания своего народа. Мирные и немирные контакты туркмен со своими соседями в течение многих веков привели к тому, что в туркменской среде (в XV—XIX вв.) оказались многочисленные роды и этнические группы и даже целые племена инородного происхождения. Наиболее известными из них были араб, джагатай, кипчак, курд, каджар, афган, темур, аймак, хазаре, татар, гарайы, казах, ширван и т.д. Согласно этнографическим материалам и данным письменных источников, в XV в. целая группа тюркоязычных гарайы оказалась среди текинцев; при этом благодаря эндогамности браков гарайы (как и арабы) сохранили свойственный им антропологический облик.

Основными причинами массовых миграций населения были природные и социальные факторы, в частности упоминавшееся пересыхание Узоя, частые засухи, джугты, умышленное перекрытие оросительной воды хивинскими ханами в качестве кары за мятежи, периодичный голод и т.д. В начале XIX в. в Хиве, например, "померло много людей с голода и много удалилось в Бухарию ... в особенности же разбрелось много каракалпалков и туркменов"⁶.

Этнические процессы XVI—XVIII вв. в Туркменистане происходили в условиях постоянных контактов со всеми соседними

народами. Вплоть до XVI в. туркмено-огузские племена неоднократно мигрировали на запад (и обратно в Туркменистан), оставляя в разных регионах небольшие группы, сохранившие самоназвание туркмен. Письменные источники средневековья сообщают о многочисленных группах туркмен в Иране, Ираке, Сирии, Малой Азии и Закавказье⁷, куда они могли попасть в разное время. Все эти группы принимали активное участие в этнических процессах, происходивших в этих регионах, часть их была ассимилирована и полностью вошла в состав разных народов, а другая часть сохраняет свои названия до сих пор.

Родовые и этнические группы с названием "туркмен" имеются в составе почти всех тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана. По сообщению К.Шаниязова, в Самарканде живет таджикоязычная группа "туркмен махала", которая, по-видимому, является потомками ранней группы переселенцев-туркмен, попавших в район Самарканда еще во время передвижения сельджукидов в XI в., а возможно позднее, при Тимуре и тимуридах.

В плане изучения этнических процессов в XVI—XVIII вв. нам кажется интересным замечание Абульгази (в "Родословной туркмен") о том, что туркмены, переселившись из низовьев Амударьи и Сырдарьи в Хорезм, изменили свой физический облик; он отмечал их большой нос, большие глаза, высокий рост и другие признаки. Это он объяснял воздействием на них местного климата, земли и воды (ерге сувга тартди)⁸. Эти факторы и в самом деле оказывают влияние на изменение физического типа и образа жизни населения, но лишь в течение многих столетий. В данном же случае, на заметное изменение облика туркмен оказало влияние их близкое соседство с ираноязычными и ранними тюркоязычными народами и племенами Хорезма и северного Хорасана. Об интенсивных этнических и ассимиляционных процессах свидетельствует весь комплекс исторических, этнографических и фольклорных источников. Это подтверждается исследованиями последних лет антропологов (Бабаков, Поляков, Дубова и др.), которые гогорят об усилении в XVI—XVIII вв. тенденции возвращения антропологического типа туркмен к древнему исходному долихоцефальному (длинноголовому) типу. Более значительной деформации подвергались антропологический облик, язык, ма-

териальная и духовная культура ставропольских туркмен, которые, начиная с середины XVII в., стали переселяться через Астрахань в южно-русские степи и оказались в инородном окружении.

В целом этнические и ассимиляционные процессы в Туркменистане в XVI-XVII вв. способствовали эволюции и трансформации антропологического типа, материальной и духовной культуры, этнического состава, родоплеменного деления туркмен и явились заключительным этапом формирования туркменского народа с его этнической структурой, характерной для начала XX в.

Межэтнические отношения этого периода являются пред- историей межнациональных отношений в нашей стране. С конца XIX в. Туркменистан стал многонациональным краем. В городах и сельских местностях появились значительные группы народов европейского и иранского происхождения - русские, кавказцы, немцы, белуджи, персы, афганцы, курды и др. В настоящее время представители всех этих народов живут в республике одной дружной семьей, делят все радости и печали в жизни и быту, оказывают друг на друга культурное взаимовлияние.

1. Бартольд В.В. Очерк истории туркменского народа. Соч. Т.2. Ч.2. М., 1963; Якубовский А.Ю. Вопросы этногенеза туркмен в УШ-ХI вв. // СЭ. 1947. № 3; Гордлевский В.А. Государство сельджукидов в Малой Азии. М.-Л., 1940; Самойлович А.Н. Из туркменской старины. Живая старина, 1909, IV; Толстов С.П. По следам древне-хорезмийской цивилизации. М., 1948; Шанин Л.В. Антропологический состав туркменских племен и этногенез туркменского народа // Труды ЮТАКЭ. Т. IX. Ашхабад, 1959.

2. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. М.-Л., 1958; Английские путешественники в Московском государстве. М., 1936; Поляков С.П. Этническая история Северо-Западной Туркмении. М., 1969; Джикиев А. Материалы по этнографии мангышлакских

туркмен // Труды ИИАЭ АН Турк.ССР. Т.7. Ашхабад, 1963, и др.; Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.-Л., 1938.

3. Родословное древо тюрков. Соч. Абул-Гази, хивинского хана. Пер. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань, 1906; Материалы по истории туркмен и Туркмении ...; Русско-туркменские отношения в XVIII-XIX вв. Сб. архивных документов, Ашхабад, 1963; Джикиев А. Этнографический очерк населения Юго-Восточного Туркменистана. Ашхабад, 1972; Чулошников. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI-XVIII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Л., 1932.

4. Кононов А.Н. Родословная туркмен ...; Родословное древо тюрков ...; Рукопись седжре. Ина. № 1040, рукописный фонд ИИЯЛ АН Туркм.ССР.

5. Родословное древо тюрков... С.283.

6. АВИР, ф.Гл.архив I-9. Оп.8, 1832-48. Д.5. Л.13.

7. Эвлия Челеби. Путешествия. Ч. II. М., 1969 и др.

8. Кононов А.Н. Родословная туркмен ...

Г.П.Васильева

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТУРКМЕНИИ)

Анализ туркменских женских и девичьих украшений дает богатейший материал для характеристики этногенетических и этнокультурных связей туркмен и их предков в древности и в средние века.

Присоединение Туркмении к России ускорило социально-экономическое развитие туркмен. Прекращение набегов и междоусобных войн, рост торговли привели к установлению более тесных связей между отдельными племенными группами туркменского

народа, содействовали процессу его консолидации.

Существенные изменения происходили в хозяйстве туркмен и в области их материальной культуры; они коснулись, в частности, костюма и традиционных ювелирных украшений туркменок. Это выражалось в распространении одних видов и форм ювелирных изделий и в уменьшении ареала бытования или полном исчезновении других. Можно указать, к примеру, на распространение женского налобного украшения "синсиле" в одних районах и его частичное вытеснение иными видами украшений в других (например, замена его новым типом налобного украшения у молодых сарыкских женщин Иолотанского оазиса).

Бидимо, гораздо шире в прошлом было распространено наспинное украшение "енселик", носившееся в сочетании с нагрудным украшением "буков". Оно перестало функционировать в своем первоначальном назначении уже к началу нашего века, а у некоторых групп приобрело иное назначение и место ношения (например, туркмены-эрсари стали его использовать в качестве нагрудного и в связи с этим изменилось и его название).

Развитие торговли и культурных связей способствовало расширению в начале XX в. ареалов бытования некоторых видов ювелирных изделий, ранее имевшихся лишь у определенных племен, например, таких как большая круглая серебряная брошь "гульяка" (в 30-е годы нашего века она стала общенациональным украшением туркменок). Значительно шире, чем в XIX в., стали известны многие украшения марыйских мастеров, за которыми специально приезжали туркмены из Хорезмского оазиса и из туркменских аулов, расположенных по средней Аму-Дарье.

Эти изменения в способах ношения и в ареалах распространения ювелирных изделий, конечно, в известной мере затрудняли установление наборов украшений, первоначально характерных для туркмен той или иной племенной принадлежности; однако с помощью дореволюционной литературы и информаторов, с которыми мы имели возможность беседовать в 50-е - 60-е годы, нам удалось восстановить истинную картину, по крайней мере на конец XIX в.

Совершенно несомненно, что черты общности женских укра-

шений большинства туркменских племенных групп (теке, иомутов, сарыков, емрали и др.), как и манера их ношения, свидетельствуют об единой этнической традиции, а наличие особых украшений у других племенных групп может свидетельствовать об иной этнической линии.

Сравнительно немногочисленные находки археологов на территории Южной Туркмении и смежных с нею территориях в средневековых могилыниках и городищах убеждают в том, что предки туркмен в средневековье, особенно раннем, имели украшения "сбщесреднеазиатского типа"¹. Чаще всего среди находок, датируемых V-VII и IX-XIV вв., встречались бронзовые, медные, железные серьги, медные бляшки и бубенчики, стеклянные бусы, серебряные браслеты, кольца. Такие изделия широко применяются для украшения одежды почти у всех групп туркмен до наших дней: монеты и серебряные бляшки нашивались на платья и халаты, на женские и девичьи головные уборы; бубенчики укреплялись на девичьих и женских подвесках к косам и на платьях, а особенно на детской одежде; стеклянные или каменные бусы нанизывались вперемежку с монетами; их носили девушки и дети.

Обычай туркмен украшать головные уборы, платья и халаты рядами серебряных бляшек или монет свидетельствует об общей этнической традиции и древней преемственности культур. Традиция эта находит аналогии в археологическом материале смежных с Южной Туркменией территорией и дает любопытные доказательства этнической преемственности туркмен от древних ираноязычных обитателей западной части Средней Азии. Она ведет к гунно-сарматскому времени со II в. н.э., а для Мервского оазиса, по данным Л.И. Ремпеля, к еще более раннему периоду - около начала нашей эры, т.е. к парфяно-кангуйскому времени². Как указывалось, эта традиция находит подтверждение и в более позднем, средневековом материале. В этой преемственности совершенно очевидно сказывается этническая непрерывность культурного развития народов, обитавших на территории Туркменистана.

Аналогии этой манере украшения одежды встречаются на очень широкой территории обитания в древности ираноязычных

племен, доказывая иногда наличие древних ираноязычных пластов в этногенезе многих тюркоязычных народов. Прослеживаются они, в частности, и у казахов³.

К этому же этническому пласту возможно следует отнести и распространение в прошлом у некоторых групп туркмен (саркары, емрели и др.) сплошь украшенного бляшками и монетами нагрудника "япгы", носимого девушками и молодыми женщинами поверх платья, аналогии которому мы находим у казахов, башкир и некоторых других народов Поволжья⁴.

Историко-этнографическое изучение ювелирных изделий туркмен на всей территории республики выявило определенные различия в характере и формах женских украшений и позволило разделить их на две группы, вероятно отражающие этническое своеобразие их носителей. К первой относятся украшения, характерные для наиболее крупных туркменских племен — текинцев, сарыков, отчасти эрсари и др. Эта группа племен условно названа нами алано-кыпчакской. Украшения их, несмотря на имеющиеся различия в формах, технике и некоторых видах, сходны между собой и определяют оригинальный облик туркменских украшений в целом. Изделия эти в подавляющем большинстве серебряные, очень массивные, с узором, образованным позолотой по серебряному фону. Лишь у западных иомутов узор создавался с помощью мелких золотых пластинок различных геометрических форм, припаянных к серебряной основе. Значительная часть туркменских украшений алано-кыпчакского типа имеет множество мелких изящных серебряных подвесок.

Скифо-сармато-аланские черты проявляются в определенном сходстве украшений названной выше группы племен туркмен, формирование которых происходило в прикаспийских степях и на Мангышлаке и закончилось в послемонгольский период к XIV—XV вв. — с украшениями народов Поволжско-Северокавказского региона, в частности, их сармато-аланских предков. Об этнических связях скифо-сармато-аланских племен Северного Кавказа, Поволжья и Средней Азии неоднократно писали такие видные ученые, как С.П.Толстов, А.Ю.Якубовский, В.И.Абаев, А.А.Росляков и др. В частности, еще в 1930-е годы С.П.Толстов высказал мысль о том, что общность

в материальной культуре группы поволжских народов и туркмен вызвана общностью этнических (скифо-сарматских) элементов, принимавших участие в этногенезе этих народов⁵. К числу древних скифо-сарматских элементов он отнес общность в одежде и головных уборах туркмен и поволжских народов. Ту же традицию вероятно следует видеть и в сходной манере украшать шапочки монетами у казахов Кокчетавской области⁶.

Собранный нами за многие годы полевых исследований материал по украшениям туркмен алано-кыпчакской группы убедительно подтверждает этногенетические связи этих племен с их сармато-аланскими предками, что неоднократно уже высказывалось автором в прежних работах⁷ и подкрепляется новейшими изысканиями.

Можно с достаточной уверенностью говорить об участии (конечно, в разной степени) родственных между собой групп алан в этногенезе туркмен, осетин и ряда других среднеазиатских и северокавказских народов. Массовое передвижение алан с территории Средней Азии на Северный Кавказ и частичные обратные волны зафиксированы историческими и археологическими материалами.

Уже во II—III вв. н.э. район Мангышлака и прилегающие к нему местности служили областью кочевания аланских племен. Несколько восточнее Мангышлака, вероятно, проходил в этот период основной путь из Хорезма в Восточную Европу и существовали относительно интенсивные связи кочевых племен аланов, обитавших в Северо-Восточном Прикаспии, с их соседями в Поволжье и на Северном Кавказе⁸. Пребывание аланских племен на Устьурте, как известно, зафиксировано и в XI в.⁹

Мы полагаем, что сходство форм различных женских украшений туркмен и народов восточных областей Северного Кавказа (Северной Осетии, Ингушетии, Чечни и Дагестана) связано с аланским пластом в этногенезе этих народов¹⁰. В частности, обнаруживается удивительное сходство иомутских украшений "бозбент" и "гульяка" с украшениями северо-кавказских алан VI—VII вв. н.э. на территории Северной Осетии¹¹.

Очень часто прослеживается это сходство и в более поздний период на материале иомутских серег и подвесок, имеющих

аналогии только в украшениях, находимых в средневековых могильниках Горной Ингушетии, датируемых XV-XVI вв. В этом сходстве можно видеть еще одно доказательство туркменско-аланской этнокультурной общности.

Единство украшений основных групп туркмен подкрепляется также другой - древнетюркской общностью, идущей от ранних тюрков, отмеченных на территории Туркменистана уже с VI в. н.э. Интересна в этом отношении параллель между широко распространенными в древности в тюркской кочевнической среде от Центральной до Передней Азии кожаными поясами, богато украшенными нашивными бронзовыми и серебряными бляхами и пряжками¹² и туркменскими мужскими и женскими поясами, составлявшими важную часть праздничной одежды¹³.

С народами кыпчакского происхождения связывает туркмен первой группы термин хасава¹⁴, которым назывались различающиеся по своим украшениям женские головные уборы ряда туркменских племен - иомутов, емрели, оламов, салоров и других. По данным русских авторов XVIII в. у казахов и каракалпаков так назывались женские головные уборы, по типу близкие к другому головному убору этих народов - саукеле.

Кыпчакским по происхождению является и название одного из наиболее распространенных в прошлом нашейного украшения - "буков"¹⁵, носимого девушками и молодыми женщинами из племен первой группы.

Перейдем к характеристике второй группы украшений.

Игдыры, човдуры, салоры, гокленн, так же как некоторые небольшие туркменские племена на Амударье - баяты, яйчи, более других туркмен сохранившие древние огузские этнонимы и, вероятно, древнее огузское ядро, ведут свое происхождение от мифического Огуз-хана; они тесно связаны с территорией Туркменистана эпохи средневековья и объединяются нами во вторую, огузо-кыпчакскую группу. Среди их украшений, наряду с общетуркменскими формами, преобладают менее массивные, часто ажурные, стоящие ближе к узбекским. В Южном Туркменистане некоторые из указанных племен (баяты, салоры) еще в домонгольский период значительно ассимилировали местное до-туркменское население. Видимо, именно они и близкие к ним

по происхождению племена могла носить украшения, находимые археологами на этой территории и характеризующиеся (об этом уже говорилось выше) как "общесреднеазиатские". Некоторые из этих изделий широко применяются для украшения одежды и головных уборов почти у всех групп туркмен до наших дней. Зато серьги, близкие по форме к тем, средневековым, которые находили археологи на территории Туркмени, относящиеся по типу к крючковым (стерженек с изогнутой в виде крючка верхней частью, иногда с подвесками), носили далеко не все туркмены, а лишь те, которые принадлежат к выделенной нами второй огузо-кыпчакской группе. Такие серьги были широко распространены в XI-XII вв. по всей территории расселения кыпчаков и некоторыми археологами считаются чисто кыпчакскими. Помимо указанных выше групп туркмен, ныне живущих в основном на северо-восточной и восточной периферии туркменской территории, серьги и подвески этого типа были распространены в XIX, начале XX в. также у полукочевых узбеков, киргизов, казахов, т.е. у народов так наз. "кыпчакского круга". Свидетельством этнической и культурной близости этих народов с туркменами второй группы может служить схожий для ряда этих народов свадебный головной убор молодых женщин - "саукеле", известный по этнографическим данным у каракалпаков, казахов, кавказских ногайцев и др. Видимо, близкий к нему или такой же головной убор "шовкеле" бытовал в прошлом у молодых женщин туркмен-човдуров¹⁶. Бытование у значительной части туркмен, как и у многих групп полукочевых узбеков, налобного украшения типа "син-силе" - свидетельство того же порядка. Для этой же группы туркмен характерны бисерные нашивные и нагрудные украшения, которые не носили туркменские женщины первой группы, но хорошо знакомые узбечкам и каракалпачкам (здесь мы не имеем в виду более поздние заимствования, такие, как например, бисерные ошейники у сарычек или марыйских текинок).

К кыпчакскому этническому пласту ведет также манера украшать девицы шапочки перьями совы и филина, птиц, кроме туркмен, почитавшихся и у других народов - казахов,

киргизов, полукочевых узбеков. Именно для туркмен човдуоров, игдыров, салоров, приамударьинских групп (включая и эрсари) были характерны носовые серьги, широко распространенные также у узбеков, таджиков, арабов и цыган Междуречья, а также каракалпаков. Эта общность, однако, по своему происхождению, видимо, более широкого, индийско-переднеазиатского плана.

Возможность выделения в составе туркмен двух групп по признаку характера и вида носимых ими украшений не случайна, а свидетельствует, с нашей точки зрения, о степени этнической близости туркменских племен друг к другу. В этом смысле показательно сходство орнамента и облика некоторых украшений (особенно старинных украшений (нашитых) на женский головной убор) двух крупных туркменских племен - иомутов и сарыков, в течение более чем двух веков, живущих далеко друг от друга и все же сохранивших почти до наших дней эту черту однородности в своей культуре. Сравнение женских украшений туркмен в целом и соседних с ними народов - каракалпаков¹⁷, казахов, особенно западных¹⁸, узбеков и в известной мере таджиков выявляет ряд общих черт и свидетельствует о преемственности культуры и длительных этнических и культурных связях этих народов.

Таким образом, используя материал туркменских ювелирных изделий как источник, можно условно разделить всех туркмен на две группы в зависимости от степени участия в их этногенезе тех или иных народов древности и средневековья. Это, во-первых, аланокыпчакская группа, в состав которой входят наиболее крупные и основные туркменские племена: текинцы, иомуты, сарыки, отчасти эрсари и ряд других более мелких племен. Во-вторых, - огузо-кыпчакская¹⁹, объединяющая племена салоров, игдыров, човдуоров, гокленов, небольшие группы туркмен Средней Амударьи и Мангышлака.

1. Ершов С.А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарными захоронениями в районе г.Байрам-Али // Труды ИИАЭ АН СССР. Т.У. С.202. Табл.24; Агад-

жанов С.П. Огузские племена Средней Азии IX-XIII вв. (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы Востока. В.Х. М., 1971. С.189; Атагарриев Е. О некоторых женских украшениях из Шехр-Ислама // Известия АН ТССР. Общественные науки. 1965. № 1. С.13; Он же. Обследование средневековых памятников и раскопки на городище Чугундор // Каракумские древности. Ашхабад, 1968. Вып.1. С.47; Атагарриев Е., Ходжагельдыев А. Средневековые ювелирные изделия // Вестник "Памятники Туркменистана" I (15), Ашхабад, 1973. С.17 и др.

2. Рейпель Л.И. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы // Труды ИТАКЭ. Т.1. Ашхабад, 1949. С.341-342.

3. Казахская национальная одежда. XIX - начало XX вв. Алма-Ата, 1964. С.83, 152 и др.

4. Там же. С.139; Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Декоративное творчество башкирского народа. Уфа, 1979. С.84-85; Еелицер В.Н. Народная одежда удмуртов // ТИЭ. 1951. Т.Х. С.47.

5. Толстов С.П. Из предьстории Руси // Сб. Советская этнография. 1947. У1-У11. С.57.

6. Казахская национальная одежда. С.107.

7. Этнографические данные о происхождении туркменского народа // СЭ. 1964, № 6; Народное декоративно-прикладное искусство как источник для этногенеза (на примере туркмен). М., 1973; Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977; Головные и накосные украшения туркменок XIX-первой половины XX в. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С.200-201.

8. Скалон К.М. С культурных связей Восточного Прикаспия в позднесарматское время // Археологический сборник. Л., 1961. В.2. С.126.

9. Волин С.Л. К истории древнего Хорезма // Вестник древней истории. 1941. № 1.

10. Васильева Г.П. Головные и накосные украшения ... С.201.

11. Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа // Материалы по археологии Кавказа. Т.УШ. М., 1900. Табл.Х1-5,

СХХУ-15; см. также Vasilieva G.P. Folk Decorative-and-Applied Arts as a source for the Studies on Ethnogenesis (a case study of Turcmenians). Chicago, 1973. Table 1.

12. Байнштейн С.И., Крюков М.В. Об облике древних турков // Тюркологический сборник к 60-летию А.Н.Коновалова. М., 1966. С.166-167.

13. Такие же пояса, только мужские, украшенные серебряными бляхами, встречались и у казахов. См. Казахская национальная одежда. С.58.

14. Речь идет именно о термине, а не о самом головном уборе, который и по форме и по характеру несомненно ведет свое происхождение от головных уборов местного древнего населения.

15. "Еуков" - кыпчакская форма слова "богмаг" - (шейное украшение, веревочные пути и др.), встречававшегося в языке туркмен - огузов времен Махмуда Кашгарского. Мухамедова З.Б. Заметки по лексике туркменского языка (по письменным источникам) // Труды Ин-та языкознания АН Туркменской ССР. В. IV. 1962. С.165-166. См. также Мухамедова З.Б. Исследования по истории туркменского языка XI-XIV вв. Ашхабад, 1973. С.80.

16. Ниязклычев К. Туркмены-човдуры (К вопросу о консолидации туркменской нации). Рукопись. М., 1968 // Архив ИЭ АН СССР. С.164.

17. См. например, Государственный музей искусств Каракалпакской АССР. Альбом. М., 1976. Таблицы 68-70; 78-81 и др.

18. Востров В.В. Новые материалы по этнографии казахов-адаевцев // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата, 1960. Т.УШ. С.175.

19. Такое деление никоим образом не означает, что огузы не принимали участия в этногенезе туркмен первой группы. Однако, если судить по материалам украшений, их роль в сложении племен этой группы была, вероятно, менее значительной, чем в этногенезе племен второй группы.

СОДЕРЖАНИЕ

стр.

Б.В. Андрианов (Москва). Этническая история и хозяйственно-культурное развитие древних и средневековых народов Средней Азии и Казахстана.....	3-12
Л.А. Чвырь (Москва). Одна актуальная проблема этнографии народов Средней Азии и Казахстана.....	13-24
Ф.Д. Люшкевич (Ленинград). Некоторые аспекты этнической истории Среднеазиатского междуречья.....	24-34
А.С. Давыдов (Душанбе). Ареал расселения таджиков в новое время и вопрос об их этнической территории.....	34-43
К.Ш. Шаниязов (Ташкент). К вопросу о тюркоязычных компонентах в сложении узбекской народности.....	44-55
В.Н. Басилов (Москва). Два варианта среднеазиатского шаманства (к изучению этнической истории региона.....)	55-65
Б.Х. Кармышева (Москва). Этнические процессы у населения горной зоны Средней Азии в новое время.....	65-74
Х. Аргынбаев (Алма-Ата). Образование казахских жузов и их дальнейшая этнополитическая судьба.....	74-82
Н.П. Лобачева (Москва). Народная одежда как источник по этногенезу (К вопросу об этногенетических связях народов Средней Азии и Казахстана).....	82-95
К.П. Калиновская, Г.Е. Марков (Москва). Алтайский круг казахского кочевого скотоводства. Этнографические аспекты.....	95-103
И.Б. Молдобаев (Фрунзе). Фольклор киргизского народа как источник по этнической истории.....	103-112
М. Аннанпесов, А. Джикиев (Ашхабад). Этнические процессы в Туркменистане в XVI-XVIII вв. (по историко-этнографическим и архивным данным).....	112-119
Г.П. Васильева (Москва). Бвдирные украшения как источник для этногенетических исследований (по материалам Туркмении).....	119-126